

Серия «Библиотека ГВЛ»
основана в 2005 г. в память
об ученом, политике, предпринимателе
Геннадии Викторовиче Лебедеве
(1957—2004)

Frédéric BASTIAT

**SOPHISMES
ÉCONOMIQUES**

Фонд либеральных программ
«СВОБОДНЫЙ МИР»

БИБЛИОТЕКА ГВА

серия

ЭКОНОМИКА

Фредерик БАСТИА

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СОФИЗМЫ

УДК 330.828.2
ББК 65.02
Б27

Библиотека ГВЛ — совместный проект
издательства «Социум» и Фонда либеральных программ
«Свободный Мир»

Печатается по изданию: *Бастиа Ф.* Экономические софизмы. М.: Общественная польза, 1861. Текст сверен А. В. Куряевым по английскому переводу: *Bastiat F.* Economic Sophisms. Trans. by Arthur Goddard. Irvington-on-Hudson, NY: The Foundation for Economic Education, Inc., 1996.

Бастиа Ф.

Б27 Экономические софизмы / Фредерик Бастиа ; Пер. с франц. под редакцией А. В. Куряева. — Челябинск: Социум, 2010. vi+409 с. (Серия: «Библиотека ГВЛ»)

ISBN 978-5-91603-021-1

Французский экономист середины XIX в. Фредерик Бастиа в своих произведениях дал непревзойденную критику протекционистских заблуждений и намеренных передергиваний. Иронические, а иногда и сатирические, памфлеты Бастиа вызывали бессильный гнев сторонников «защиты отечественной промышленности и национального труда». Автор демонстрирует всю абсурдность протекционистской логики с точки зрения простого здравого смысла.

Книга написана в яркой публицистической манере и рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 330.828.2
ББК 65.02

ISBN 978-5-91603-021-1

© ООО Издательство «Социум»,
перевод, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Предисловие	3
I.1. Обилие, недостаток	7
I.2. Препятствие, причина.	19
I.3. Усилие, результат.	24
I.4. Выравнивание условий производства	35
I.5. Наши товары обременены налогами	59
I.6. Торговый баланс	68
I.7. Прощение	75
I.8. Дифференциальные пошлины	82
I.9. Громадное открытие!!!	84
I.10. Взаимность Стюльта и Пуэра.	91
I.11. Денежные цены.	94
I.12. Увеличивает ли протекционизм заработную плату?	99
I.13. Теория, практика	107
I.14. Столкновение принципов	116
I.15. Еще взаимность.	121
I.16. Засоренные реки, ...	124
I.17. Мнимая железная дорога	126
I.18. Нет безусловных принципов	128
I.19. Национальная независимость	133
I.20. Труд:ручной и механизированный; отечественный и иностранный	137
I.21. Сырье	145
I.22. Метафоры	159
Заключение.	164

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

II.1. Физиология грабежа	175
Объяснение	179
Оправдание	201
II.2. Два нравственных учения	203
II.3. Два топора	214
II.4. Нижний совет труда	219
II.5. Высокие и низкие цены	225
Дополнение	234
II.6. Ремесленникам и работникам	239
II.7. Китайская сказка	252
II.8. Post nos, ergo propter nos (После того, следовательно, и по этой причине)	259
Sim nos, ergo propter nos (Вместе с этим, следовательно, и по этой причине)	259
II.9. Грабеж под видом субсидии	262
II.10. Сборщик налогов.	274
II.11. Утопист.	282
II.12. Соль, почты, таможня.	294
II.13. Покровительство, или Три депутата городской думы	317
Доказательство в четырех картинах.	317
Картина первая	317
Картина вторая	321
Картина третья	325
Картина четвертая	329
II.14. Что-то другое.	333
II.15. Арсенал приверженца свободной торговли	346
II.16. Правая и левая руки.	355
Доклад королю	355
II.17. Доминирование посредством промышленного превосходства	365
Жизнь Фредерика Бастиа	374

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Политическая экономия
представляет обширное поле
для изучения и малое —
для деятельности.

*Бентам*¹

Предисловие

Цель моего сочинения² — опровергнуть некоторые доводы, приводимые против свободы торговли. Я не вызываю на спор сторонников покровительства, а стараюсь только указать принцип свободной торговли тем беспристрастным людям, которые, сомневаясь в истине обоих положений, боятся пристать к той или другой стороне.

Я не из числа тех, которые говорят: покровительство поддерживается личными выгодами. Я думаю, что оно основано на ложных понятиях, или, если угодно, на *несовершенных истинах*. Большинство людей, боящихся свободы торговли, дает повод предполагать, что боязнь эта искренняя.

Может быть, я слишком самонадеян; но, признаюсь, мне хотелось бы, чтобы эта книга была принята в *руководство* теми людьми, которым суждено отдать предпочтение тому или другому принципу. Кто не изучил вопроса о свободной торговле, того беспрестанно смущают различные софизмы покровительства. Каждый раз софизмы эти требуют тщательного разбора, отнимающего много времени, которым не всякий может располагать и менее всего законодатели. Я предлагаю здесь готовый разбор.

«Но, — спросят меня, — разве благодетельные последствия свободной торговли до того неясны, что только вы, посвятившие себя изучению политической экономии, можете их усмотреть?»

Да, этого нельзя отвергнуть. Наши противники, вступая с нами в спор, имеют перед нами значительное

преимущество: они в нескольких словах могут изложить истину *несовершенную*, для доказательства неполноты которой необходимы с нашей стороны долгие и сухие рассуждения.

Причина этого лежит в самом существе дела. Выгоды, предоставляемые покровительством, собираются в одном или нескольких местах, а вредные его последствия распространяются во всем обществе. Первые невидны; вторые могут быть раскрыты только умом³.

То же можно сказать и почти обо всех других экономических вопросах.

Вы скажете, например: вот машина, отнявшая работу у тридцати работников; или вот мот, который поощряет все отрасли промышленности; завоевание Алжира имело последствием удвоение торговых оборотов Марселя; или, наконец, государственный доход дает хлеб ста тысячам семейств. Вы скажете это — и всякий вас поймет; ваши мысли ясны, просты и сами по себе справедливы. Выведите из них правила: машины вредны, роскошь, завоевания, тягостные налоги полезны — и ваша теория будет иметь успех, потому что в подтверждение ее вы можете привести несомненные факты.

Мы же не можем остановиться на причине и ближайшем ее последствии. Мы знаем, что это последствие делается в свою очередь причиной. Чтобы сделать верное заключение о какой-нибудь мере, мы должны проследить ее через целый ряд последствий и остановиться только на конечном. Итак, мы принуждены *рассуждать*.

Ну вот и подняли на нас крик: «Вы теоретики, метафизики, идеологи⁴, утописты, люди, придерживающиеся определенных принципов»: и все предубеждаются против нас.

Что же делать? Обратиться к читателю с просьбой, чтобы он вооружился терпением и судил добросовестно, и стараться, насколько мы к тому способны, делать наши выводы настолько ясными, чтобы правда и ложь выступили во всей их наготе, и чтобы победа, раз и навсегда, осталась или за свободой торговли, или за ограничениями. Здесь я должен сделать одно важное замечание.

Несколько отрывков этого сочинения были напечатаны в *Журнале Экономистов* (*Journal des Economistes*).

В критике, впрочем очень благосклонной, написанной г-ном виконтом де Романе^{*,5}, он полагает, что я требую *уничтожения таможен*. Г-н Романе ошибается. Я желаю лишь уничтожения покровительственной системы. Мы не отказываем правительству в налогах; но желали бы, если только возможно, убедить подданных отказаться от обложения налогами друг друга. Наполеон сказал: «Таможня должна служить не ко взиманию налогов, а к поощрению промышленности». Мы же утверждаем противное и говорим: «Таможня не должна служить работникам орудием взаимного грабежа, но она, не хуже других учреждений, может быть средством к взиманию налогов». Мы так далеки, или, чтобы не вмешивать в спор

* См. *Moniteur industriel*⁶ от 15 и 18 мая 1845 года.

никого, кроме себя, я так далек от мысли об уничтожении таможен, что, напротив, вижу в них в будущем спасительное средство для наших финансов. Я полагаю, что таможи могут дать казне огромные доходы, и если высказаться вполне определенно, то мне кажется, что при медленном распространении здравых понятий о народном хозяйстве и быстром возрастании расходов правительства желаемая мною перемена в торговых уставах будет скорее вынуждена необходимостью доставить казне новые доходы, нежели силой просвещенного мнения.

Но какое же, скажут мне, ваше заключение? Я не имею нужды делать заключения. Я ограничиваюсь опровержением софизмов.

Но, возразят, уничтожение — не заслуга; разрушая, нужно вместе с тем и созидать. Я думаю, что уничтожить заблуждение все равно что создать истину.

С этой оговоркой я готов высказать и мое сожаление. Я хотел бы, чтобы общественное мнение одобрило таможенный тариф, выраженный почти таким образом:

- С предметов самых необходимых взимаются
пошлины, от их стоимости . . . . . 5%.
С предметов, служащих удобству жизни . . . 10%.
С предметов роскоши . . . . . 15 или 20%.

В основе подобного разделения лежат понятия, совершенно чуждые политической экономии, и я вовсе не считаю их до того основательными и полезными, какими они вообще почитаются. Но это уже выходит за границы моего предмета.

I.1. Обилие, недостаток

Что лучше для отдельного человека и для общества: обилие или недостаток? — «Как же можно об этом спрашивать? — скажут вам. — Разве кто-нибудь утверждал, что недостаток составляет благосостояние людей, и возможно ли это предположить?»

Да, это утверждали; и теперь каждый день доказывают, и я не боюсь сказать, что *теория недостатка* имеет большее число приверженцев, нежели противное учение. Она преобладает в разговорах, в журналах, в книгах, в преподавании, и хотя покажется странным, однако же можно утвердительно сказать, что политическая экономия тогда лишь разрешит свою задачу и выполнит свое призвание в обществе, когда сделает общедоступной и неопровержимой ту простую истину, что богатство людей состоит в обилии вещей.

Разве не высказывают каждый день опасения, что иностранцы завалят нас своими произведениями? Значит: страшатся изобилия.

Разве г-н де Сен-Крик⁷ не сказал, что «производительность слишком велика»? Он тоже боялся обилия.

Не ломают ли работники машин? Видно, они страшатся избытка товаров.

Не говорил ли Бюжо⁸: «Пусть хлеб будет дорог, и хлебопашец будет богат»? Но хлеб может быть дорог только тогда, когда его мало; следовательно, г-н Бюжо перевозносил недостаток.

Г-н д'Аргу⁹ сокрушался по поводу производительности свеклосахарной промышленности. Он говорил:

«Свеклосахарное производство не обещает многого, и возделывание сахарной свеклы не может развиваться, потому что достаточно засеять свеклой по несколько гектаров в каждом департаменте¹⁰, чтобы снабдить сахаром всю Францию?» Следовательно, по его мнению: бесплодие и недостаток — благо, плодородие и обилие — зло.

Газеты *la Presse*, *le Commerce* и большая часть других разве ежедневно не печатают статей, в которых доказывают законодателям¹¹ и правительству, что здравая политика должна стремиться к повышению цен на все товары таможенными постановлениями? Не следует ли правительству этому внушению газет? Но тарифы повышают цену вещей не иначе, как уменьшая количество их, предлагаемое на рынке.

Итак: газеты, палаты, министерство прилагают к делу теорию недостатка, поэтому я и имел основание сказать выше, что эта теория имеет большее число последователей.

Как же случилось, что работники, публицисты и государственные люди страшатся изобилия и отдают предпочтение недостатку? Я хочу указать источник этого заблуждения.

Замечают, что человек обогащается по мере того, как извлекает более выгоды из своей работы, т.е. продает произведения своего труда по возможно *высокой цене*. Но это возможно лишь тогда, когда в государстве мало того рода товаров, которые он предлагает, когда в них чувствуется недостаток. Из этого заключают, что такой недостаток обогащает человека.

Прилагая последовательно то же самое рассуждение ко всем производителям, выводят теорию недостатка. Потом переходят к применению теории и, для поощрения всех производителей, искусственно стимулируют дороговизну, недостаток всех предметов, посредством запрещений, ограничений, уничтожения машин и других подобных мер.

То же относится и к изобилию. Замечают, что когда какого-нибудь товара много, то он продается дешево; следовательно, производитель получает меньше выгоды. Если все производители будут в таком положении, то все они будут бедствовать. Следовательно, изобилие разоряет общество. А так как всякое убеждение стремится перейти в дело, то мы и видим, что во многих странах законы направлены против изобилия.

Если этот софизм был бы применен разом ко всем отраслям промышленности, то он, может быть, произвел бы мало впечатления; но относясь только к одному виду явлений, к той или иной отрасли промышленности, к определенному классу производителей, он чрезвычайно *правдоподобен*, и это понятно. Такой силлогизм не ложен, но и не полон. Часть заключающейся в нем истины всегда несомненно очевидна; *неполнота* же его есть качество отрицательное, отсутствующее данное, которое очень возможно и даже легко не заметить.

Человек производит, чтобы потреблять. Он в одно и то же время и производитель, и потребитель. В приведенном мной рассуждении он рассматривается

только с одной из этих сторон. Рассматривая его с другой стороны, мы придем к заключению, совершенно противоположному. В самом деле, разве нельзя также сказать: потребитель тем богаче, чем дешевле все *покупает*; а покупает он предметы тем дешевле, чем их более: следовательно, обилие его обогащает. Это рассуждение, распространенное на всех потребителей, приведет к *теории изобилия*.

Заблуждения эти происходят от неясного понимания концепции *обмена*. Разбирая нашу собственную выгоду, мы ясно видим ее двойственность. Выгода наша, как *продавцов*, заключается в дороговизне и, следовательно, в недостатке; как покупателей — в дешевизне или, что то же самое, в изобилии. Наше рассуждение о выгоде общества не должно основываться на одной из сторон нашей собственной пользы, прежде чем мы не узнаем, которая из них более согласна и тождественна с общей и постоянной выгодой человечества.

Если бы человек был животным необщественным, если бы он работал исключительно для одного себя, если бы он непосредственно потреблял плоды своего труда, одним словом, если бы он не *обменивался* продуктами, тогда теория недостатка не могла бы найти последователей. Было бы слишком очевидно, что обилие для человека выгодно, как бы оно ни возникало: в результате ли его предприимчивости и искусства, усовершенствования ли орудий и машин; благодаря плодородию земли и щедротам природы, или даже путем таинственного выбрасывания заморских

товаров на берег морскими волнами. Человек вне общества никогда бы не вздумал, для поощрения своего труда и для доставления себе пищи, ломать орудия, облегчающие труд, уничтожать плодородие почвы и бросать назад в море принесенные им дары. Он легко понял бы, что если он посвящает в день 2 часа работе для удовлетворения своих нужд, то всякое средство, сокращающее ему на 1 час эту работу (будет ли это машина, плодородие земли или безвозмездный подарок), предоставляет в его распоряжение остающийся час, который он может потратить на увеличение своего благосостояния. Одним словом, он понял бы, что *сбережение труда* — успех.

Но обмен затемняет эту простую истину.

В обществе, в условиях разделения труда, один производит то, что другой потребляет. Производитель более и более приучается к тому, чтобы видеть в своем труде не средство, а цель. Обмен порождает, причем в отношении каждой вещи, две совершенно противоположные выгоды для производителя и потребителя.

Необходимо рассмотреть и изучить сущность каждой из них.

Возьмем любого производителя; в чем состоит его непосредственная выгода? Во-первых, в том, чтобы как можно меньшее число людей занимались тем же промыслом, каким занимается он; во-вторых, чтобы как можно больше людей нуждались в продукте его труда; или, как выражает это гораздо короче политическая экономия: чтобы предложение товара было малó, а спрос велик; или, другими словами:

ограниченное соперничество производителей, неограниченный рынок для сбыта товара.

Какая непосредственная выгода потребителя? Чтобы предложение товара было велико, а спрос ограничен.

А так как обе эти выгоды противоположны, то одна из них должна необходимо совпадать с выгодой общества, а другая быть ей враждебной.

Но которой же из них должен покровительствовать закон, как выражению общественной пользы, если только законодательство обязано покровительствовать какой-нибудь из них?

Чтобы разрешить этот вопрос, достаточно посмотреть, что произойдет, если исполнить тайные желания людей.

Нужно признать, что каждый из нас, как производитель, имеет желания, не согласующиеся с пользой общества. Если мы занимаемся виноделием, то мы несколько не огорчимся, если виноградники целого мира, исключая наши собственные, будут побиты морозом: *вот и принцип теории недостатка*. Если мы владеем металлургическими заводами, мы желаем, чтобы на рынке не было другого железа, кроме нашего, как бы в этом товаре не нуждались потребители; мы понимаем, что живое ощущение этой потребности и неполное удовлетворение ее дадут нам высокие цены, — *та же теория*. Если мы земледельцы, то вторим приведенным выше словам г-на Бюже: «пусть хлеб будет дорог», т.е. пусть его будет мало: дела земледельцев пойдут хорошо. *Опять та же теория*.

Если мы врачи, то не можем не видеть, что выгоды от наших занятий уменьшаются вследствие некоторых физических улучшений, таких, как очищение воздуха в стране, развитие нравственных качеств (умеренности и воздержания), распространение науки до такой степени, чтобы каждый мог сохранять свое здорье, открытие простых и легко применимых средств против болезней. Поэтому тайные желания наши, как врачей, противоречат выгодам общества. Я не хочу сказать, чтобы у врачей действительно были такие желания. Я готов даже предположить, что они с радостью приняли бы весть о каком-нибудь всеисцеляющем средстве; но в этом чувстве выразился бы уже не врач, а человек, христианин; здесь он с похвальной самоотверженностью стал бы на точку зрения потребителя. Но желания или, лучше сказать, выгоды его как человека, посвятившего себя известному занятию, которому он обязан своим благосостоянием, общим уважением и даже средствами содержать свое семейство, не могут совпадать с выгодами общества.

Занимаемся ли мы производством бумажных тканей, мы желаем продать их по самой выгодной для нас цене. Мы бы охотно дали свое согласие на закрытие всех соперничающих с нами мануфактур; и если мы не смеем высказать нашего желания публично, если не решаемся стремиться к полному его осуществлению, не надеясь на успех, то все-таки, в известной мере, достигаем исполнения его путями побочными: например, не допуская ввоза иностранных тканей с целью уменьшить предлагаемое количество их и тем самым

насильственно спровоцировать, в свою пользу, *недостаток* в одежде.

Рассмотрев поочередно все отрасли промышленности, мы нашли бы, что в каждой из них желания производителей противоположны выгодам общества.

«Купец, — говорит Монтень¹², — живет расточительностью молодежи; землевладелец — дороговизной хлеба; архитектор — непрочностью домов; судья — процессами и ссорами людей. Даже честь и средства пастырей церкви сопряжены с нашей смертью и нашими пороками. Никакой врач не радуется здоровью даже своих друзей; солдат недоволен миром и т.д.»

Из этого следует, что если бы исполнились тайные желания каждого производителя, то наше общество быстро возвратилось бы к состоянию диких народов. Парус изгнал бы пар; весло заменило бы парус, и вскоре паровозы должны были бы уступить место телегам, которые, в свою очередь, были бы заменены мулами, а последние носилками. Шерстяные и хлопчатобумажные изделия вытесняли бы друг друга и т.д., пока наконец, вследствие недостатка во всем, и сам человек не исчез бы с лица земли.

Предположите на минуту, что комитету Мимереля¹³ предоставлена законодательная и исполнительная власть и что каждому его члену дано право предложить и заставить утвердить закон: нетрудно угадать, какому промышленному уложению было бы подчинено общество.

Если мы теперь станем рассматривать прямую выгоду потребителя, то найдем, что она полностью

совпадает с выгодой общества и с тем, чего требует благосостояние человечества. И выгода потребителя, и польза общества состоят в изобилии всего; в том, чтобы состояние погоды благоприятствовало урожаю; чтобы изобретения, с каждым разом все более и более удивительные, давали человеку возможность больше производить и удовлетворять большее число потребностей; чтобы сберегались и время и труд; чтобы сокращались расстояния; чтобы распространение в людях стремления к миру и правде позволило уменьшить налоги и чтобы были уничтожены всевозможные преграды. Потребитель может простираť свои тайные желанья до несбыточного, до нелепого, и все-таки эти желанья не перестанут совпадать с пользой человечества. Он может желать, чтобы продукты питания и одежда, жилище и утварь, образование и нравственность, безопасность и мир, сила и здоровье получались им без усилия, без труда и без меры, — как пыль на дороге, вода в реке, воздух и свет, нас окружающие. И все-таки исполнение даже подобных желаний не будет противно благосостоянию общества.

Может быть, скажут, что при осуществлении этих желаний труд производителя все более и более сокращался бы и, наконец, не находя пищи, прекратился бы совершенно. Но отчего бы это произошло? Оттого, что все возможные нужды и желанья были бы вполне удовлетворены. Всемогущий человек создавал бы все одной силой своей воли. Кто-нибудь объяснит мне, почему при таком устройстве мира можно было бы сожалеть о производстве посредством труда?

Выше я говорил, что если в законодательном собрании, состоящем из работников, каждый его член получит возможность законодательно закрепить свои тайные желания, как производителя, то плодом деятельности этого собрания станет система постановлений, предоставлявших членам-работникам исключительное право производства всех предметов, — воплощение в жизнь теории недостатка.

Точно так же законодательное собрание, в котором каждый член следовал бы побуждениям своей личной прямой выгоды, как потребителя, привело бы к свободной торговле, к уничтожению всех ограничительных мер, устранению всех искусственных преград, — одним словом, к осуществлению теории изобилия.

Из этого видно, что следовать побуждениям прямой выгоды производителей — значит действовать против выгод общества; руководствоваться же прямой выгодой потребителя — значит принимать за основу выгоду общественную.

Прошу читателя остановиться на этом утверждении и не обвинять меня в повторении.

Между продавцом и покупателем существует коренное соперничество¹⁴.

Первый желает, чтобы в продаваемых им товарах был недостаток, чтобы они предлагались в ограниченном количестве и по высокой цене.

Последний желает найти изобилие этих товаров, наибольшее предложение их и по низким ценам.

Законы, которые в этом случае должны были бы по крайней мере не принимать участия в этой борьбе, пок-

ровительствуют продавцу против покупателя, дорого-визне против дешевизны*, недостатку против изобилия.

Они, пусть и непреднамеренно, но по крайней мере последовательно, действуют на основании положения: *народ тогда богат, когда у него во всем недостаток.*

Они говорят: нужно покровительствовать производителю, обеспечивая ему хороший сбыт его продукции; для этого нужно повысить цену товара; для возвышения цены нужно уменьшить предложение, а уменьшить предложение — значит произвести недостаток.

Предположим, что в настоящее время, когда эти законы в полной силе, будет сделана полная опись всего, что служит удовлетворению нужд и вкусов ее жителей, а именно: хлеба, мяса, сукна, полотна, топлива, колониальных товаров и пр. При этом в описи этой будут указаны не цена предметов, а их вес, мера, объем и количество. Положим также, что на другой день будут уничтожены все преграды ввоза во Францию иностранных товаров. Наконец, чтобы оценить последствия этого преобразования, допустим, что через 3 месяца будет составлена новая опись.

Не правда ли, что по этой последней описи во Франции окажется больше хлеба, скота, сукон, полотна,

* Во французском языке нет существительного для выражения явления, противоположного высоким ценам (по-английски «cheapness»). Стоит отметить, что люди инстинктивно выражают эту идею следующими словами: «выгодный рынок», «хороший рынок». Протекционистам надо что-то делать, чтобы изменить это отношение. Оно подразумевает целую экономическую систему, зеркально противоположную их представлениям.

железа, каменного угля, сахара и пр.?) Это вполне справедливо и доказывает, что наши покровительствующие тарифы не имеют другой цели, как только препятствовать ввозу к нам всех этих предметов, ограничить их предложение и предупредить понижение цен и изобилие.

Теперь я спрошу: лучше ли питается народ при действии наших законов, когда у нас *мало* хлеба, мяса и сахара? Лучше ли он одет, когда *мало* пряжи, холста и сукон? Теплее ли его жилище, когда *мало* каменного угля? Облегчаются ли его работы тем, что у него *мало* железа, меди, орудий и машин?

Но, скажут: если иностранцы *завалят* нас своими товарами, то они вывезут всю нашу звонкую монету. Что же из этого? Человек ведь не питается монетой, не одевается в золото, не топит печей серебром. Пусть в государстве будет меньше монеты; зато на столе будет больше хлеба, на кухне — мяса, в шкафу — белья и в сарае — дров!

Запретительные законы всегда ставят нас перед одной и той же дилеммой.

Либо мы признаем, что они производят недостаток, либо не мы это не признаем.

В первом случае они причиняют народу весь вред, на какой только способны. Во втором случае они не ограничивают предложение и не повышают цены, а следовательно, и не покровительствуют производителю.

Они или вредны, или недействительны; но ни в каком случае не полезны¹⁵.

1.2. Препятствие, причина

Человек, будучи в первобытном состоянии, не имеет ничего.

Между его потребностями и удовлетворением их находится бездна *препятствий*, преодолеваемых трудом. Любопытно доискаться: каким образом и почему те же самые препятствия, мешавшие его благосостоянию, стали, в его глазах, причиной последнего.

Мне нужно переехать за 100 верст. Но на предстоящем мне пути встречаются горы, реки, болота, непроходимые леса, бродяги, одним словом — *препятствия*; чтобы преодолеть эти препятствия, мне нужно: или самому употребить много усилий, или, что то же самое, если эти усилия будут сделаны другими, то заплатить за них. Ясно, что во втором случае положение мое было бы лучше, если бы препятствий не существовало.

Чтобы прожить длинный ряд дней, отделяющих колыбель от могилы, человеку нужно употреблять в пищу огромное количество продуктов питания, защищать себя от непостоянства погоды и лечиться от болезней. Голод, жажда, болезнь, жар, холод — все это препятствия, которыми усеян его путь. Живя вне общества, он должен был бы преодолевать их охотой, рыбной ловлей, земледелием, прядением, ткачеством, постройкой жилищ, и ясно, что для него было бы выгоднее, если бы эти препятствия или существовали в меньше степени, или не существовали вовсе.

В обществе же человек не борется лично с каждым из этих препятствий, это делают за него другие; в обмен на такую услугу он принимает на себя труд удалять какое-нибудь одно из препятствий, которыми окружены его ближние.

Очевидно, что как для одного человека, так и для всех людей, т.е. для общества в целом, было бы выгоднее, чтобы препятствия были как можно менее значительны и встречались как можно реже.

Но если подробно разобрать общественные явления и желания людей, измененные существованием обмена, то легко обнаружится, каким образом пришли к смешению нужд с богатством и препятствий с причиной.

Разделение труда — результат возможности обмена — приводит к тому, что каждый человек вместо преодоления в свою пользу всех окружающих его препятствий занимается уничтожением лишь *одного* какого-нибудь препятствия и уничтожает его не для одного себя, но и для других людей, которые, в свою очередь, оказывают ему такую же услугу.

Из этого следует, что человек видит непосредственную причину своего богатства в том препятствии, уничтожением которого он занимается в пользу других. Чем препятствие это больше, важнее, чувствительнее, тем более за преодоление его ближние будут расположены к его вознаграждению, т.е. готовы будут оказать ему аналогичную услугу, т.е. уничтожить в его пользу стесняющие его препятствия.

Медик, например, не занимается выпечкой для себя хлеба, шитьем своего платья, изготовлением своих

инструментов. Это делают за него другие; он же излечивает их от болезней. Чем болезни эти многочисленнее, тяжелее и чаще повторяются, тем охотнее соглашаются и даже принуждены бывают больные работать для его личной пользы. С его точки зрения, болезнь, т.е. общее препятствие для благосостояния людей, есть причина личного благосостояния медика. Все производители в отношении к самим себе делают тот же вывод. Судовладелец извлекает выгоды из препятствия, называемого *расстоянием*; земледелец — из того, что зовется *голодом*; ткач — из *холода*; учитель живет за счет *невежества*; ювелир — *тщеславия*, стряпчий — *корысти*, нотариус — возможной *недобросовестности*, подобно тому как медик живет за счет *болезней людей*. Следовательно, совершенно верно, что для людей любой профессии непосредственная выгода заключается в существовании, в усилении того особенного препятствия, борьба с которым составляет занятие каждого из них.

Видя это, некоторые теоретики принимают эти личные побуждения в основу целого учения и говорят: нужда есть богатство; работа есть богатство; препятствие к благосостоянию есть благосостояние. Умножать препятствия значит стимулировать промышленность.

Вслед за этими учеными выступают государственные деятели. В их руках правительственная власть, и что же может быть естественнее, как употреблять ее для умножения и развития препятствий, так как это ведет к умножению и распространению богатства? Они говорят, например: «Если мы не допустим ввоза

железа из стран, где оно изобилует, мы этим создадим препятствие к его получению». Живое ощущение этого препятствия заставит платить, чтобы освободиться от него. Известное число наших соотечественников займется уничтожением его, и препятствие обогатит их. Чем оно будет сильнее, чем меньше будет железной руды, чем она будет недоступнее, чем затруднительнее будет ее перевозка, чем удаленнее она будет от мест потребления, тем больше рук займет горнодобывающая промышленность со всеми ее отраслями. Итак, исключим из потребления ввозимое из другой страны железо, создадим препятствие, чтобы создать труд, его уничтожающий.

То же рассуждение приведет к запрещению машин.

Нам скажут: вот этим людям не в чем держать вино, — это препятствие; а вот другие люди, которые занимаются устранением этого препятствия, делая бочки. Следовательно, мы должны быть довольны существованием препятствия, потому что оно дает пищу труду народа и обогащает некоторое число наших сограждан. Но изобретается машина, которая срубает дуб, обтесывает его, разделяет на множество досок, скрепляет их и изготавливает таким образом бочки. Препятствие стало меньше, и вместе с тем уменьшился и доход бочаров. Поддержим препятствие и барыши производителей. Запретим применение машины.

Чтобы убедиться в ложности этого вывода, достаточно осознать, что труд человеческий есть не *цель*, а *средство*. Он никогда не останется без употребления. Если не существует одного препятствия, он

займется уничтожением другого, и общество освободится от двух препятствий, затрачивая то же количество труда, которое уничтожало только одно из них. Если труд бочаров когда-нибудь станет бесполезным, он найдет себе другое приложение. Но чем же, спросят, он будет вознаграждаться? Тем же самым, чем вознаграждается и теперь, потому что, если известное количество труда делается свободным вследствие уничтожения какого-нибудь препятствия, то вместе с тем делается свободным и соответствующее количество вознаграждения. Если кто-то скажет: человеческий труд не найдет занятий, то должен в то же время доказать, что человечество перестанет встречать препятствия. Но тогда и сам труд, сделавшись невозможным, станет одновременно и излишним. Нам будет нечего делать, потому что мы достигнем всемогущества и для удовлетворения всех наших нужд и желаний нам достаточно произнести: *да будет*¹⁶.

1.3. Усилие, результат

Мы видели, что между нашими нуждами и их удовлетворением поставлены препятствия. Мы побеждаем или ослабляем последние силой наших способностей. Таким образом, вообще говоря, промышленность есть усилие, сопровождаемое результатом.

Но чем измеряется наше благосостояние, наше богатство? Результатом ли усилия или самим усилием? Всегда ли существует зависимость между сделанным усилием и его результатом? Состоит ли успех в относительном возрастании второго или первого?

Оба мнения, находя своих защитников, разделяют между собой область политической экономии. Согласно первому учению, богатство есть лишь следствие труда. Оно увеличивается по мере того, как возрастают *результаты одинакового усилия*. Полное совершенство, прообразом которого является Бог, состоит в получении бесконечных результатов без всякого усилия.

По второму учению, усилие само по себе и составляет, и измеряет богатство. Совершенствование должно состоять в возрастании *усилия в отношении к результату*. Примером такого совершенства может служить вечное и вместе с тем бесплодное усилие Сизифа*,¹⁷.

Естественно, что первое учение признает полезным все то, что способствует уменьшению труда и увели-

* Мы просим читателя извинить нас, если, для сокращения, будем называть впоследствии это учение сизифизмом.

чению объема производства: мощные машины, умножающие силы человека; обмен, дающий возможность извлекать наибольшую выгоду из природных ресурсов, неравномерно распределенных по поверхности земли; разум, делающий открытия; опыт, подтверждающий гипотезы; конкуренция, стимулирующая производство, и пр.

Второе же так же последовательно желает всего, что увеличивает труд и в то же время уменьшает количество продукции: привилегии, монополии, ограничения, запрещения, уничтожение машин, бесплодие и пр.

Интересно, что *на деле* люди всегда и везде руководствуются первым учением. Никто еще не видел и никогда не увидит человека, будь то земледелец, фабрикант, купец, ремесленник, писатель или ученый, который не прикладывает бы все свои способности к тому, чтобы производить лучше, скорее, выгоднее. Одним словом — производить *много из малого*.

Противоположное учение в ходу между теоретиками, депутатами, публицистами, государственными деятелями, министрами, т.е. людьми, призвание которых — ставить опыты над обществом.

Примечательно, однако, что, когда дело касается их личных интересов, они действуют в соответствии с тем же принципом, что и все остальные люди, т.е. стремятся получить от своего труда возможно большее количество полезных результатов.

Может быть, кто-то возразит, что я преувеличиваю и что настоящих *сизифистов* не существует.

Если этим хотят сказать, что на деле не следуют никакому принципу до его крайних следствий, то я согласен. Так всегда и происходит, когда следуют ложному принципу. Оно скоро приводит к таким нелепым и вредным последствиям, что в конце концов необходимо бывает остановиться. Вот почему никакое производство не допускает *сизифизма*; наказание слишком скоро последовало бы за ошибкой и вскрыло бы ее. Но в рассуждениях о промышленности, которыми занимаются теоретики и государственные мужи, можно долго следовать ложному принципу, прежде чем сложные и запутанные последствия, которых никто не ожидал и не желал, докажут нам его ложность. Когда, наконец, их увидят, то начинают следовать противоположному принципу, противоречат самим себе и ищут оправдания в следующей новейшей и невообразимо нелепой аксиоме: в политической экономии нет безусловных принципов.

Посмотрим же, не руководствуются ли люди попеременно обоими приведенными нами учениями: одним в производстве, а другим — в законодательстве.

Я уже приводил слова г-на Бюжо; но в г-не Бюжо два человека — земледелец и законодатель.

Как земледелец, он устремляет все свои усилия к достижению следующей двоякой цели: сберечь труд и производить хлеб как можно дешевле. Когда он предпочитает хороший плуг дурному; когда совершенствует удобрения; когда для разрыхления почвы он вместо действия ветра пользуется бороной и киркой;

когда прибегает ко всем способам, силу и совершенство которых ему открыли наука и опыт, тогда он не имеет и не может иметь другой цели, как *уменьшить* по возможности *усилие в отношении к результату*. У нас даже нет другого средства оценить искусство хлебопашца и совершенство способов обработки земли, как определив, насколько уменьшен ими труд и увеличено количество произведенной продукции. А так как все земледельцы в мире действуют по приведенному нами принципу, то можно сказать, что все человечество стремится, без сомнения, для своей выгоды, произвести хлеб или любую другую продукцию как можно дешевле, сократить необходимый для производства труд.

Этого неоспоримого стремления человечества, если оно однажды доказано, казалось бы, должно быть достаточно для того, чтобы открыть законодателю истинный принцип и указать ему, в каком смысле он должен поощрять промышленность (если только это входит в его функции), потому что бессмысленно было бы утверждать, что законы человеческие должны действовать противно законам Провидения.

Между тем мы слышали, как г-н Бюжо, депутат, восклицал: «Я ничего не понимаю в теории дешевизны; по-моему, лучше, если хлеб дорог, да работы много». И вследствие этого депутат от Дордони подает голос в пользу законодательных мер, затрудняющих торговлю, именно потому, что она доставляет непрямо то, что прямое производство может доставить нам не иначе, как с большими издержками.

Очевидно, что мнение г-на Бюжо, как депутата, прямо противоположно мнению его, как земледельца. Если б он был последователен, то подал бы в палате голос против всякого стеснения или следовал бы на своей ферме учению, провозглашенному им на кафедре. Тогда он заседал бы хлебом самые бесплодные поля, потому что таким образом достиг бы того, чтобы *работать много и получать мало*. Он запретил бы употребление плуга, потому что обработка земли руками отвечала бы его двойному желанию: дороговизне хлеба и избытку труда.

Ограничение имеет признанной целью и следствием увеличение труда.

Признано также, что оно имеет целью и следствием возбуждение дороговизны, которая есть не что иное, как недостаток товаров. Следовательно, будучи доведенной до крайних пределов, политика ограничения есть чистый *сизифизм*, как мы его определили: *бесконечный труд, не ведущий ни к какому результату*.

Г-н барон Шарль Дюпен¹⁸, называемый светилом экономической науки в среде пэрства, обвиняет железные дороги в том, что они *вредят судоходству*. Известно, что более совершенное средство ограничивает употребление средства сравнительно менее эффективного. Но железные дороги могут повредить судоходству не иначе, как привлекая к себе перевозку, привлечь же ее они могут только тем, что будут перевозить дешевле, а это они могут сделать, лишь *уменьшив усилие в отношении к его результату*, потому что это-то именно и составляет дешевизну.

Следовательно, оплакивая уменьшение труда, предпринимаемого для получения того же результата, г-н барон Дюпен впадает в *сизифизм*. Если он предпочитает судно рельсам, то рассуждая последовательно, должен будет предпочесть телегу судну, выюк телеге и носилки всем остальным средствам доставки; потому что это последнее средство требует наибольшего труда для получения наименьшего результата.

«Труд составляет богатство народа», — говорил министр торговли г-н де Сен-Крик, поставивший ей столько препятствий. Не следует думать, что эти слова являются лишь сокращением утверждения, что «*результаты* труда составляют богатство народа». Нет, министр был действительно уверен, что богатство измеряется *напряжением* труда. Доказательством этому служит то, что он вел Францию, последовательно, от одного ограничения к другому, и думал, что делает очень хорошо, если затрачивает двойное количество труда на получение, например, равного количества железа. В Англии центнер железа продавался в то время за 8 франков; во Франции же он обходился в 16 франков. Если оценить стоимость рабочего дня во Франции в 1 франк, то ясно, что она могла путем обмена получить центнер железа за восьмидневный труд работника. Благодаря же запрещению ввоза железа Франции требовалось 16 дней работы, чтобы тот же центнер получить собственным производством. Двойной труд для одинакового удовлетворения, следовательно, двойное богатство; итак, богатство измеряется не результатом, а напряжением труда. Разве это не чистый *сизифизм*?

Для того чтобы избежать превратного понимания, г-н министр старается разъяснить свою мысль и точно так же, как назвал *богатством* напряжение труда, называет *бедностью* изобилие результатов труда или предметов, способных удовлетворять наши нужды. «Везде, — говорит он, — машины заменяют ручной труд; везде излишек производства; везде нарушено равновесие между способностью производить и средствами потребления». Мы видим, что если Франция находилась в затруднительном положении, то причиной этого, по мнению г-на де Сен-Крика, были излишек в производстве и чрезмерная разумность и плодотворность труда. Мы были слишком хорошо одеты, слишком хорошо обеспечены продовольствием и промышленными товарами; высокая производительность превосходила все наши желания. Нужно было, наконец, положить предел этому бедствию и заставить нас, посредством запрещений, работать больше, а производить меньше.

Я приводил также мнение другого министра торговли, г-на д'Аргу. Оно заслуживает, чтобы мы остановились на нем. В надежде нанести страшный удар производству сахарной свеклы, он говорил: «Без сомнения, возделывание сахарной свеклы полезно, но *эта польза ограничена*. Она не обещает того огромного развития, которое ей предсказывают. Чтобы убедиться в этом, достаточно заметить, что эта отрасль земледелия будет необходимо ограничена требованиями потребления. Удвойте, утройте, если хотите, нынешнее потребление сахара во Франции, *вы все равно*

обнаружите, что самая малая часть земли будет достаточна для удовлетворения этой потребности [Весьма примечательное сожаление. — Ф. Б.]. Вам нужны доказательства? Сколько гектаров было засеяно свеклой в 1828 году? 3130, что составляет $\frac{1}{10540}$ всей пахотной земли. Сколько засеивается в настоящее время, когда местный сахар удовлетворяет $\frac{1}{3}$ потребности? 16 700 гектаров, т.е. $\frac{1}{1978}$ пахотной земли, или 45 сентиаров на коммуну¹⁹. Предположим, что местный сахар удовлетворит всю потребность и, в таком случае, для посева сахарной свеклы нужно будет выделить не более 48 000 гектаров, или $\frac{1}{689}$ всей пахотной земли»*.

Данное рассуждение состоит из двух элементов: данных, на которые опирается учение, и самого учения. Данные доказывают, что для производства сахара в большом количестве нужно мало земли, капиталов и работы и что каждая община Франции была бы обеспечена им с избытком, если бы выделила для возделывания сахарной свеклы только один гектар своей земли. Учение же смотрит на это обстоятельство как на вредное и видит в самой эффективности и продуктивности новой промышленности предел ее полезности.

Не мое дело защищать здесь пользу сахарной свек-

* Справедливость требует сказать, что г-н д'Аргу вкладывал эти странные слова в уста противников сахарной свеклы. Но он официально усвоил их и подтвердил тем самым законом, которому они служили оправданием.

лы или разбирать приведенные г-ном д'Аргу цифры*. Но стоит труда исследовать учение государственного человека, которому Франция в течение долгого времени вверяла судьбу своего земледелия и своей торговли.

Я сказал уже, что между промышленным усилием и его результатом существует изменяющаяся количественная связь; что крайнее несовершенство состоит в бесконечном усилии без всякого результата, а полное совершенство — в безграничном результате без всякого усилия; наконец, совершенствование состоит в возрастающем уменьшении усилия относительно результата.

Но г-н д'Аргу открывает нам присутствие смерти там, где мы видим жизнь, и говорит, что важность какой-нибудь отрасли промышленности измеряется ее бессилием. Чего, например, ожидать от воздвигания сахарной свеклы? Разве вы не видите, что 48 000 гектаров земли, с соответствующим капиталом и числом рабочих рук, будет достаточно для снабжения сахаром всей Франции? Следовательно, эта отрасль приносит *ограниченную пользу*. Ограниченную, конечно, относительно труда, которого она требует, чем единственно, по мнению министра, может быть полезна любая отрасль. Эта польза была бы еще более

* Предположим, что площади от 48 000 до 50 000 гектаров достаточно для удовлетворения настоящей потребности; если потребление утроится, что г-н д'Аргу признает возможным, то необходимо будет 150 000 гектаров. Сверх того, если бы свекла вошла в трехпольное хозяйство, то она заняла бы последовательно 900 000 гектаров, или $\frac{1}{28}$ пахотной земли.

ограниченной, если бы, благодаря плодородию почвы или богатству урожая сахарной свеклы, мы собирали бы с 24 000 гектаров столько же, сколько теперь получаем с 48 000 гектаров. Другое дело, если бы нужно было в 20, в 100 раз больше земли, капиталов и рабочих рук, чтобы достичь того же результата. Тогда можно было бы возлагать некоторые надежды на новую отрасль, которая была бы достойна всякого покровительства со стороны государства, потому что представляла бы обширное поле для приложения труда нашего народа. Но производить много небольшими средствами — это дурной пример, и законодательство должно предотвращать подобный беспорядок.

Но что справедливо в отношении сахара, не может быть ложно и относительно хлеба. Поэтому, если пользу отрасли следует оценивать не количеством потребностей, которые она в состоянии удовлетворить, при определенном труде, но, напротив, развитием труда, необходимого для удовлетворения данных потребностей, то, очевидно, мы должны желать, чтобы каждый гектар земли давал меньше зерна, и каждое зерно — меньше питательных веществ. Другими словами: чтобы земля наша была бесплодна, потому что тогда для доставления народу средств пропитания нужно будет гораздо больше земли, капиталов и труда; можно даже сказать, что спрос на труд будет расти вместе с бесплодием. Желания гг. Бюжо, Сен-Крика, Дюпена, д'Аргу будут в таком случае удовлетворены: хлеб будет дорог, работы много, и Франция сделается богатой — богатой в том смысле, как разумеют эти господа.

Мы должны желать также, чтобы человеческий ум ослабел и угас; потому что до тех пор, пока он жив, он постоянно стремится уменьшить *труд по отношению к количеству произведенной продукции и применяемые средства по отношению к цели*. В этом-то, собственно, и исключительно в этом состоит ум человеческий.

Итак, учение тех людей, которым была вверена судьба нашей промышленности, есть *сизифизм*. Несправедливо было бы упрекать их в этом. Наш кабинет министров руководствуется этим принципом, потому что последний разделяет большинство наших законодателей; он господствует в среде наших законодателей только потому, что они являются представителями избирателей; а избиратели проникнуты им, потому что им пропитано общественное мнение.

Я считаю долгом повторить, что не признаю таких людей, как гг. Бюжо, Дюпен, Сен-Крик, д'Аргу, совершенными *сизифистами* во всех случаях. Наверное, они не таковы в своих частных действиях; наверное, каждый из них доставляет себе *путем обмена* то, что ему обошлось бы дороже *прямым производством*. Но я говорю, что они *сизифисты* в том случае, когда препятствуют стране в ее стремлении делать то же самое²⁰.

I.4. Выравнивание условий производства

Говорят... Но, чтобы не быть обвиненным в том, что я влагаю ложные выводы в уста защитников покровительства, я лучше приведу слова одного из его самых энергичных поборников.

«Мы считаем, что во Франции покровительство должно ограничиваться обложением ввозимого товара лишь такой пошлиной, которая равнялась бы разности между издержками производства этого товара во Франции и той стране, откуда он привозится... Покровительственная пошлина, основанная на этом расчете, обеспечивает лишь свободную конкуренцию..., так как конкуренция существует только при одинаковых условиях и издержках производства. На бегах определяют вес, который будет везти каждая лошадь, и выравнивают условия; без этого не может быть и состязания. В торговле, если один из продавцов может предложить товар дешевле, то он перестает уже быть состязателем и делается монополистом...

Уничтожьте покровительственную пошлину, представляющую разницу издержек производства, и иностранцы завалят наш рынок своими товарами и приобретут монополию» (Виконт де Романе).

«Каждый должен желать, как для себя, так и для других, чтобы производство страны было защищено от иностранной конкуренции во всех тех случаях, когда последняя может доставлять товары по более низкой цене» (Матьё де Домбаль).

Это доказательство постоянно встречается в сочинениях покровительственной школы. Я намерен разобрать его тщательно и поэтому прошу у читателя внимания и даже терпения. Я займусь сначала несообразностями, проистекающими из существа налогов, а потом теми, которые сопряжены с их различием.

Здесь, как и везде, мы находим приверженцев покровительства, стоящих на точке зрения производителя, тогда как мы держим сторону несчастных потребителей, на которых они не обращают решительно никакого внимания. Они сравнивают поле промышленности с *лошадиными бегами*. Но на скачках бег есть одновременно и *средство*, и *цель*. Публику занимает лишь само состязание. Когда вы пускаете лошадей с единственной *целью* — узнать, которая из них лучше бежит, тогда я понимаю ваше старание уравнивать отягощающий их груз. Но если бы вы имели *целью* доставить срочную депешу с какой-нибудь важной новостью, разве вы стали бы, будучи последовательными, создавать препятствия той из лошадей, которая представляла бы вам лучшие условия для скорой доставки?

Вы, однако же, делаете это с промышленностью. Вы забываете о желаемом результате производственной деятельности, который есть *благосостояние*; отклоняясь от сути, вы не обращаете внимания на этот результат и даже жертвуете им.

Но так как мы не можем заставить наших противников смотреть на предмет с нашей точки зрения, то встанем на их позиции.

Я постараюсь доказать:

1-е, что выровнять условия производства, значит разрушить саму суть обмена;

2-е, что неверно, будто труд одной страны может подавляться соперничеством других стран, находящихся в более благоприятных условиях;

3-е, что даже если бы это было так, то налоги не могут выравнивать условий производства;

4-е, что свобода торговли выравнивает эти условия, насколько это возможно;

5-е, наконец, что именно страны, находящиеся в наихудших условиях, больше всего выигрывают от обмена.

I. Выравнивать условия производства — это значит не только затруднять обмен в некоторых случаях, но и уничтожать его в самом его существе, потому что обмен основывается именно на том разнообразии или, если угодно, на той неодинаковости степени плодородия, способностей, климата, температуры, которую вы хотите сгладить.

Если одна провинция Франции, Гиень, посылает вина в другую, Бретань²¹, а Бретань зерно — в Гиень, то это происходит оттого, что эти две провинции поставлены в различные условия производства. Существует ли другой закон для международного обмена? Повторю еще: приводить в качестве доводов против обмена неравенство условий, которые его вызывают и объясняют, значит нападать на саму причину его существования. Если бы защитники покровительства были последовательнее и могущественнее, то они

присудили бы людей к изолированной жизни улиток. Кроме того, строгий логический анализ показывает, что последовательное проведение в жизнь любого софизма из их арсенала закончится разрушением и уничтожением общества.

II. Неверно, *на деле*, что неравенство усилий двух одинаковых отраслей необходимо влечет за собой упадок той из них, которая поставлена в менее благоприятные условия. На бегах, если один из рысаков выигрывает приз, другой его теряет; но когда силы двух лошадей используются для полезного производства, то каждая из них производит результат пропорционально своим силам. Из того, что более сильная лошадь оказывает больше услуг, не следует, что более слабая не оказывает никаких. Пшеница возделывается во всех департаментах Франции, несмотря на существующую между ними огромную разницу в плодородии почвы, и если в каком-нибудь из них не сеют пшеницы, то это потому, что такие посевы невыгодны для самого департамента. Из этого примера мы делаем вывод, что при господстве свободной торговли, несмотря на подобные же различия в плодородии почвы, пшеницу стали бы возделывать во всех европейских государствах, и если бы одно из них отказалось от ее возделывания, то это произошло бы потому, что оно нашло более *выгодное для себя* применение своей земли, капитала и труда. Почему же плодородие земли в одном департаменте не уничтожает земледелия в соседнем, находящемся в менее благоприятных обстоятельствах? Потому, что в экономических

явлениях есть гибкость, упругость и, так сказать, *средства выравнивания*, совершенно ускользающие от внимания покровительственной школы. Она обвиняет нас в том, что мы слишком систематичны и излишне строго следуем принятому нами положению; но если в этом можно упрекнуть кого-нибудь, то, конечно, самих ее последователей, которые основывают свое суждение не на всей совокупности явлений, а на одном из них. В приведенном выше примере различие плодородия уравнивается различием ценности земли. На вашем поле урожай бывает втрое больше, чем на моем. Да, но зато вы заплатили за вашу землю вдесятеро дороже, и я все-таки могу с вами бороться. Вот в чем весь секрет. И заметьте, что один предмет, превосходя другой в некоторых отношениях, всегда уступает ему в других. Именно потому, что ваша земля более плодородна, она дороже, так что равновесие устанавливается или стремится установиться, не *случайно*, а *необходимо*; и можно ли отрицать, что свободная торговля есть тот порядок вещей, который наиболее способствует этому стремлению в достижении его цели.

Я привел в пример земледелие; но точно так же я мог бы привести в пример и промышленность. В Кемпере²² есть портные, и это не мешает им быть и в Париже, хотя последним гораздо дороже обходятся наем квартиры, мебель, рабочие и пища. Но зато у них совершенно другие покупатели, и этого достаточно не только для установления равновесия, но и для получения ими большей выгоды.

Поэтому, если уж говорить уже о выравнивании условий производства, то нужно по крайней мере убедиться в том, не делает ли свободная торговля того же самого, что хотят сделать произволом.

Это естественное выравнивание в экономических явлениях так важно в разбираемом вопросе и в то же время так способно заставить нас удивляться мудрости Провидения, управляющего обществом, что я прошу позволения остановиться на этом предмете.

Господа защитники покровительства, вы говорите: «Такой-то народ имеет пред нами преимущество в том, что у него дешевле каменный уголь, железо, машины, капиталы: мы не можем с ним бороться».

Суждение это будет исследовано в других его видах. Здесь же я ограничусь рассмотрением вопроса: не нейтрализуют ли в конечном итоге друг друга более выгодные и менее выгодные условия производства, и не устанавливается ли тем самым подлинное равновесие.

Возьмем две страны, *A* и *B*. *A* имеет разного рода преимущества перед *B*. Из этого вы заключаете, что работа сосредоточивается в *A* и что *B* ничего не может с этим поделаться. *A*, говорите вы, продает гораздо больше, нежели покупает; *B* покупает гораздо больше, нежели продает. Я бы мог оспаривать это, но встану на вашу точку зрения.

В стране *A* существует большой спрос на труд, и скоро он дорожает. Такой же спрос существует в *A* на железо, каменный уголь, продовольствие, капиталы, и все это должно повыситься в цене.

Это еще не все. Коль скоро *A* постоянно продает, а *B* беспрестанно покупает, то звонкая монета переходит из *B* в *A*. Она в изобилии в *A*, и ее остается мало в *B*. Но при избытке денег для покупки всякого другого предмета их нужно иметь гораздо больше. Следовательно, в *A* к *действительной дороговизне*, происходящей от большого спроса на товары, присоединяется *дороговизна мнимая, зависящая от избытка благородных металлов*.

При недостатке денег их нужно немного для каждой покупки. Следовательно, в *B* *мнимая дешевизна* будет сопряжена с *действительной дешевизной*.

В этих обстоятельствах промышленность будет иметь разного рода побуждения, и самые сильные побуждения будут заключаться в том, чтобы оставить *A* и обосноваться в *B*.

Или, чтобы возвратиться к реальности, скажем, что промышленность не будет ждать этого времени, что внезапные перемещения противны ее природе и что с самого начала под влиянием свободной торговли промышленность постепенно распределится между *A* и *B* по законам спроса и предложения, т.е. по законам справедливости и пользы.

Я не занимаюсь выдвиганием необоснованных гипотез, когда говорю, что, если бы было возможно, чтобы промышленность концентрировалась в одном месте, то сам этот факт порождал бы непреодолимую тенденцию к децентрализации.

Послушаем, что говорил один фабрикант в торговой палате Манчестера (я не привожу цифр, которыми

он подкреплял свои доводы): «Прежде мы вывозили ткани; потом этот вывоз уступил место вывозу ниток, составной части тканей; потом мы стали вывозить прядильные машины, т.е. орудия производства ниток; после этого капиталы, на которые строим наши машины; и наконец, наших работников и наш промышленный гений, которые составляют источник наших капиталов. Все составные части производства ушли от нас одна за другой, чтобы действовать там, где могут принести большую выгоду, там, где средства существования не так дороги, а жизнь легче. И мы находим теперь в Пруссии, Австрии, Саксонии, Швейцарии, Италии огромные мануфактуры, основанные на английские капиталы, использующие труд английских рабочих и управляемые английскими инженерами».

Из этого видно, что природа или, скорее, Провидение, более мудрое, разумное и дальновидное, чем предположения вашей узкой и строгой теории, не желает этого сосредоточения труда, этой монополии всех преимуществ, на которую вы указываете, как на общее и неисправимое явление.

Столь же простыми, сколь и верными средствами оно обеспечило повсеместное распространение промышленности, взаимозависимость всех стран, одновременное развитие; одним словом, все то, что уничтожают ваши ограничивающие законы, насколько это в их власти. Это происходит оттого, что ваши законы направлены на то, чтобы, разъединив народы, сделать более резким различие условий, в которые они поставлены, не допускать выравнивания, нейтрализовать

уравновешивающие силы и законсервировать страны в их нынешнем положении, со всеми их относительными преимуществами или слабыми сторонами.

III. Говорить, что покровительственная пошлина уравнивает условия производства, значит оставить ложное выражение проводникам заблуждения. Неверно, что ввозная пошлина уравнивает условия производства. Они и после налога остаются теми же самыми. Самое большее, ввозная пошлина уравнивает условия продажи. Может быть, скажут, что я играю словами, но я обращаю это обвинение против моих противников. Им следует доказать, что *производство* и *продажа* — слова однозначные, а иначе я буду иметь основание упрекнуть их если не в игре слов, то по меньшей мере в их смешении.

Позвольте пояснить мою мысль примером.

Предположим, что каким-нибудь парижским спекулянтам вздумалось заняться разведением апельсинов. Португальские апельсины могут продаваться в Париже по 10 сантимов; наши же спекулянты, по причине необходимости заведения ими кадок для деревьев, теплиц, по причине холода, который часто будет затруднять их производство, не будут иметь возможности брать за штуку менее франка²³. Они требуют, чтобы на португальские апельсины была наложена пошлина в 90 сантимов. Посредством этой пошлины условия производства, говорят они, будут выровнены, и законодательное собрание, как всегда уступая такому рассуждению, вносит в тариф пошлину в 90 сантимов на каждый иностранный апельсин.

Итак, я говорю, что *условия производства* несколько не изменились. Закон несколько не уменьшил ни теплоты лучей португальского солнца, ни частоты повторения и силы морозов в Париже. Созревание апельсинов точно так же, как и прежде, будет происходить *естественно* на берегах Тежу²⁴ и производиться *искусственно* на берегах Сены, то есть: в одной стране будет требовать гораздо больше человеческого труда, чем в другой. Уравнены же будут только *условия продажи*: португальцы должны будут продавать свои апельсины по одному франку, из которого 90 сантимов пойдут на уплату пошлины. Она, очевидно, будет оплачиваться французским потребителем. И посмотрите на странность последствий. На каждом потребляемом португальском апельсине государство ничего не потеряет, потому что 90 сантимов, дополнительно заплаченные потребителем, пойдут в казну. Произойдет перемещение, а не потеря. Но на каждом потребляемом французском апельсине будет потеряно 90 сантимов или около того, потому что, без сомнения, их теряет потребитель и, не менее очевидно, не выигрывает продавец, так как, по самому предположению, в цене апельсинов он будет получать только издержки их разведения. Право сделать из этого выводы я предоставляю защитникам покровительства.

IV. Если я старался доказать различие между условиями производства и условиями продажи, различие, которое защитники покровительства найдут, без сомнения, слишком тонким и парадоксальным, то я делал это для того, чтобы перейти к утверждению,

которое покажется им еще более странным парадоксом и опечалит их не меньше. Вот оно: если вы действительно хотите уравнивать условия производства, то сделайте обмен свободным.

«Это уж слишком, — скажут нам, — в своих шутках вы заходите слишком далеко!» Пусть так! но я прошу господ защитников покровительства, хотя бы из любопытства, проследить до конца мой вывод. Он не будет длинен. Я беру прежний пример.

Предположим, что средняя стоимость рабочего дня во Франции составляет один франк; из этого неоспоримо будет следовать, что для того чтобы получить прямым производством апельсин во Франции, необходимо будет потратить целый день работы или соответствующую ему стоимость, между тем как для производства ценности, на которую можно выменять португальский апельсин, нужно будет употребить только десятую долю рабочего дня; значит, в Лиссабоне солнце делает то, что в Париже может сделать только труд. Но разве не очевидно, что если я могу произвести апельсин или, что то же самое, выручить деньги для его покупки десятой частью рабочего дня, то я поставлен, относительно этого производства, точно в те же условия, как и сам португальский производитель, не считая издержек на транспортировку, которые должны пасть на меня? Следовательно, ясно, что свобода торговли выравнивает, насколько это возможно, условия производства — прямого и непрямого, потому что она оставляет только неизбежную разницу, состоящую в издержках транспортировки.

Добавлю, что свобода торговли выравнивает также условия пользования, удовлетворения и потребления, на что никогда не обращают внимания и что имеет существенную важность, потому что потребление есть конечная цель всех наших промышленных усилий. Благодаря свободному обмену мы столько же пользовались бы португальским солнцем, как сама Португалия; жителям Гавра стали бы столь же доступны, как и жителям Лондона, и на тех же самых условиях минеральные богатства, которыми природа наделила Ньюкасл.

V. Господа протекционисты, видимо, уже поняли, что я настроен говорить парадоксы. А сейчас я пойду еще дальше. Я утверждаю и искренне уверен, что если две страны поставлены в неодинаковые условия производства, *то из них обеих от свободы обмена выигрывает прежде всего та, которая поставлена природой в менее благоприятные условия.* Чтобы доказать это, я должен слегка отклониться от формы, приличной этому сочинению. Но тем не менее я сделаю это; во-первых, потому, что в сформулированном выше положении выражена основная идея того, что я пытаюсь донести до читателя; во-вторых, потому что развитие ее позволит мне изложить экономический закон первостепенной важности, способный, как мне кажется, при совершенном уразумении его, заставить вновь обратиться к науке все те секты, которые в наше время ищут образец общественного устройства в своих фантазиях и не замечают его существования в природе. Я говорю о законе потребления, в совершенном

невнимании к которому можно обвинить большую часть экономистов.

Потребление есть *цель*, конечная причина всех экономических явлений, и, следовательно, в потреблении заключается их последнее и окончательное разрешение.

Ничто, ни благоприятное, ни неблагоприятное, не касается только производителя. Как преимущества, получаемые им от природы и общества, так и создаваемые ими неудобства, так сказать, ускользают от него и незаметно растворяются в обществе, т.е. в массе потребителей. Этот закон удивителен в своей причине и следствиях, и тот, кому удалось бы его хорошо изложить, имел бы, я думаю, право сказать: «Я уплатил свой долг обществу за то, что жил на этой земле».

Всякое обстоятельство, способствующее производству, принимается с радостью производителем, потому что для него *непосредственное следствие* такого обстоятельства есть приобретение возможности оказывать обществу больше услуг и требовать от него большего вознаграждения. Всякое обстоятельство, препятствующее производству, встречается производителем неприязненно, потому что *непосредственным следствием* этого обстоятельства будет уменьшение услуг, а следовательно и вознаграждения. Поскольку *непосредственные* выгоды и тяготы, истекающие из благоприятных или неблагоприятных обстоятельств, необходимо отражаются сначала на производителе: он испытывает неодолимое стремление искать первых и избегать вторых.

Точно так же, когда работнику удастся усовершенствовать свои навыки, непосредственная прибыль от такого усовершенствования будет получена им. Это необходимо, чтобы побудить его к разумному труду, и справедливо: потому что усилие, увенчанное успехом, должно принести с собой награду.

Но я утверждаю, что эти следствия, хорошие и дурные, хотя и бывают постоянными сами по себе, не являются таковыми по отношению к производителю. В противном случае, существующее между людьми неравенство закрепилось бы навечно и постоянно углублялось; вот почему благо и вред скоро становятся частью общих судеб человечества.

Каким образом это происходит? В пояснение я приведу несколько примеров.

Перенесемся в XIII столетие. Люди, посвятившие себя ремеслу переписчиков, получают за оказываемую ими услугу *вознаграждение, обусловливаемое средней ценой труда*. Один из них ищет и находит средство быстро размножать экземпляры одной и той же рукописи. Он изобретает типографию²⁵.

Сначала обогащается один человек, в то время как много других беднеют. На первый взгляд, каким бы чудесным ни казалось открытие, возникает сомнение: не принесло ли оно больше вреда, нежели пользы? Кажется, что оно вносит в мир, как я уже сказал, принцип бесконечного неравенства. Гуттенберг наживает барыши своим изобретением и вкладывает их в бесконечное расширение своего бизнеса, до тех пор пока не разорит всех переписчиков. Что же касается

публики, потребителя, то они мало выигрывают, потому что Гуттенберг будет стараться понизить цену своих книг только в той степени, насколько это будет необходимо для подрыва возможностей своих соперников, и не более.

Но Бог мудро вложил стройность не только в движение небесных тел, но и во внутреннее устройство общества. Мы сейчас увидим, каким образом выгоды изобретения перестают быть уделом одного лица и навсегда становятся общим достоянием.

Со временем способ тиражирования становится известным. Гуттенберг уже не один занимается печатанием; другие следуют его примеру. Барыши этих лиц сначала весьма значительны. Они получают вознаграждение за то, что первыми решились подражать изобретателю, и это вознаграждение необходимо, чтобы вызвать и привлечь их к делу и тем самым заставить содействовать приближению того великого конечного результата, к которому мы стремимся. Получаемая ими прибыль высока, но она меньше той, которую получил изобретатель, потому что начала действовать конкуренция. Цена книг падает все ниже и ниже. Прибыль подражателей уменьшается по мере того, чем далее отстоит время, в которое они являются, от дня изобретения, т.е. постепенно подражание все меньше и меньше заслуживает какого-то особого вознаграждения. Скоро новая отрасль достигает общего уровня: вознаграждение печатников не представляет уже ничего исключительного и точно так же, как прежде вознаграждение переписчиков, обуславливается *средней*

ценой труда. Таким образом, мерой вознаграждения вновь становится производство. Тем не менее изобретение представляет собой шаг вперед; сбережение труда, времени, усилий, необходимых для получения данного результата, состоящего в оттиске определенного числа экземпляров, тем не менее осуществилось. Но каким образом оно проявляется? Дешевизною книг. В чью же пользу? В пользу потребителя, общества, человечества. Печатники, заслуги которых не представляют теперь ничего исключительного, с этого времени не получают уже и исключительного вознаграждения. Как люди вообще, как потребители, они, без сомнения, участвуют в выгодах, которые изобретение принесло обществу, но не более. Как производители, они оказываются в обычных условиях всех производителей в государстве. Общество платит им за труд, а не за полезность изобретения. Последнее стало уже достоянием человечества.

Признаюсь, что мудрость и совершенство этих законов заставляют меня удивляться им и благоговеть перед ними. Я вижу в них осуществление сен-симонизма: *«каждому по его способностям, каждой способности по ее делам»*²⁶. Вижу в них осуществление коммунизма, т.е. стремление благ сделаться *общим* достоянием людей; но это сен-симонизм и коммунизм, управляемые бесконечной предусмотрительностью, а не предоставленные непостоянству, страстям и произволу людей.

Сказанное мной о типографском станке можно приложить и ко всем остальным орудиям производства,

начиная от гвоздя и молотка до паровоза и электрического телеграфа. Общество пользуется всеми изобретениями, так как они множат предметы потребления, и оно пользуется ими безвозмездно, потому что действие их состоит в уменьшении цены предметов, и вся уничтоженная благодаря участию изобретения в производстве часть цены очевидно делает безвозмездной соответствующую часть продукта. Остается оплачивать только текущий человеческий труд; при этом доля продукта, являющаяся результатом изобретения, не принимается уже в расчет, по крайней мере в том случае, когда оно уже прошло тот неизбежный цикл, который я только что описал.

Я приглашаю работника, чтобы он сделал мне доски. Он является ко мне с пилой. Я плачу ему 2 франка в день, и он изготавливает 25 досок. Если бы пила не была изобретена, то он, может быть, не успел бы изготовить и одной доски, но я все-таки заплатил бы ему за день работы. Польза, производимая пилой, составляет для меня, следовательно, безвозмездный подарок природы, или, лучше сказать, эта польза есть часть наследства, полученного мною, сообща со всеми ближними, благодаря смысленности наших предков. У меня в поле работают два работника: один — плугом, другой — лопатой. Результаты их работы далеко не одинаковы, а поденная плата одна и та же, потому что вознаграждение соразмеряется не с производимой пользой, а с затраченным усилием, трудом.

Я прошу терпения у читателя и уверяю его, что не потерял из виду свободы торговли. Пусть он только

вспомнит заключение, к которому я пришел: *вознаграждение соразмеряется не с полезностью вещи, предлагаемой производителем на рынке, но с его трудом**.

Я приводил примеры изобретений. Поговорим теперь о содействии самой природы.

Во всяком производстве действуют вместе и природа, и человек. Но часть пользы, доставляемой природой, всегда бесплатна. Предмет обмена, и следовательно вознаграждения, составляет только та доля пользы, которую приносит человеческий труд. Безусловно, эта последняя доля сильно изменяется: от большего или меньшего напряжения труда, его ловкости, быстроты, своевременности, нужды в нем, временного отсутствия конкуренции и пр., и пр. Но тем не менее можно утверждать, что хотя содействие естественных законов имеет место в любом производстве, этот факт не оказывает никакого влияния на цену произведения.

Мы не платим за воздух, которым дышим, несмотря на то, что он для нас так *полезен*, что без него мы не прожили бы и двух минут. Мы за него не платим, потому что природа доставляет его нам без участия какого бы ни было человеческого труда. Если же мы желаем отделить один из газов, составляющих воздух,

* Правда, что труд вознаграждается неодинаково. Есть труд более или менее тяжелый, опасный, требующий искусства и пр. Конкуренция устанавливает для каждого рода труда известную плату, и об этой именно изменяющейся плате я и говорю.

например, чтобы поставить какой-нибудь опыт, то нам нужно употребить труд, или если заставляем кого-то другого затратить этот труд, то и мы, со своей стороны, должны пожертвовать в его пользу равноценным трудом, затраченным нами для получения какого-нибудь другого продукта. Из этого видно, что люди обмениваются напряжением, усилием, трудом. В действительности я плачу не за кислород, потому что вместе с другой частью воздуха он и так в моем распоряжении, но за труд, который нужно потратить на его выделение, труд, от которого я был избавлен и за который поэтому должен вознаградить. Скажут, что здесь оплачивается не один труд, но и издержки, материалы, приборы. Но ведь и в этих предметах я оплачиваю лишь труд. Цена использованного каменного угля представляет труд, необходимый для его добычи и перевозки.

Мы не платим за солнечный свет, потому что нам дает его природа. Но мы платим за освещение газом, салом, маслом, воском, потому что здесь нужно вознаградить человеческий труд; и, заметьте, вознаграждение до того соразмеряется с трудом, а не с пользой, что легко может случиться, что освещение, которое гораздо ярче другого, может быть, однако, дешевле. Необходимо лишь, чтобы то же количество человеческого труда производило этого освещения больше, нежели другого.

Если бы я платил водовозу, снабжающему мой дом водой, соразмерно безусловной пользе воды, то на это не хватило бы моего состояния. Но я плачу ему

соразмерно труду, который он затрачивает. Если бы он потребовал большей платы, то его труд взяли бы на себя другие, и, наконец, в случае нужды, я сам. Предмет торговли составляет не вода, а труд, предпринимаемый для снабжения ею. Этот взгляд и следствия, которые я из него выведу, настолько важны для решения проблемы свободы международного обмена, что я считаю необходимым пояснить мою мысль другими примерами.

Количество питательных веществ, содержащихся в картофеле, не очень дорого, потому что его можно добыть много небольшим трудом. За пшеницу мы платим больше, потому что для ее добывания природа требует гораздо больше человеческого труда. Очевидно, что если бы природа одинаково содействовала произрастанию как пшеницы, так и картофеля, то цены стремились бы сравняться. Невозможно, чтобы производитель пшеницы получал постоянно гораздо больше прибыли, нежели производитель картофеля. Закон спроса и предложения этого не допустит.

Если бы каким-то чудом плодородие всех пахотных земель повысилось, то от этого явления выиграл бы не земледелец, а потребитель, потому что оно проявилось бы изобилием, дешевизной. Каждый гектолитр²⁷ хлеба требовал бы меньших затрат труда, и земледелец мог бы обменять его только на продукт, требующий затраты такого же уменьшенного количества труда. Если бы, напротив, плодородие земли вдруг уменьшилось, то участие природы в производстве стало бы меньше, а участие труда — больше,

и продукт бы подорожал. Следовательно, я был прав, говоря, что раньше или позже последствия всех экономических явлений распространяются среди потребителей, т.е. всего человечества. Тот, кто не прослеживает их действия до конца, кто останавливается на их *непосредственных* следствиях, простирающихся на одного лишь человека или на один класс людей в их ипостаси производителей, заслуживает называться экономистом не более, чем тот, кто, вместо исследования действия какого-нибудь лекарства на весь организм, ограничился бы для определения пользы этого лекарства наблюдением над действием его лишь на нёбо и глотку, заслуживает называться врачом.

Жаркие страны находятся в весьма благоприятных условиях для производства сахара и кофе. Это значит, что природа бóльшую часть производства берет на себя и только весьма малую оставляет на долю труда. Но кто же в таком случае пользуется выгодами такой щедрости природы? Ими пользуются не эти страны, потому что конкуренция заставляет их получать только вознаграждение за труд, но все человечество, потому что следствие этой щедрости называется *дешевизной*, а дешевизной пользуется всякий.

Возьмем страну с климатом умеренным, в которой каменный уголь и железная руда находятся на поверхности земли, где нужно только нагнуться, чтобы взять их. Сначала жители будут, конечно, извлекать выгоды из этого счастливого обстоятельства. Но скоро в результате конкуренции цена каменного угля и железа понизится до того, что эти дары природы

сделаются доступными для всех безвозмездно, и вознаграждаться будет только один человеческий труд, по средней за него плате.

Итак, в результате действия закона спроса и предложения дары природы, так же как и технологические усовершенствования, составляют или постоянно стремятся составить общее и безвозмездное достояние потребителей, народных масс, человечества. Следовательно, страны, не обладающие этими преимуществами, всегда останутся в выигрыше от обмена с теми, которые ими одарены, потому что обменивают *продукты труда*, не принимая в расчет той части полезности, которая создана содействием природы. Очевидно, что страны, находящиеся в наиболее благоприятных условиях, суть те, которые при производстве продукта комбинируют свой труд с наибольшим количеством полезности, созданной силами природы. Их произведения, представляя меньшее количество труда, требуют и меньшего вознаграждения; другими словами, они *дешевле*, и если щедрость природы имеет последствием только *дешевизну*, то в выгоде от благодетельных последствий ее будет, очевидно, не производящая страна, а потребляющая.

Это демонстрирует всю абсурдность ситуации, когда потребляющее государство отвергает продукт именно вследствие его дешевизны; это то же самое, как если бы оно сказало: «Я не хочу ничего, что дает природа. Вы можете изготовить и продать мне продукт за половину того труда, который потребовался от меня для самостоятельного производства этого

продукта; вы можете предложить мне такую сделку, потому что половину вашего продукта создала природа. Но я отвергаю ваше предложение и буду дожидаться, пока ваш климат, сделавшись суровее, не заставит вас просить у меня двойного труда, и тогда я буду договариваться с вами на равных условиях».

Пусть для государства *A* условия производства благоприятны; государство же *B* обижено природой. Я говорю, что обмен выгоден для обоих, но в особенности для *B*, потому что в коммерческих сделках происходит обмен не *полезностей* на *полезности*, а *ценности* на *ценность*. Но у *A* в той же *ценности* заключено *больше полезности*, потому что полезность произведения вмещает и то, что создала природа, и то, что создал труд, тогда как *ценность* соответствует только тому, что произведено трудом. Следовательно, сделка будет гораздо выгоднее для *B*. Выплачивая производителю *A* только стоимость его труда, оно получает сверх того больше созданных природой *полезностей*, нежели отдает их.

Теперь мы можем сформулировать общее правило. Обмен есть взаимная уступка *ценностей*; а так как конкуренция делает *ценность* равной труду, то обмен *ценностей* есть обмен равным количеством труда. Вклад природы в обмениваемых товарах отдается той и другой стороной *безвозмездно и в придачу*. Из этого прямо следует, что наиболее выгоден обмен с государствами, которым природа благоприятствует больше.

Теория, главные черты которой я пытался представить в этой главе, можно было бы изложить более

подробно. Я рассматривал ее только в отношении к моему предмету, свободе торговли. Но внимательный читатель и здесь может заметить плодотворный зародыш, который по мере роста должен заглушить, вместе с покровительством, и фурьеризм²⁸, и сен-симонизм, и коммунизм, и все те школы, которые имеют предметом исключение закона *спроса и предложения* из участия в управлении миром. С точки зрения производителя, конкуренция, конечно, часто вступает в противоречие с нашими *непосредственными* выгодами. Но если судить по цели нашего труда, т.е. всеобщего благосостояния, — одним словом, становясь на точку зрения *потребителя*, — то окажется, что в нравственном мире конкуренция играет ту же роль, какую в мире физическом исполняет равновесие. Она есть основание истинного коммунизма, истинного социализма и того равенства благосостояния и условий, которого так желают в наше время. Но если столько искренних писателей-публицистов, столько добросовестных преобразователей хотят установить его посредством *насилия*, то это происходит оттого, что они не понимают *свободного обмена*²⁹.

I .5. Наши товары обременены налогами

Это тот же софизм. Требуют, чтобы иностранный товар был обложен пошлиной, с тем чтобы поставить его в одинаковые условия с обремененным пошлиной местным товаром. Следовательно, речь опять идет об уравнивании условий производства. Мы заметим только, что налог на внутреннюю продукцию есть искусственное препятствие, которое влечет за собой то же самое последствие, как и естественное препятствие, т.е. повышает цену. Если цена повысится до точки, в которой импортировать этот товар из-за границы в обмен на соответствующую ему ценность будет выгоднее, чем производить его внутри страны, то *предоставьте* выбор между этими двумя способами приобретения товаров *воле* граждан. Частная выгода сумеет выбрать из двух зол меньшее. Я мог бы указать читателю на предшествующее доказательство; но софизм, который я должен здесь опровергнуть, так часто встречается в жалобах и прошениях, я чуть не сказал — в требованиях покровительственной школы, что заслуживает отдельного разбора.

Если говорить об одном из тех исключительных налогов, которыми обложены некоторые местные товары, то я охотно соглашусь, что обложить пошлиной необходимо и иностранные товары. Например, было бы нелепо не обложить пошлиной иностранную соль; но не потому, что с экономической точки зрения Франция понесла бы в этом случае убыток, — напротив.

Что бы ни говорили, принципы неизменны, и от отмены налога Франция осталась бы в выигрыше, точно так же, как она всегда останется в выигрыше от устранения всякого естественного или искусственного препятствия. Но здесь препятствие поставлено с фискальной целью. Эта цель должна быть достигнута, а если бы иностранная соль стала продаваться на нашем рынке беспошлинно, то казна не получила бы своих сотен миллионов франков и должна была бы прибегнуть к какому-нибудь другому виду налогов. Было бы непоследовательно с какой-либо целью облагать пошлиной местный товар и не достигать этой цели. Лучше было бы с самого начала прямо обратиться к другому налогу и не облагать сбором французскую соль. Вот в каких обстоятельствах я допускаю пошлину на иностранный товар, однако, не с покровительственной целью, а с фискальной.

Но доказывают, что народ, обложенный более тяжелыми сборами, нежели соседний, должен охранять себя тарифами против конкуренции своего соперника. Это уже софизм, который я намерен здесь опровергнуть.

Я несколько раз повторял, что излагаю только свой взгляд и, насколько возможно, доискиваюсь до источников заблуждений покровительственной школы. Если бы я хотел только спорить, то сказал бы: «Зачем вы устремляете ваши тарифы против Англии и Бельгии, стран, более всех других в мире отягощенных налогами? Разве это мне не дает повода видеть в вашем доказательстве только один предлог?» Но я не из тех,

кто думает, что защитники запретительных постановлений поддерживают их, исходя из личной выгоды, а не по убеждению. Учение о пользе покровительства слишком популярно, чтобы не быть искренним. Если бы большинство верило в свободу торговли, то мы имели бы ее. Без сомнения, частный интерес преобладает в наших тарифах, но это могло произойти только вследствие действия на убеждение. «Воля, — говорит Паскаль³⁰, — есть один из главнейших источников верования». Но вера тем не менее существует, хотя и имеет свой корень в воле и в тайных побуждениях эгоизма.

Возвратимся к софизму, построенному на существовании налога на внутреннее производство.

Государство может использовать налоги как во благо, так и во вред. Оно использует их во благо, если предоставляет обществу услуги, равные ценности, которую предоставляет в его распоряжение общество. Оно использует их во вред, если проматывает свои доходы, ничего не возвращая обществу.

В первом случае, сказав, что налоги ставят страну, оплачивающую их, в условия производства, более неблагоприятные, чем в каких находится страна, которая свободна от налогов, значило бы произнести софизм.

Мы платим 20 миллионов франков в год за судопроизводство и полицию — это правда. Но зато мы имеем суд и полицию, которые обеспечивают нашу безопасность и сберегают нам наше время; и едва ли в странах, если только такие существуют, где каждый лично защищает свое право, производство находится

в большей безопасности и экономическая жизнь оживленнее. Мы выплачиваем несколько сот миллионов за дороги, мосты, порты, железные дороги, — согласен с этим. Но у нас есть эти дороги, порты и мосты, и если не предполагать, что, устраивая их, мы приносим себе вред, то нельзя сказать, что они ставят нас на более низкую ступень против народов, которые не несут расходов на общественные работы, но у которых зато и нет общественных построек. Это объясняет, почему, выставя налог причиной низкого состояния промышленности, мы обращаем наши тарифы преимущественно против народов, которые несут наибольшее бремя налогов. Это происходит оттого, что хорошо употребленные сборы с этих народов не только не ухудшили для них условий производства, но, напротив, улучшили. Итак, мы постоянно возвращаемся к выводу, что покровительственные софизмы не просто отклоняются от истины, но противоположны ей³¹.

Что же касается налогов, приносящих незначительные доходы, то уничтожьте их, если можете; но самый странный способ уравнивания их действия, какой только можно себе представить, состоит, конечно, в добавлении к налогам, собираемым на общественные цели, налогов, собираемых для обогащения отдельных индивидов. Благодарю за такое уравнивание! Государство обременяет нас налогами, говорите вы. Да, но это-то и должно побуждать нас не облагать налогами друг друга.

Покровительственная пошлина есть налог, направленный против ввоза иностранного товара, но

падающий, не забудем и этого, на местного потребителя. Но потребитель-то и платит налоги. И разве не смешно говорить ему: «Так как ты несешь тяжелые налоги, то мы повысим для тебя цену всех товаров; так как государство берет у тебя часть твоего дохода, то другую его часть мы изыдем в пользу монополиста!»

Рассмотрим подробнее этот софизм, пользующийся большим доверием наших законодателей, хотя, казалось бы, довольно странно, что непродительные (как мы полагаем) налоги поддерживают именно те, кто видит в них причину якобы неудовлетворительного состояния нашей промышленности и кто старается поддержать ее новыми налогами и другими препятствиями.

Мне кажется очевидным, что покровительство можно было бы, не изменяя его сущности и последствий, заменить прямым налогом, который взимался бы государством и распределялся в виде субсидий между привилегированными отраслями промышленности путем возмещения убытков.

Допустим, что иностранное железо могло бы продаваться на нашем рынке не дешевле 8 франков, а французское — не дороже 12 франков.

При таком предположении для государства есть два средства обеспечить производителю сбыт на внутреннем рынке.

Первое состоит в обложении иностранного железа пошлиной в 5 франков. Ясно, что ввоз этого железа прекратится, потому что его нельзя будет продавать по цене ниже 13 франков, т.е. суммы чистой

стоимости производства в 8 франков и уплаченного налога в 5 франков, а при такой цене оно будет вытеснено с рынка французским железом, цену которого мы определили в 12 франков. В этом случае все издержки покровительства падут на покупателя-потребителя.

Государство могло бы также обложить общество налогом в 5 франков и выдать полученную сумму в виде субсидии хозяевам металлургических заводов. Покровительственное действие будет то же самое. Иностранное железо будет также исключено, потому что местные заводчики станут продавать свое железо за 7 франков, и с 5 франками субсидии их доход составит 12 франков. Но при наличии на рынке местного железа по 7 франков иностранный производитель уже не предложит своего железа за 8 франков.

Между этими двумя средствами я вижу только одну разницу: у них один принцип и то же следствие, только в одном случае покровительство оплачивается несколькими лицами, а в другом — всеми.

Признаюсь откровенно, я отдаю предпочтение второму способу. Он кажется мне более справедливым, более экономичным и честным: более справедливым потому, что если общество желает делать подарки некоторым из своих членов, то необходимо, чтобы все принимали в этом участие, более экономичным потому, что таким способом значительно сократятся расходы по взиманию налога и будет ликвидировано много препятствий, наконец, более честным потому, что общество будет ясно видеть суть операции и будет знать, что его заставляют делать.

Но если бы покровительство приняло этот вид, разве тогда не смешно было бы слышать следующие слова: «Мы платим большие налоги на содержание армии, флота, судебных мест, общественные работы, университеты, уплату долгов и пр.; их сумма превышает 1 миллиард франков. Поэтому было бы очень хорошо, если бы государство взяло с нас еще 1 миллиард для оказания помощи этим бедным владельцам металлургических заводов, бедным акционерам общества анзейских рудников³², несчастным владельцам лесов, полезным промышленникам, занимающимся ловлею трески?»

Стоит только поглубже вникнуть в проблему, и вы убедитесь, что именно к этому сводится опровергаемый мной софизм. Делайте что хотите, господа, но вы можете *давать деньги* одним, только отобрав их у других. Вы желаете непременно разорить того, кто платит налоги? Пусть будет по-вашему; но по крайней мере не насмехайтесь над ним и не говорите ему: «Я беру у тебя еще, чтобы уравновесить то, что я уже взял у тебя».

Если бы я задумал подвергнуть критике все ошибки, заключающиеся в этом софизме, то я бы никогда не завершил свое повествование. Ограничусь лишь тремя замечаниями.

Вы говорите, что Франция отягощена налогами, и на основании этого делаете вывод, что нужно покровительствовать такой-то и такой-то отрасли. Но разве покровительство освобождает нас от налогов? Если представители какой-нибудь отрасли скажут: «Мы

участвуем в уплате налогов; это повышает стоимость нашего производства, и мы требуем, чтобы покровительственная пошлина повысила также и продажную цену наших товаров», — то что другое будет заключаться в этих словах, как не желание промышленников переложить налог с себя на остальную часть общества? Путем повышения цены на свои товары они стремятся возместить себе причитающуюся с них часть налогов. Но так как запланированная сумма налогов должна все-таки сполна поступить в казну и население должно подчиниться этому повышению цены, то оно платит и свой налог, и налог на промышленность. Но под покровительством находятся все, — скажете вы. Во-первых, это невозможно; и если бы даже это было возможно, то в чем бы состояло облегчение? Я буду платить за вас, вы за меня; но в любом случае налог придется уплатить.

Таким образом, вы стали жертвой иллюзии. Вы хотите платить налоги, чтобы иметь армию, флот, церковь³³, университет, судей, дороги и т.д., потом вы хотите освободить одну отрасль промышленности от приходящейся на нее части налогов, затем вторую, третью, и всякий раз вы эти части распределяете на остальное население. Но вы бесконечно все больше и больше усложняете дело, не получая никаких результатов, кроме самих этих усложнений. Докажите мне, что повышение цены, производимое покровительством, оплачивается иностранными государствами, и тогда я найду ваше доказательство относительно правдоподобным. Но если правда, что до издания покровительственного

закона население Франции платило налог, и что после его издания оно оплачивает и покровительство, и налог, то, поистине, я не вижу со стороны его никакого выигрыша от этого закона.

Но я иду гораздо дальше: я говорю, что чем тяжелее наши налоги, тем больше мы должны заботиться об открытии наших портов и границ для свободного ввоза к нам продукции государства, менее нас обремененного налогами. Почему? Чтобы переложить на него возможно большую часть лежащего на нас налогового бремени. Разве то, что налоги в конце концов падают на потребителя, не составляет неопровержимой истины в политической экономии? Следовательно: чем шире становится наша внешняя торговля, тем больше наших налогов, которые мы включили в цену продаваемых нами товаров, выплачивают иностранные потребители; мы же уплатим им меньше, потому что, по нашему предположению, их товары меньше обременены налогами, чем наши.

Наконец, задавали ли вы себе когда-нибудь вопрос: не вызывают ли сами запретительные постановления тех тяжелых налогов, из которых вы выводите доказательства для оправдания этих постановлений? Я желал бы, чтобы мне объяснили: к чему послужили бы огромные постоянные войска и сильные военные флоты, если бы торговля была свободна?.. Но это вопрос политический³⁴.

*Et ne confondons pas, pour trop approfondir,
Leurs affaires avec les nôtres³⁵.*

1.6. Торговый баланс

Наши противники взяли на вооружение тактику, которая нас несколько затрудняет. Когда мы излагаем наше учение, они принимают его чрезвычайно почтительно. Когда мы нападаем на основание их учения, они с самым приятным видом отказываются от этого основания; они желают только одного, чтобы наше учение, которое они считают истинным, не выходило за пределы книг, и чтобы лишь их принцип, который они признают ложным, применялся на практике. Предоставьте им управление пошлинами — и они оставят вам область теории.

«Конечно, — говорил недавно г-н Готье де Рюмильи³⁶, — никто из нас не хочет воскрешать старую теорию торгового баланса»*. Прекрасно! Но, г-н Готье, недостаточно мимоходом осмеивать заблуждение, необходимо также избегать сразу после этого да еще на протяжении двух часов в дискуссии приводить аргументы, из которых следует, что эта ошибка является истиной.

Вы мне скажете о г-не Лестибудуа³⁷: вот человек, судящий последовательно и строго выводящий свои доказательства. В его заключениях нет ничего такого, чтобы не имело бы основания; он ничего не применяет

* Теория эта состояла в том, что торговлю государство считало выгодной для него лишь в том случае, когда оно вывозило товаров на большую сумму, нежели на какую ввозило, и, следовательно, заставляло расплачиваться с собой звонкой монетой.

к делу, прежде чем не оправдает теорией. Возможно, его послышки ложны, это другой вопрос, но по крайней мере в основе его аргументации лежит определенный принцип. Он верит и провозглашает во всеуслышание, что когда Франция дает 10, чтобы получить 15, то тем самым она теряет 5. Поэтому немудрено, что он издает соответствующие законы.

«Важно то, — говорит он, — что цифра ввоза постоянно увеличивается и превышает цифру вывоза, то есть что Франция ежегодно покупает больше иностранных товаров и продает меньше своих собственных. Это подтверждается цифрами. Что мы видим? В 1842 году ввоз превышает вывоз на 200 миллионов франков. Эти факты, мне кажется, со всей очевидностью доказывают, что отечественная промышленность *защищена недостаточно*, что мы позволяем иностранной промышленности снабжать нас товарами, что конкуренция наших соперников *разрушает* нашу промышленность. Действующий ныне закон, мне кажется, подтверждает необоснованность мнения экономистов: будто с покупкой необходимо сопряжена продажа соответствующего количества товаров. Очевидно, что можно покупать, расплачиваясь не своей традиционной продукцией, не доходами, не плодами текущего труда, но капиталом, продукцией, накопленной и сбереженной, которая должна была бы служить для нового производства, т.е. можно издержать, растратить выгоды прежних сбережений, можно обеднеть, идти к своему разорению, истребить весь народный капитал. *Это именно мы и делаем.*

Ежегодно мы отдаем иностранцам 200 миллионов франков».

Итак, вот человек, который четко излагает свои взгляды. В его словах не видно лицемерия. В них ясно обозначена идея торгового баланса. Во Франции ввоз больше вывоза на 200 миллионов франков. Следовательно, Франция теряет ежегодно 200 миллионов франков. Как это исправить? Затруднить ввоз. Вывод безупречный.

Поэтому главный удар нашей критики будет направлен на г-на Лестибудуа, ибо как же иначе нам вступить в борьбу с г-ном Готье? Если вы ему скажете: «Торговый баланс есть заблуждение». Он вам ответит: «Я сам утверждал это в самом начале». Если вы ему скажете: «Но теория торгового баланса правильна». — Он вам ответит: «Так ведь именно к такому выводу я и пришел».

Без сомнения, школа экономистов осудит меня за мои прения с г-ном Лестибудуа. Опровергать торговый баланс, скажут мне, значит воевать с ветряными мельницами.

Но мы должны быть осторожны; принцип торгового баланса еще не так стар, не так хил, не так мертв, как пытается нас заверить г-н Готье, потому что мнения всех членов парламента, включая и самого г-на Готье, при голосовании поддержали теорию г-на Лестибудуа.

Однако, чтобы не утомлять читателя, я не буду углубляться в эту теорию. Я удовлетворюсь тем, что проверю ее фактами.

Нам постоянно говорят, что принципы свободной торговли действительны только в теории.

Но скажите мне, господа: согласны вы с тем, что бухгалтерские книги полезны на практике? Мне кажется, что если что-нибудь уважается на свете, когда только дело идет об определении прибыли и убытков, то это, конечно, коммерческая отчетность. Можем ли мы допустить, что все коммерсанты земного шара на протяжении веков единодушно вели свои книги таким образом, что прибыль в них отражалась как убыток, а убыток как прибыль. Я скорее поверю, что г-н Лестибудуа плохой экономист.

Когда один купец, который со мной дружен, совершил две сделки, результаты которых оказались совершенно различными, я решил сравнить метод, применяемый в его конторских книгах, с методом, применяемым на таможне, как его интерпретирует г-н Лестибудуа с одобрения наших шестисот законодателей.

Г-н Т*** отправил из Гавра в Северо-Американские Штаты корабль, нагруженный французскими товарами, преимущественно теми, которые называются *парижскими изделиями*³⁸, на 200 тыс. франков. Эта цифра была объявлена на таможне. По прибытии в Новый Орлеан оказалось, что перевозка груза обошлась в 10% его стоимости; пошлин уплачено 30%; и так стоимость груза возросла до 280 000 франков. Он был продан с барышом 20%, или 40 000 франков, т.е. за 320 000 франков, которые мой знакомый обратил в хлопок. На этот хлопок должны были пасть еще 10% расходов

за его перевозку, страхование и комиссию; когда новый груз прибыл в Гавр, ценность его была в 325 000 франков; и эта цифра была отмечена в таможенных книгах. Наконец, г-н Т*** получил при распродаже обратного груза еще 20% выгоды, или 70 400 франков; другими словами, хлопок был продан за 422 000 франков.

Если г-н Лестибудуа желает, то я ему пошлю выписку из книг г-на Т***. Он увидит в счете *прибылей и убытков* на стороне *кредит* две статьи прибылей: одну — в 40 000, другую — в 70 400 франков; и г-н Т*** совершенно убежден, что в этом отношении отчетность его не обманывает.

Между тем, что говорят г-ну Лестибудуа цифры, отразившие эту сделку в таможенной отчетности? Они ему показывают, что Франция вывезла товаров на 200 000 франков и ввезла на 352 000 франков. Из этого почтенный депутат заключает, *«что она издержала, растратила плоды своих прежних сбережений, что она обеднела, что она приблизилась к падению, что она отдала 152 000 франков своего капитала иностранцам!»*

Спустя некоторое время г-н Т*** отправил другой корабль, также нагруженный нашей отечественной продукцией на 200 000 франков. Но при выходе из порта несчастный корабль затонул, и г-ну Т*** ничего не оставалось, как сделать в своих книгах две маленькие записи следующего содержания:

«Долг такому-то X: 200 000 франков, за покупку разных товаров, отправленных на корабле N.

Прибыли и убытки от разных товаров: 200 000 франков за окончательную и полную потерю груза».

Тем временем таможня, со своей стороны, вписывала 200 000 франков в ведомость *вывозных товаров*, и так как ей нечего будет записать на обороте листа в ведомости *ввозных товаров*, то г-н Лестибудуа и палата увидят в кораблекрушении ясную и чистую прибыль для Франции в 200 000 франков.

Из этого можно вывести еще одно заключение, а именно: что, по теории торгового баланса, Франция владеет самым простым средством для ежеминутного удвоения своих капиталов. Для этого ей достаточно провезти эти капиталы через таможню и побросать их в море.

В этом случае вывоз будет равен сумме ее капитала, ввоза не будет никакого, более того, он будет невозможен; мы выиграем все то, что поглотит океан.

Это шутка, скажут протекционисты: «Не может быть, чтобы мы говорили подобные нелепости».

Однако же вы их говорите, и мало того, вы их осуществоряете, навязываете их своим согражданам, по крайней мере, насколько это в ваших силах.

На самом деле, принцип торгового баланса следовало было бы понимать наоборот и измерять выгоду страны от внешней торговли избытком ввоза товаров по сравнению с вывозом. Этот избыток, за вычетом издержек, составляет действительную прибыль. Но такая теория, в которой заключается совершенная истина, ведет прямо к принципу свободной торговли. Я отдаю эту теорию на ваш суд, как и все те, которые

составляли предмет предыдущих глав. Преувеличайте ее как вам заблагорассудится, ей нечего бояться такого испытания. Предположите, если это вас забавляет, что иностранцы заваливают нас разного рода полезными товарами, не требуя от нас ничего; что ввоз к нам *бесконечен*, а вывоза *не существует*; я вас прошу доказать мне, что мы от этого обеднеем³⁹.

I.7. Прошение

производителей сальных и стеариновых свечей, ламп, подсвечников, рефлекторов, щипцов, гасильников и производителей сала, масла, меди, камеди, алкоголя и вообще всего, что касается освещения

Членам палаты депутатов

Милостивые государи!

Вы на правильном пути. Вы отвергаете абстрактные теории; изобилие продуктов, дешевизна вас мало занимают. Вы озабочены в основном судьбой производителя. Вы хотите освободить его от внешней конкуренции, сохранить *национальный рынок для национальной промышленности*.

Мы хотим дать вам прекрасную возможность приложить вашу... Как бы это выразиться? Вашу теорию? Но нет ничего обманчивее, чем теория. Ваше учение? Вашу систему? Ваш принцип? Но вы не любите учений, вы питаете отвращение к системам, а что касается принципов — объявляете, что их совсем нет в социальной экономике. А потому просто скажем так: вашу практику, не знающую ни теории, ни принципа.

Мы страдаем от разрушительной конкуренции со стороны иностранного соперника, который в деле производства света очевидно поставлен в несравненно более благоприятные условия, чем мы, и *наводняет светом наш национальный рынок по ценам, баснословно низким*: как только он появляется на рынке, наши

продажи прекращаются, потому что все потребители бросают нас и обращаются к нему, и вот одна из отраслей французской промышленности, имеющая бесчисленное множество разветвлений, внезапно поражается полным застоём. Этот соперник не что иное, как солнце. Оно начинает против нас такую ожесточённую борьбу, что мы подозреваем вероломный Альбион⁴⁰ в подстрекательстве его против нас (хорошая дипломатия по теперешним временам!), тем более что он оказывает этому горделивому острову некоторые льготы, в которых отказывает нам.

Мы покорнейше просим вас издать закон, который предписал бы запереть все окна, стеклянные крыши, ставни, затворы, створы, форточки — словом, заткнуть все отверстия, дыры, щели и трещины, через которые солнечный свет обыкновенно проникает в дома в ущерб тем прекрасным продуктам промышленности, которыми мы наделили страну и которыми гордимся: страна не может отплатить нам черной неблагодарностью и предать нас в столь неравной борьбе.

Не примите, господа депутаты, нашу просьбу за насмешку и по крайней мере не отвергайте ее, пока не выслушаете причин, по которым мы просим вашей защиты.

Прежде всего, если вы преградите, насколько возможно, доступ естественному свету, если вы таким образом создадите потребность в искусственном освещении, то какая только промышленность во Франции не получит тогда благотворного поощрения?

Если будет потребляться больше сала, то потребу-ется больше быков и баранов, а следовательно, умножится число искусственных лугов, количество мяса, шерсти, кож и в особенности удобрений, этой главной основы земледельческого богатства.

Если будет потребляться больше масла, то расширится культура мака, олив и полевой репы. Эти богатые, хотя и истощающие почву растения как раз кстати дадут возможность воспользоваться усиленным плодородием, которое доставит нашим землям разведение скота.

Наши бесплодные местности покроются смолистыми деревьями. Многочисленные рои пчел будут собирать на наших холмах благоухающие сокровища, которые теперь испаряются без всякой пользы, как и цветы, с которых они собираются. Нет, стало быть, ни одной отрасли земледелия, которая не получила бы широкого развития.

То же самое и с навигацией. Тысячи судов пойдут на ловлю китов, и в короткое время мы приобретем флот, способный поддержать честь Франции и достойный патриотического чувства нижеподписавшихся просителей, продавцов свечей, и т.д.

Но что сказать о *парижских изделиях*? Вы сами увидите, как золото, бронза, хрусталь в подсвечниках, лампах, люстрах, канделябрах заблестят тогда в прекрасных магазинах, в сравнении с которыми теперешние магазины покажутся жалкими лавчонками.

У бедняка, собирающего камедь на вершине своей дюны, или у несчастного рудокопа, копающегося

в глубине темных подземных галерей, у каждого увеличится заработная плата, а следовательно, повысится и его благосостояние.

Соблаговолите подумать над этим, господа, и вы сами убедитесь, что, может быть, не найдется ни одного француза, начиная с богача-акционера в Анзене и кончая жалким продавцом спичек, положение которого вследствие исполнения нашего ходатайства не изменилось бы к лучшему.

Мы наперед знаем ваши возражения, господа; но вы не сделаете ни одного из них, которое не было бы взято из растрепанных книг приверженцев свободной торговли. Мы заранее позволяем себе уверить вас, что каждое слово, которое вы произнесете против нас, тотчас же обратится против вас самих и против принципа, управляющего всей вашей политикой.

Скажете ли вы нам, что если мы выиграем от этого покровительства, то Франция ничего не выиграет, потому что расходы падут на потребителя?

На это мы ответим вам:

«У вас нет больше права ссылаться на интересы потребителя. Во всех случаях, когда его интересы сталкивались с интересами производителя, вы всегда отдавали его в жертву последнему. Вы поступали так ради *поощрения промышленности*, ради *увеличения занятости*. По той же самой причине вы и теперь должны поступить точно так же.

Вы сами напросились на возражение. Когда говорили вам: потребитель нуждается в свободном ввозе железа, каменного угля, кунжута, пшеницы, тканей,

то вы отвечали тогда: да, но производитель заинтересован в том, чтобы ввоз их не был допущен. Стало быть, если потребители заботятся о доставлении им естественного света, то производители требуют его запрещения».

«Но производитель и потребитель, — скажете вы, — это один и тот же человек. Если фабрикант выгадывает благодаря покровительству, то он доставляет выгоду и земледельцу. Если земледелие процветает, то оно открывает новые рынки фабрикам». Очень хорошо! Если вы пожалуете нам монополию на освещение в продолжение дня, то прежде всего мы накупим много сала, угля, масла, смолы, воска, спирта, серебра, железа, бронзы, хрусталя, чтобы обеспечить ими наше производство, а кроме того, мы и наши многочисленные поставщики, сделавшись богачами, расширим наше потребление и таким образом распространим процветание во всех отраслях народного труда.

Скажете ли вы, что свет солнца есть дар природы и что отталкивать такой дар все равно что отказываться от самого богатства под предлогом поощрения способов к его приобретению?

Но берегитесь, не нанесите смертельного удара в самое сердце вашей же политики; берегитесь, до сих пор вы всегда запрещали ввоз иностранного продукта, *потому что* он приближается к дару природы. Чтобы удовлетворить требования других монополистов, вы руководствовались только *полумотивом*, а для исполнения нашей просьбы вы имеете в своем распоряжении *целый мотив*, и отказывать нам в нашей

просьбе, *основываясь* именно на том, что мы гораздо *правее* других, — это то же, что построить такое уравнение: плюс, помноженный на плюс, равен минусу; другими словами, это значило бы городить *нелепость* на *нелепость*.

Труд и природа участвуют в производстве продукта в различной степени в зависимости от места и климата. Доля участия природы всегда даровая, и только участие труда сообщает продукту его ценность, и должно быть оплачено.

Если лиссабонский апельсин продается вдвое дешевле парижского, то только потому, что естественное, а следовательно даровое тепло, сообщает одному апельсину то, чем другой обязан искусственному, а следовательно и дорого оплачиваемому, теплу.

Таким образом, когда апельсин привозится к нам из Португалии, то можно сказать, что он достается нам наполовину даром или, другими словами, за *полцены* против парижского апельсина.

И вот на основании этой *полударовщины* (простите нам это выражение) вы настаиваете на его запрещении. Вы говорите: как может национальный труд выдержать конкуренцию иностранного труда, когда первому приходится исполнить всю работу, а последнему только половину ее, потому что остальное *дodelьивает* солнце? Но если из-за *полударовщины* вы решаете отвергнуть конкуренцию, то каким же образом полная *даровщина* может побудить вас признать эту конкуренцию? Или вы плохо знакомы с логикой, или, отвергая *полударовщину* как вредную для нашей

отечественной промышленности, вы должны тем па-че отвергнуть с гораздо большей энергией и полную *даровщину*.

Еще раз: если какой-нибудь продукт — каменный уголь, железо, пшеница или ткани — приходит к нам из-за границы и если мы имеем возможность приобрести его с меньшими затратами труда, чем если бы сами стали добывать его, то вся разница заключается здесь в том *даре* природы, который жалуется нам. Этот дар бывает больше или меньше, смотря по тому, как велика или мала эта разница. Он составляет четверть, половину, три четверти ценности продукта, если иностранец запросит с нас только три четверти, половину или четверть всей оплаты. Но мы получим его полностью, если даритель, подобно солнцу, дающему даром свой свет, ничего не потребует с нас за него. Вопрос — мы категорически ставим его здесь — заключается в том, чего хотите вы для Франции: благ дарового потребления или мнимых выгод тяжелого труда? Выбирайте то или другое, но будьте последовательны, потому что если вы отвергнете, как это обыкновенно делается у вас, каменный уголь, железо, пшеницу, иностранные ткани соответственно тому, насколько цена их приближается к *нулю*, то как же непоследовательно будет с вашей стороны допускать свет солнца, цена которого в течение целого дня равна *нулю*!..

1.8. Дифференциальные пошлины⁴¹

Бедный земледелец возделывал с любовью свой виноградник в Жиронде⁴². После многих трудов и усилий ему наконец посчастливилось собрать достаточно винограда, чтобы получить бутылку вина, и он забыл, что каждая капля этого драгоценного напитка стоила ему капли пота, выступившего на его лбу. «Я продам его, — говорил он своей жене, — и на вырученные деньги куплю ниток, которыми ты сошьешь приданое нашей дочери». Честный поселянин идет в город и встречает там бельгийца и англичанина. Бельгиец говорит ему: «Дайте мне вашу бутылку вина, а я вам дам в обмен пятнадцать мотков ниток». Англичанин говорит: «Дайте мне ваше вино, а я вам дам двадцать мотков ниток, потому что нам, англичанам, пряжа обходится дешевле, нежели бельгийцам». Но таможенный страж, стоявший тут же, говорит:

— Почтеннейший, меняйтесь, если хотите, с бельгийцем, но моя обязанность запретить вам меняться с англичанином.

— Что! — говорит поселянин, — вы хотите, чтобы я удовольствовался пятнадцатью мотками брюссельских ниток, когда могу получить двадцать мотков манчестерских?

— Конечно, разве вы не видите, что Франция была бы в потере, если бы вы получили двадцать мотков вместо пятнадцати?

— Мне трудно понять это, — отвечает винодел.

— А мне трудно объяснить, — возражает тамо-

женник, — но это верно, потому что все депутаты, министры и публицисты согласны в том, что чем больше народ получает в обмен за данное количество своих товаров, тем он становится беднее.

Пришлось поменяться с бельгийцем. Дочери поселянина сшили только три четверти приданого, а добряк, ее отец, до сих пор спрашивает себя: каким образом мы разоряемся, получая четыре вместо трех, и почему тот, у кого три дюжины салфеток, богаче, чем тот у кого их четыре?

1.9. Громадное открытие!!!

В то время, когда все умы заняты поиском способов уменьшения издержек на перевозку; в то время, когда для осуществления этого уменьшения исправляют дороги, очищают русла рек, совершенствуют устройство пароходов, соединяют с Парижем все наши границы звездой железных дорог и другими способами сообщения: атмосферными, гидравлическими, пневматическими и пр.; в то время, наконец, когда, по моему мнению, каждый ревностно и искренно старается разрешить проблему: *«Достичь того, чтобы цены товаров в местах их потребления были как можно ближе к тем, которые существуют на те же предметы на месте их производства»*, я счел бы себя виноватым перед своим отечеством, перед своим веком и перед самим собой, если бы стал долее держать в тайне громадное открытие, которое я сейчас сделал.

Я хорошо знаю, что самообольщение изобретателей вошло в поговорку, и, несмотря на это, твердо убежден, что нашел *верное* средство сделать так, чтобы товары всего света доставлялись во Францию и обратно со значительным понижением цены.

Верное! и это качество представляет только одну из выгод моего удивительного открытия.

Оно, сверх того, не требует ни составления планов и смет, ни предварительного изучения, ни инженеров, ни машинистов, ни предпринимателей, ни капиталов, ни акционером, ни помощи от правительства!

Оно не представляет никакого риска кораблекрушений, взрывов, столкновений, пожаров, схода с рельсов.

Его можно ввести в действие за один день.

Наконец, и это, без сомнения, подарит ему расположение публики, оно не увеличит ни на один сантиметр государственные расходы, скорее наоборот, сократит их. Оно не повлечет за собою ни увеличения числа чиновников, ни умножения занятий присутственных мест. Оно ни у кого не отнимет свободы.

Я не случайно наткнулся на свое открытие, а вывел его из наблюдения. Я должен сказать здесь, как я пришел к нему.

Я задался следующим вопросом: «Почему товар, произведенный, например, в Брюсселе, будучи привезенным в Париж, стоит дороже?»

Но я скоро увидел, что это происходит оттого, что между Парижем и Брюсселем есть разного рода *препятствия*. Во-первых, *расстояние*; его нельзя преодолеть без труда, без потери времени, и нужно или самому заняться устранением этого препятствия или заплатить другому, кто возьмется устранить его.

Потом, на пути между двумя упомянутыми городами мы находим реки, болота, местные препятствия, грязь; все это представляет для провоза *затруднения*, которые необходимо преодолеть. Этому достигают, устраивая шоссе и мосты, прокладывая дороги, уменьшая представляемое последними сопротивление путем мощения камнем, прокладкой железных дорог и пр. Но все это стоит больших расходов, часть

которых ложится на перевозимые предметы. На дороге встречаются еще воры, для поимки которых необходимо содержать жандармов, полицию и пр.

Но одно из *препятствий* между Брюсселем и Парижем мы поставили сами, и оно стоило нам больших издержек. Это люди, поставленные в засаду вдоль границы, вооруженные с ног до головы и обязанные *затруднять* перевозку товаров из одной страны в другую. Их называют *таможенной стражей*. Они действуют точно так же, как грязь и глубокие колеи дорог. Они задерживают и останавливают движение транспортов и содействуют той разнице, которую мы заметили между ценой товаров на местах производства и потребления, разницу, возможное уменьшение которой составляет нашу задачу.

И решение ее — уменьшить тариф.

В сущности, это будет равносильно постройке северной железной дороги, но не будет стоить ни гроша. Напротив, вы еще предотвратите большие расходы, ассигнуемые вами на жалованье чиновникам, и в первый же день после такого преобразования положите капитал в вашу казну.

Я, право, не могу постичь того странного сплетения мыслей в нашем мозгу, которое заставляло нас платить миллионы с целью уничтожить *естественные препятствия*, стоящие между Францией и чужими краями, и в то же время платить другие миллионы для того, чтобы заменить эти препятствия *искусственными*, имеющими совершенно то же действие. Таким образом, при уравновешении одного

другим — препятствия созданного и препятствия разрушенного — положение вещей осталось без изменения, а результатом всех действий были лишь двойные издержки.

Бельгийский продукт стоит в Брюсселе 20 франков, а по привозе в Париж продается за 30 франков по причине транспортных издержек. Аналогичный же продукт парижской промышленности стоит 40 франков. Что мы делаем в таком случае?

Сначала мы налагаем пошлину, по крайней мере в 10 франков, на бельгийский товар, чтобы увеличить стоимость его в Париже до 40 франков, и содержим многочисленную стражу, чтобы не дать ему возможности освободиться от этой пошлины, так что на пути к цене товара добавляются 10 франков за перевозку и 10 франков пошлины.

Затем мы рассуждаем так: перевозка из Брюсселя в Париж, стоящая 10 франков, очень дорога. Давайте потратим 2 или 3 миллиона на железную дорогу, и мы снизим стоимость перевозки наполовину. Очевидно, последствием этого будет только то, что бельгийский товар будет продаваться в Париже за 35 франков, а именно:

20 фр. составляют цену его в Брюсселе;

10 — пошлину;

5 — провоз, удешевленный постройкой железной дороги.

Итого: 35 фр. составят стоимость товара в Париже.

Разве мы не достигли бы того же самого результата, уменьшив пошлину до 5 франков? Тогда бы мы получили:

20 фр. — цена в Брюсселе;

5 фр. — уменьшенной пошлины;

10 фр. — за провоз по обыкновенной дороге.

Итого: 35 фр. — стоимость товара в Париже.

Таким способом мы сэкономили бы 200 миллионов франков, которые стоит железная дорога, сверх того издержки таможенного надзора, потому что они должны уменьшаться по мере того, как уменьшается искушение контрабанды.

Но, говорят: пошлина необходима, чтобы покровительствовать парижской промышленности. Пусть так, но в таком случае не уничтожайте ее действия вашей железной дорогой. Потому что если вы будете упорствовать в вашем желании, чтобы бельгийский товар обходился, как парижский, в 40 франков, вам нужно будет повысить пошлину до 15 франков, чтобы получить:

20 фр. — цена в Брюсселе;

15 фр. — покровительственная пошлина;

5 фр. — за провоз по железной дороге.

Итого: 40 фр. выравненной цены.

Но в таком случае, спрашиваю вас: какая будет польза от железной дороги?

Откровенно говоря, разве не унижительно для XIX столетия оставлять будущим векам зрелище подобных ребячеств, совершаемых с невозмутимой важностью? Быть обманутым кем-нибудь уже не очень приятно; но использовать огромный аппарат представительного правительства для того, чтобы обманывать самих себя, да еще не один раз, а дважды — и к тому же в сфере элементарной арифметики — вот что способно слегка сбить спесь с *века просвещения*.

1.10. Взаимность

Мы сейчас видели, что все препятствия, затрудняющие транспортировку, действуют точно так же, как покровительственная система, или, если угодно, покровительство действует точно так же, как все то, что затрудняет транспортировку.

Поэтому можно справедливо сказать, что тариф есть болото, глубокая колея, разлив, крутой спуск, одним словом, *препятствие*, действие которого состоит в увеличении разницы между ценой товара в местах потребления и производства. Неоспоримо также, что болото, овраг суть настоящие покровительственные тарифы.

Есть люди (правда, их немного, но они все-таки есть), которые начинают понимать, что препятствия, хотя бы и искусственные, — это все-таки препятствия и что наше благосостояние выиграет скорее от свободной торговли, чем от покровительства, на том же самом основании, по которому канал выгоднее для сообщения, чем «гористая, песчаная и неудобная дорога»⁴³.

Но необходимо, говорят они, чтобы свободная торговля была взаимной. Если мы уничтожим наши заставы перед Испанией, а Испания не уничтожит своих перед нами, то мы, очевидно, сделаем глупость, а потому заключим лучше *торговые договоры* на основании принципа взаимности, согласимся на уступки, с тем чтобы и нам сделали их. Давайте пойдем на жертвы и согласимся купить, чтобы получить вождеденное право продать.

Людам, рассуждающим таким образом, я должен, к сожалению, сказать, что они — известно это им или нет — руководствуются принципом протекционизма, только они менее последовательны, чем настоящие протекционисты, точно так же, как эти последние еще непоследовательнее, чем сторонники безусловных запретов.

Я докажу это следующей басней.

Стульта и Пуэра⁴⁴

Были где-то два города, *Стульта* и *Пуэра*. С большими издержками построили они дорогу, соединившую их друг с другом. Когда она была построена, *Стульта* подумала: «Вот *Пуэра* стала наводнять меня своими продуктами, надо что-то делать». Соответственно, она создала и устроила на жалованье отряд *тормозильщиков*, названных так потому, что они обязаны были создавать препятствия обозам, которые шли из *Пуэры*. Вскоре *Пуэра* также завела *тормозильщиков*.

Прошло несколько столетий, наука сделала большие успехи, расширился и умственный кругозор *Пуэры*, и она поняла, что взаимные преграды ничего не приносят обоим городам, кроме взаимного вреда. И вот она послала в *Стульту* дипломата, который с обычным в таких случаях красноречием говорил в таком смысле: «Мы построили дорогу, а теперь мы же сами загораживаем ее. Это нелепо. Уж лучше было бы оставить все в прежнем положении, тогда по крайней мере нам незачем было бы тратить на содержание

дороги да еще на разные преграды. От имени *Пуэры* я пришел предложить вам, конечно, не отказываться сразу от взаимных преград, потому что это значило бы действовать по принципу, а мы, так же, как и вы, ненавидим всякие принципы, но несколько ослабить эти преграды, взвесив наперед со всею справедливостью наши взаимные уступки».

Так говорил дипломат. *Стульта* попросила время на размышление. Поочередно советовалась она со своими фабрикантами и земледельцами, а по прошествии нескольких лет объявила, что прекращает всякие переговоры.

Узнав об этом, держали совет и жители *Пуэры*. На совете один старик, которого заподозрили, что он тайно подкуплен *Стультой*, встал и сказал: «Преграды, созданные *Стультой*, вредят нашей продаже, это несчастье; преграды же, нами созданные, вредят нашей купле, это другое несчастье. Мы ничего не можем сделать с первым из этих несчастий, но второе зависит от нас: освободим же себя по крайней мере от одного несчастья, коли не можем избавиться от обоих. Уничтожим наших *тормозильщиков*, не требуя того же самого от *Стульты*: придет, без сомнения, время, когда она научится лучше понимать свои выгоды».

Другой советник, человек практики и фактов, а не принципа, воспитанный опытом своих предков, возразил: «Нечего слушать этого мечтателя, теоретика, новатора, утописта, экономиста, этого *стультомана*. Мы все пропадем, если дорожные преграды между *Стультой* и *Пуэрой* не будут хорошо уравнены,

уравновешены и верно рассчитаны. Иначе явится больше затруднений для того, чтобы *идти*, а не для того, чтобы *прийти*, т.е. для того, чтобы *вывозить*, чем для того, чтобы *ввозить*. Мы окажемся относительно *Стульты* в таком же точно подчинении, в каком Гавр, Нант, Бордо, Лиссабон, Лондон, Гамбург, Новый Орлеан находятся к городам, расположенным при истоках Сены, Луары, Гаронны, Тайо, Темзы, Эльбы и Миссисипи, потому что гораздо труднее плыть вверх по течению реки, чем вниз». Голос: «Города при устьях рек процветали больше, чем лежащие при истоках». — «Это невозможно». Тот же голос: «Однако это так». — «Значит, они процветали вопреки правилам!» Такое решительное рассуждение пошатнуло все собрание. Оратор окончательно убедил его своими речами о национальном достоинстве, национальном труде, о наплыве чужих продуктов, о пошлинах и убийственной конкуренции, короче, он отстаивал сохранение взаимных преград.

Если вам интересно, я могу свозить вас в одну страну, где вы увидите собственными глазами дорожных рабочих и тормозильщиков, которые самым мирным образом, под сенью закона, принятого тем же законодательным собранием, работают за счет одних и тех же плательщиков — одни над тем, чтобы расчищать дорогу, другие над тем, чтобы загромождать ее камнями.

I.11. Денежные цены

Хотите ли вы оценить относительное достоинство свободы торговли и покровительства? Хотите ли узнать истинное значение экономического явления? Если вы желаете этого, то должны исследовать его влияние на *изобилие или недостаток товаров*, а не на *повышение или понижение цен*. Не верьте *денежным ценам*: они приведут вас в запутанный лабиринт.

Г-н Матёе де Домбаль⁴⁵, доказав, что покровительство вызывает дороговизну, добавляет: «Рост цен повышает стоимость жизни и, следовательно, цену труда, и за увеличение затрат на то, что он покупает, каждый получает компенсацию в виде повышения цены на то, что он продает. Итак, если все платят больше как потребители, то все также получают больше как производители». Ясно, что можно было бы повернуть доказательство и сказать: «Если все получают больше как производители, то все платят больше как потребители».

Но что же это доказывает?

Только то, что покровительство бесполезно и несправедливо *перемещает* богатство.

То же самое делает и грабеж.

Прежде чем согласиться с тем, что такой сложный механизм оказывает всего лишь уравнивающий эффект, мы должны принять «следовательно» г-на де Домбаля и убедиться, что цена труда действительно увеличивается вместе с ценой покровительствуемых товаров. Разрешение этого вопроса возможно только

на основании положительных фактов, и тут я полагаюсь на г-на Моро де Жонеса⁴⁶: не будет ли он любезен сообщить нам, действительно ли рост заработной платы соответствует степени повышения цены акций анзенских рудников. Я по крайней мере не думаю, чтобы это было так, потому что, по моему мнению, цена труда, подобно всем остальным ценам, управляется соотношением спроса и предложения. Мне, конечно, ясно, что *ограничение* уменьшает предложение каменного угля и вследствие этого повышает его цену; но я не вижу столь же ясно, чтобы оно увеличивало спрос на труд и, таким образом, повышало заработную плату. Могу объяснить почему: потому что количество требуемого труда зависит от свободного капитала. Покровительство же может перераспределять капиталы, перемещая их из одной отрасли в другую, но не может увеличить их ни на сантим.

Впрочем, этот интересный вопрос будет рассмотрен в другом месте. Я возвращаюсь к *денежным ценам* и говорю, что нет такой нелепости, которую бы нельзя было сделать правдоподобной посредством доводов, схожих с теми, какие приводит г-н де Домбаль.

Представьте себе, что какой-нибудь народ, отделенный от других и обладающий определенным количеством денег, будет ежегодно развлекаться сжиганием половины всего им производимого. Я берусь доказать, по теории г-на де Домбалья, что он не сделается от этого бедным.

В самом деле, вследствие пожара цена всех предметов удвоится, и по описям, составленным как до, так

и после несчастья, будет значиться та же *номинальная* ценность. Но кто же тогда понесет потери? Если Иван покупает сукно дороже, то настолько же дороже он продает и свой хлеб; если Петр теряет при покупке хлеба, то он вознаграждает себя за убытки при продаже своего сукна. «Через повышение цены на то, что он продает, каждый получает, я бы сказал, компенсацию за общее повышение затрат на то, что он покупает; и если все платят больше как потребители, то все также получают больше как производители».

Все это чепуха, а не наука. В простейшем виде истина состоит в следующем: как бы ни уничтожили люди сукно и хлеб, все равно — сожгут ли они их или потребуют, уничтожение в обоих случаях будет иметь одинаковое влияние *на изменение цен*, но не *на изменение богатства*, потому что богатство или благосостояние состоит именно в полезном употреблении вещей.

Аналогично: ограничение, уменьшая избыток вещей, может повышать их цену; при этом всякий, если угодно, *в денежном отношении*, останется столь же богатым. Но будут ли иметь одинаковое значение, с точки зрения удовлетворения потребностей, результаты двух инвентаризаций, из которых в одной записано три гектолитра зерна по 20 франков, а в другом четыре гектолитра по 15 франков потому только, что денежное выражение их будет одно и то же — 60 франков?

Это точка зрения потребителей, на которую я буду постоянно указывать защитникам покровительства, потому что цель всех усилий и разрешение всех

задач заключаются в удовлетворении наибольшего числа потребностей⁴⁷. Я всегда буду задавать защитникам покровительства вопрос: не правда ли, что ограничение, препятствуя обмену, ограничивая разделение труда, принуждая труд бороться с препятствиями, происходящими от географических и климатических условий страны, в конечном итоге уменьшает количество товаров, получаемое суммой определенных усилий? И разве будет иметь какое-нибудь значение то, что меньшее количество произведений, полученное при действии покровительственной системы, будет иметь ту же номинальную ценность, как и большее их количество, добытое при действии свободной торговли. Для удовлетворения потребностей человека нужны не номинальные ценности, а реальные товары, и чем больше этих товаров, независимо от их цены, тем богаче общество.

В то время как я писал эту статью, я не ожидал встретить когда-нибудь антиэкономиста, настолько последовательного, чтобы он стал утверждать, подробно излагая свое мнение, что богатство народов зависит от ценности вещей и не имеет ничего общего с изобилием их. Вот что я нашел в книге г-на Сен-Шаманса⁴⁸: «Если из нормального объема произведенной продукции какой-нибудь страны, оцененного в 50 миллионов франков, будет продано за границу товара на 15 миллионов, то остальной товар на 35 миллионов, не будучи в состоянии удовлетворить нормальному спросу, повысится в цене и дойдет до стоимости 50 миллионов. В этом случае доход

страны увеличится на 15 миллионов... Следовательно, произойдет увеличение богатства страны на 15 миллионов, т.е. именно на ту сумму, на которую будет ввезено денег».

Это забавно! Если сельское хозяйство и промышленность страны производят ежегодно продукции на 50 миллионов франков, то стоит только её продать за границу четверть всего произведенного, как она сделается на четверть богаче! Следовательно: если бы народ продал половину своей продукции, он бы на половину увеличил свое богатство, и если бы он выменял на деньги последний клочок шерсти и последнее зерно пшеницы, то довел бы свой доход до 100 миллионов? Станный способ обогащения — провоцирование бесконечно высоких цен путем совершенного отсутствия предметов потребления.

Если вы все еще хотите сравнить оба учения, то представьте их себе в преувеличении.

По учению г-на Сен-Шаманса, французы были бы точно так же богаты, то есть точно так же хорошо обеспечены всем необходимым, обладая только тысячной долей годового объема производства, потому что стоимость последней была бы в тысячу раз больше.

По нашему учению, французы были бы бесконечно богаты, если бы их годовой объем производства был бесконечно велик и, следовательно, не имел никакой ценности⁴⁹.

I.12. Увеличивает ли протекционизм заработную плату?

Один атеист, разговаривая в обществе, сильно восставал против религии, священников и Бога. «Если вы станете продолжать, — сказал ему один из присутствующих, тоже мало отличавшийся религиозностью, — вы меня заставите уверовать».

Точно так же, когда слушаешь наших безбородых писак, романистов, реформаторов, фельетонистов, надушенных амброй и мускусом, наевшихся досыта мороженого и напившихся шампанского, носящих в своем портфеле великолепно исполненные ценные бумаги Ганнерана, Норда и Макензи⁵⁰ или переплетающих в золото свои собственные тирады против эгоизма и индивидуализма нашего века; когда слушаешь, говорю я, как ораторствуют эти господа против жестокости наших институтов, как вопиют они против нынешнего положения рабочего класса и пролетариата; когда видишь, как поднимают они к небу свои умиленные очи при виде бедности трудящихся, которых они не посещали никогда с иной целью, как для того только, чтобы списывать с них картины для приобретения денег, то, право, возникает желание сказать им: «Если вы станете продолжать таким образом, вы меня сделаете равнодушным к судьбе рабочих».

О, притворство, притворство! Вот отвратительная болезнь нашего времени! Рабочие! Стоит только серьезному человеку, искреннему гуманисту описать истинную картину ваших страданий и вызвать своей

книгой хоть какой-то общественный резонанс, как на нее тотчас набрасывается стая реформаторов. Они начинают эксплуатировать ее, поворачивать то так, то эдак, искажать, преувеличивать, доводить ее идеи до смешных или отвратительных крайностей.

Они предлагают лекарство от всех ваших скорбей, у них всегда наготове рецепты с громкими словами: *организация, ассоциация*; они вам льстят и втираются в доверие столь умело, что скоро с рабочими будет то же самое, что с рабами: серьезным людям будет стыдно взять на себя публично их защиту, потому что смешно начать развивать какую-нибудь здравую идею посреди этих пустых декламаций.

Но сохраним себя от такого малодушного равнодушия, которое не может быть оправдано господствующим повсеместно притворством!

Рабочие, ваше положение странно! Вас грабят [1]*, и это я вам докажу сейчас... Хотя нет; я беру это слово назад; изгоним из нашей речи всякое насильственное и, может быть, ложное выражение, потому что грабеж, скрытый софизмами, совершается, нужно полагать, против воли грабителя и с согласия подвергающегося грабежу. Как бы то ни было, у вас похищают справедливое вознаграждение за ваш труд, и никто не заботится отдать вам должную *справедливость*. О, если бы для вашего утешения

* Так выделены фрагменты текста, изъятые или измененные цензором при публикации «Софизмов» в 1863 году. См. с. 406. — *Прим. изд.*

I.12. Увеличивает ли протекционизм заработную плату?

нужны были только шумные взывания к филантропии, к немогущей благотворительности, к унижительной милостыни, если бы было достаточно одних громких слов: *организация, коммунизм, фаланстеры*, которых для вас не жалеют. Но никто не мечтает дать вам одного — *справедливости*, чистой и простой *справедливости*. А между тем, разве не было бы *справедливо*, после получения вами мизерной заработной платы за длинный рабочий день, предоставить вам возможность свободно выменять эту малость на наибольшую сумму средств для удовлетворения ваших потребностей у любого человека, встреченного вами на земле?

Когда-нибудь, может быть, я также поговорю с вами об ассоциации и организации, и мы увидим тогда, чего вам следует ожидать от этих химер, с помощью которых вас хотят направить по ложному пути.

Теперь же посмотрим, не делают ли вам *несправедливости*, указывая в законе не только лиц, у которых вам позволено покупать предметы первой необходимости, такие, как хлеб, мясо, полотно, сукно, но и цену, которую вы должны им заплатить.

Правда ли, что покровительство, которое, как признано, заставляет вас платить дорого за все товары и в этом отношении вредное для вас, вызывает пропорциональное повышение вашей заработной платы?

От чего зависит заработная плата?

Один из вас выразился очень точно: «Когда два работника ищут хозяина, то заработки уменьшаются; они увеличиваются, когда два хозяина ищут работника».

Позвольте мне сократить эту фразу и выразиться более ученым, хотя, может быть, и менее понятным языком: «Величина заработной платы определяется соотношением предложения работы и спроса на нее».

Но от чего зависит предложение рабочих рук?

От числа их, находящегося в определенном месте; на этот-то первый элемент покровительство не имеет никакого влияния.

От чего же зависит спрос на рабочие руки?

От имеющегося в государстве свободного капитала. Но способствует ли увеличению капитала закон, который говорит: «Люди больше не должны ввозить такой-то и такой-то товар из-за границы, они должны делать его дома»? Нисколько. Такой закон переводит капитал из одного производства в другое, но не увеличивает его ни на сантиметр. Следовательно, он не увеличивает спрос на рабочую силу.

Нам с гордостью показывают некую фабрику. Но разве она создана и поддерживается капиталами, упавшими с Луны? Нет, они отвлечены или от земледелия, или от мореплавания, или от виноделия. И вот почему. Если со времени господства покровительственных тарифов стало больше работников в забоях наших рудников и в предместьях наших мануфактурных городов, то стало меньше матросов в наших портах, меньше хлебопашцев и виноделов на наших полях и в наших горах.

Я мог бы долго рассуждать на эту же тему. Но я лучше попробую объяснить вам мою мысль примером.

Один поселянин имел двадцать гектаров земли, в улучшение которой он вложил капитал в 10 000 фран-

I.12. Увеличивает ли протекционизм заработную плату?

ков. Он разделил свое владение на четыре части и ввел следующий севооборот: 1) маис; 2) пшеница; 3) трилистник; 4) рожь. Для пропитания его с семейством было достаточно весьма умеренного количества зерна, мяса, молочных продуктов, производимых на ферме, а излишек он продавал, чтобы покупать оливковое масло, лен, вино и пр. Весь капитал распределялся ежегодно на жалование, заработную плату окрестным рабочим, платежи по счетам. Капитал этот выручался путем продажи продукции и даже увеличивался год от году, и наш селянин, зная очень хорошо, что капитал бывает только тогда производителен, когда употребляется в дело, доставлял выгоду как себе, так и рабочему классу, посвящал ежегодный избыток своих доходов на устройство оград, на расчистку полей, на улучшение своих земледельческих орудий и строительство фермы. Он даже откладывал небольшую часть прибыли в банк соседнего города, но и банкир не оставлял его денег праздными в своей кассе: он давал их в ссуду судовладельцам, предпринимателям, занятым в полезных отраслях, так что в конце концов они все-таки шли на заработную плату.

Между тем селянин умер, и сын его, получивши наследство, сказал себе: «Нужно сознаться, что мой отец всю жизнь обманывал себя. Он покупал оливковое масло и платил таким образом *дань* Провансу, тогда как и на нашей почве могут расти оливковые деревья. Он покупал лен, вино, апельсины и платил *дань* Бретани, Медоку и Гиерским островам⁵¹, тогда как виноград, конопля и померанцевые деревья могут,

худо-бедно, давать и у нас какую-нибудь продукцию. Он платил *дань* мельнику, ткачу, когда наши слуги могут сами ткать полотна из нашего льна и перемалывать нашу пшеницу между двумя камнями. Он разорял себя и, сверх того, позволял чужакам зарабатывать то, что могли бы получать окрестные рабочие».

Вооруженный этой логикой, наш сумасброд изменил порядок посевов в имении. Он разделил всю землю на двадцать участков. На одном из них он посадил оливковые деревья, на другом — тутовые, на третьем посеял лен, на четвертом развел виноград, пятый засеял пшеницей и пр., и пр. Таким образом он снабдил свое семейство всем необходимым и сделался *независимым* от других производителей. Он уже ничего не приобретал для себя из предметов, находившихся в общем обращении; правда, и сам ничего не пускал в оборот. Но сделался ли он от этого богаче? Нет, потому что земля была не приспособлена для произрастания винограда; климат не благоприятствовал оливковым деревьям, и, в конечном счете, семейство было хуже обеспечено всеми этими продуктами, нежели в то время, когда отец приобретал их путем обмена.

Что же касается работников, то для них не нашлось у сына работы больше, нежели было у отца. Правда, что число участков, на которые разделена была земля, увеличилось в пять раз, но зато они стали впятеро меньше; производилось оливковое масло, но зато меньше засеивалось пшеницы; не покупался лен, но зато не продавалось и ржи. Впрочем, фермер не мог расходовать на заработную плату больше, чем име-

I.12. Увеличивает ли протекционизм заработную плату?

лось у него капитала, а капитал его, не то что не увеличивался от нового разделения полей, а беспрестанно уменьшался. Бóльшая часть его была потрачена на устройство зданий и бесчисленных орудий, необходимых для того, кто хочет все предпринимать. В результате предложение рабочих рук осталось то же самое, а средства уплаты за работу уменьшались, от чего и произошло уменьшение заработной платы.

Вот картина того, что происходит, когда одна страна отделяет себя от других запретительными постановлениями. При том, что она увеличивает число отраслей своей промышленности, она уменьшает их важность и объем; она заводит у себя, так сказать, *промышленный севооборот*, более сложный, но менее плодородный, потому что тот же капитал и то же количество работы встречают больше естественных затруднений. Его основной капитал поглощает бóльшую, чем прежде, часть оборотного капитала, т.е. на оплату труда остается меньше капитала. Этот остаток, на сколько бы ветвей он ни разделился, не увеличится в общей сложности, точно так же, как не увеличится количество воды в пруду оттого, что, будучи распределена на множество резервуаров, она придет в соприкосновение бóльшим числом точек с землей и представит солнцу бóльшую поверхность; а между тем в этом-то именно распределении, вместо желаемого увеличения массы, и будет заключаться причина ее просачивания в почву, испарения и вследствие этого убыли.

Данное количество капитала и труда создает тем меньше продукции, чем больше они встречают

препятствий. Нет сомнения, что международные преграды, заставляя в каждой стране капитал и труд преодолевать больше препятствий, происходящих от климата и температуры, приводят к уменьшению количества производимых товаров или, что то же самое, удовлетворяют меньшее число потребностей человечества. Но как же, при общем уменьшении количества удовлетворяемых потребностей, увеличится количество их, приходящееся на вашу долю, работники? Это могло бы случиться только тогда, когда богатые люди, те, которые издают законы, установили бы такой порядок вещей, по которому они не только подчинились бы уменьшению своих средств соразмерно общему уменьшению последних, но по которому и доля их средств, уже уменьшенная, уменьшилась бы еще всем тем количеством, какое добавляется, как они говорят, к вашей доле. Возможно ли это? Вероятно ли это? Такое великодушие подозрительно, и вы поступите благоразумно, отвергнув его⁵².

I.13. Теория, практика

Приверженцы свободной торговли обвиняют нас в том, что мы — теоретики и не обращаем должного внимания на практику.

«В каком невыгодном свете предстает г-н Сэй⁵³, — говорит г-н Феррье^{*,54}, — если посмотреть на длинный ряд знаменитых правителей, впечатляющий список писателей, которые не были согласны с его воззрениями!»

И г-н Сэй был об этом осведомлен. Вот его собственные слова: «Выступая в защиту старых заблуждений, люди говорят: идеи, повсеместно принятые во всех странах, должны содержать зерно истины. Не следует ли остерегаться наблюдений и выводов, опровергающих то, что считалось несомненным до нашего времени и почиталось за истину столь многими людьми, известными своей просвещенностью и благонамеренностью? Этот довод, признаюсь, достоин произвести глубокое впечатление и мог бы заставить сомневаться в самых неопровержимых положениях, если бы у нас не было перед глазами многочисленных примеров, что самые ложные мнения, ошибочность которых теперь общепризнанна, поочередно, в свое время, признавались за истину и разделялись всеми на протяжении столетий. Еще недавно все народы, начиная от самого невежественного до самого образованного, и все люди, от простого носильщика до ученого

* *De l'administration commerciale opposée à l'économie politique.* P. 5.

философа, признавали существование четырех стихий. Никто и не думал опровергать это учение, которое, однако, оказалось ложным, так что теперь нет ни одного естествоиспытателя, который бы не сделался предметом общего осмеяния, если бы стал доказывать, что земля, воздух, вода и огонь — стихии».

На это г-н Феррье делает следующее замечание:

«Если г-н Сэй думает таким образом опровергнуть предложенное им самому себе возражение, то он странно ошибается. Весьма понятно, что люди, по-своему очень образованные, должны были заблуждаться на протяжении нескольких веков относительно какого-нибудь вопроса естественной истории, но сам по себе этот факт ничего не доказывает. Вода, воздух, земля и огонь, независимо от того, стихии они или нет, всегда были одинаково полезны для человека. Подобного рода заблуждения не имеют последствий; они не производят разрушений, не действуют болезненно на умы, не нарушают ничьей выгоды, вот почему они могли бы, без всякого неудобства, просуществовать еще тысячи лет. Но можно ли сказать то же самое о заблуждениях относительно нравственной природы? Будет ли понятна возможность существования в течение нескольких столетий и у многих народов известного образа управления, совершенно ложного и, следовательно, вредного, с общего согласия всех образованных людей? Объяснит ли кто: как подобный образ управления мог бы согласоваться с постоянно возрастающим благосостоянием народов? Г-н Сэй сознается, что оспариваемый им довод достоин произвести

глубокое впечатление. Да, действительно, и это впечатление остается, потому что г-н Сэй скорее увеличил его, нежели уничтожил».

Послушаем г-на Сен-Шаманса:

«Лишь в середине XVIII столетия, когда ни одна тема, ни один принцип не исключался из обсуждения, эти поставщики *умозрительных* понятий, прилагаемых ко всему и ни к чему не применимых, начали писать о политической экономии. До того времени существовала политическая экономия неписаная, но *применяемая на практике* правительствами. Говорят, она была изобретена Кольбером⁵⁵ и принята к руководству всеми европейскими государствами. Что самое странное, она и теперь господствует повсеместно, несмотря на все проклятия в ее адрес и презрение к ней, несмотря на открытия новейшей школы — экономистов. Система эта, названная нашими писателями *меркантилистской системой*, состояла в том, чтобы... воспрепятствовать, посредством запрещений и пошлин, ввозу к нам иностранных товаров, которые могли бы подорвать своей конкуренцией нашу промышленность... Эта система была объявлена писателями-экономистами всех школ нелепой и ведущей к обнищанию всей страны*. Она была изгнана

---

* Разве нельзя было бы сказать: ужасно предубеждает против гг. Феррье и Сен-Шаманса то, что экономисты *всех* школ, т.е. все люди, изучавшие предмет, пришли к следующему результату: как ни рассуждай, а свобода лучше насилия, и законы божеские разумнее издававшихся Кольбером.

из всех книг и нашла убежище в *практике* всех стран; и не могут постичь, почему в тех случаях, когда вопрос касается богатства народов, государства должны полагаться не на советы ученых, а доверять *исстари испытанной системе*, и пр.... В особенности не понимают, почему французское правительство... в вопросах политической экономии упорно противится принятию принципов, открываемых наукой, и продолжает применять на *практике* все те старые заблуждения, которые были опровергнуты нашими пишущими экономистами... Но мы уже довольно сказали об этой меркантильной системе, за которую говорят *одни только факты* и которой не защищает ни один писатель»*.

Не подумать ли, услышав такие слова, что экономисты, требуя для каждого человека права *свободного распоряжения своей собственностью*, выдумали, подобно фурьеристам, новый порядок общественного устройства, химерический, странный, род фаланстера, беспримерного в истории человечества! Мне кажется, что если во всей приведенной цитате есть что-нибудь вымышленное, случайное, то это не свобода торговли, а покровительство, не право вступать в свободный обмен, а таможня, посредством которой искусственно нарушается естественный порядок ценообразования.

Но здесь речь идет не о сравнении и оценке обеих систем; нам следует лишь разрешить вопрос: которая из них подтверждается опытом.

Итак, господа защитники монополии, вы думаете,

* M. le vicomte de Saint-Chamans. *Du système de l'impôt*.

что *факты* говорят в вашу пользу и что на нашей стороне одни только *теории*!

Вы льстите себе, что длинный ряд официальных актов, который представляет, как вы говорите, *вековой опыт* Европы, приводимый вами в подтверждение ваших доводов, произвел впечатление на г-на Сэя; согласен, что на этот раз опровержения его не отличались обыкновенной, свойственной ему проницательностью. Но что касается меня, то я не уступаю вам области *фактов*, потому что за вас говорят факты лишь исключительные, являющиеся следствием принуждения, а мы можем противопоставить им факты общие — свободные и добровольные действия всех людей.

Какая разница между нашим и вашим учением?

Мы говорим: «Лучше покупать у других то, что самим сделать обойдется дороже».

Вы же говорите: «Лучше производить товары самим, хотя бы они и обходились дороже тех, которые мы можем купить у других».

Но, господа, оставляя в стороне теорию, доказательства, рассуждения, словом, все, от чего вам делается дурно, спрошу у вас: какое из этих двух мнений освящено *повсеместным применением на практике*?

Посетите поля, мастерские, заводы, магазины; оглянитесь вокруг, приглядитесь к тому, что делается в вашем собственном хозяйстве; понаблюдайте за своими собственными ежеминутными действиями, — и скажите тогда: какому правилу следуют земледельцы, рабочие, промышленники, купцы; не говоря уже

о том, чем сами вы руководствуетесь *на практике*?

Разве земледелец шьет себе платье? Разве портной засеивает для своего пропитания поля зерном? Разве ваша хозяйка станет печь хлеб дома, если найдет более выгодным покупать его у булочника? Разве вы бросите ваши собственные занятия для того, чтобы самому чистить себе сапоги и избавиться, таким образом, от необходимости держать прислугу? Не основывается ли хозяйство всего общества на распределении занятий и разделении труда, одним словом, на *обмене*? А обмен не то же самое ли, что расчет, заставляющий всех нас бросать прямое производство в том случае, если не прямое приобретение может сберечь для нас время и сократить труд.

Нет, никакие вы не *практики*, потому что не можете указать ни на одного человека на всем земном шаре, который бы действовал в соответствии с вашим принципом.

Но, скажете вы, мы никогда не думали объявлять наш принцип правилом для руководства людей в их частных отношениях. Мы очень хорошо понимаем, что это значило бы разрушить все общественные связи и заставить людей жить наподобие улиток в их раковинах. Мы полагаем, что принцип наш господствует только *на практике* в отношениях между народами, — отдельными семьями человеческого рода.

Если так, то и это положение ваше ошибочно. Семья, община, кантон⁵⁶, департамент, провинция, словом — всякий союз и общество людей без исключения, отвергают на практике ваш принцип и никогда

и в мыслях не имели им руководствоваться. Все они предпочитают приобретать путем обмена те предметы, добывание которых обходилось бы им дороже путем прямого производства. То же самое делали бы и целые народы, если бы вы не мешали им *силой* в исполнении их желаний.

Поэтому именно мы — практики, *мы* основываем наши принципы на опыте, ибо при опровержении запрещения, наложенного вами на некоторые международные обмены, мы основываемся на практике и опыте всех отдельных лиц и всех союзов людей, действия которых добровольны и, следовательно, могут приводиться в доказательство. Вы же начинаете с *принуждения*, с *препятствия*, и приводя потом вынужденные или запрещенные действия, восклицаете: «Посмотрите, наше учение оправдывается опытом!»

Вы восстаете против нашей *теории* и даже против *теории* вообще. Но предлагая ваш принцип, противоположный нашему, не вообразили ли вы случаем, что вы *не строите теорию*? Избавьтесь от иллюзий, господа. Вы не меньшие теоретики, чем мы, но между нашей и вашей теорией есть существенная разница.

Наша теория состоит единственно в *наблюдении общих фактов, общих желаний, общих расчетов и действий* и, по большей мере, в их классификации, в приведении их в порядок для лучшего уразумения.

Она так мало противоречит действительности, что ее можно назвать *объясненной практикой*. Мы смотрим на деятельность людей, движимых инстинктом самосохранения и успеха, на действия свободные,

добровольные, и их-то мы и называем политической экономией, или экономикой общества. Мы постоянно повторяем: каждый человек *на практике* превосходный экономист, производящий или обменивающий, смотря по тому, что выгоднее — обмен или производство. Каждый из опыта выводит правила науки, или, лучше сказать, наука есть тот же опыт, приобретенный тщательным наблюдением и изложенный систематически.

С другой стороны, вас можно назвать теоретиками в бранном смысле этого слова. Вы выдумываете способы действия, не подтвержденные деятельностью ни одного человека, а затем считаете необходимым прибегнуть к помощи принуждения и запрещений, чтобы заставить людей производить то, что они считают *выгоднее* покупать. Вы хотите, чтобы они отказались от этой *выгоды*; вы требуете, чтобы они поступали по учению, внутренне противоречивому.

Попробуйте-ка распространить ваше учение, применение которого, как вы сами соглашаетесь, было бы нелепо в частных отношениях отдельных лиц, и приложить его, хотя бы мысленно, к взаимным сношениям семейств, общин, департаментов и провинций. По вашему собственному признанию, это учение применимо к одним только международным сношениям.

Вот это-то заставляет вас повторять каждый день: «Абсолютных принципов не существует. Что *хорошо* для отдельного лица, семейства, общины, провинции, то не годится для страны. Что хорошо в небольшом масштабе, например, правило покупать, а не

производить, в том случае, когда покупка выгоднее производства, то *неприменимо* к массам; у отдельных лиц и у народов не одна и та же политическая экономия» — и подобного рода вздор!

Скажите честно, к чему вы ведете? Чтобы доказать нам, что мы, потребители, составляем вашу собственность; что мы принадлежим вам телом и душой! Что вы имеете исключительное право распоряжаться нашими желудками и всеми органами; что вы можете кормить и одевать нас за установленную вами плату, несмотря на то, как бы вы ни были неопытны и жадны и как бы низко ни было ваше положение в обществе.

Нет, вы не практики, а мечтатели... угнетатели народа⁵⁷.

I.14. Столкновение принципов

Меня смущает то обстоятельство, что добросовестные публицисты, изучая экономические проблемы с точки зрения производителей, пришли к следующим заключениям.

Правительства должны принуждать потребителей, находящихся в сфере действия их законов, делать то, что выгодно отечественной промышленности.

Правительства должны заставить иностранных потребителей подчиняться своим законам, для того чтобы принуждать их делать то, что выгодно отечественной промышленности.

Первая из этих формул называется *покровительством*, или, иначе, протекционизмом; вторая открывает рынки для *сбыта* наших продуктов.

В основе обеих лежит положение, называемое *торговым балансом*: «Народ беднеет, когда ввозит к себе товары, и богатеет, когда вывозит их».

Если всякая покупка, сделанная вне государства, есть то же самое, что *уплата дани*, потеря, то самое простое средство предупредить последнюю будет: ограничить и даже вовсе запретить ввоз.

И если всякая продажа за границу есть *получение дани*, прибыль, то вполне естественно открывать рынки для увеличения *сбыта*, хотя бы и насильственно.

Значит *покровительственная и колониальная системы* составляют лишь две стороны одной и той же теории.

Создание *препятствий* нашим согражданам для покупки товаров у иностранцев и *принуждение* последних покупать как можно больше у нас, — это два следствия одного и того же принципа.

Но невозможно не видеть, что согласно этому учению, если оно истинно, *общая польза* основывается на *монополии*, или внутреннем грабеже, и на *завоевании*, или грабеже внешнем.

Я вхожу в хижину, построенную на склоне одной из вершин Пиренеев.

Отец семейства только что вернулся с работы с небольшой выручкой. Холодный северный ветер заставляет дрожать его полуголых детей, огонь в печи погас, и на столе не осталось ничего съестного. На противоположном склоне горы есть и шерсть, и дрова, и маис, но семейству бедного поденщика запрещено покупать эти предметы, потому что тот склон лежит уже за пределами Франции. Иностранная ель не возобновит огня в очаге хижины; дети пастуха не узнают вкус бискайского суржика⁵⁸; и платье из наваррской шерсти не согреет их окоченевших тел. Этого требует общее благо. Прекрасно; но согласитесь же, что оно в этом случае противоречит справедливости.

Регулировать поведение потребителей посредством издания законов, вменяющих им в обязанность употреблять лишь товары, произведенные отечественной промышленностью, значит посягать на их свободу, запрещать им такое действие, обмен, которое не включает в себе ничего противоречащего нравственности; одним словом, поступать с ними *несправедливо*.

А между тем, говорят, это необходимо, для того чтобы поддержать промышленность и чтобы процветанию не был нанесен смертельный удар!

Писатели покровительственной школы приходят к печальному выводу, что справедливость и общее благо несовместимы.

С другой стороны, если каждому народу выгоднее *продавать*, а не *покупать*, то естественно, что взаимные сношения народов между собой должны состоять из постоянного жесткого противодействия друг другу, потому что каждый из них захочет сбывать свои товары всем остальным, сам же будет воздерживаться от покупки произведений, предлагаемых каким бы то ни было другим народом.

В самом деле, продажа влечет за собой покупку, и так как, согласно учению покровительства, продавать — значит получать выгоду, а покупать — значит нести убыток, то всякая международная сделка будет иметь последствием улучшение положения одного народа и вред для другого.

Но, с одной стороны, люди неодолимо влекутся к тому, что для них выгодно; с другой же, они инстинктивно удерживаются от того, что им вредит. Из чего необходимо следует, что каждый народ заключает в себе естественную тенденцию к экспансии и не менее естественную тенденцию сопротивляться посягательствам на свои владения, которые одинаково вредны для всех других народов; или, другими словами, что *естественное* состояние человеческого общества есть постоянный антагонизм и война между народами.

Теория, которую я оспариваю, может быть суммирована в следующих двух положениях:

- 1) общее благо несовместимо со справедливостью внутри страны;
- 2) общее благо несовместимо с международным миром.

Но меня удивляет и приводит в смущение то, что публицист, государственный деятель, искренно следующий экономическому учению, принцип которого так сильно противоречит другим неопровержимым принципам, может хоть минуту оставаться спокойным.

Мне кажется, если бы изучение мной экономической науки привело меня к таким выводам, если бы я не был твердо убежден, что свобода, общее благо, справедливость, мир не только совместимы, но и тесно связаны между собой и, так сказать, тождественны, то я старался бы забыть все то, чему научился; я бы сказал сам себе:

«Каким образом Бог мог желать того, чтобы люди достигали процветания только посредством несправедливости и войны? Как мог Он желать, чтобы они могли отказаться от войны и несправедливости, только пожертвовав своим благосостоянием?»

Не обманывает ли меня ложным светом эта наука, которая привела меня к страшному богохульству, сопряженному с необходимостью подобного выбора? Осмелюсь ли я взять на себя ответственность за то, чтобы поместить приведенные положения в основание законодательства великого народа? И если внушительный ряд знаменитых ученых при изучении основ той же науки, которой они посвятили всю свою жизнь,

пришли к гораздо более утешительным выводам; если они утверждают, что свобода и общее благополучие полностью совместимы со справедливостью и миром; что все эти великие принципы идут, не противореча друг другу и в продолжении целой вечности, по одному и тому же пути, то не правдоподобнее ли их выводы, подтверждаемые всеми нашими понятиями о доброте и мудрости Бога, проявляющихся в величественной гармонии физического универсума? Должен ли я, наперекор этому предположению и всем авторитетам, принять легкомысленное мнение, что тому же самому Богу угодно было вложить принцип непримиримой враждебности и разлада в законы нравственного мира? Нет, прежде чем я не вполне проникнусь убеждением, что все общественные принципы противоречат друг другу, взаимно сталкиваются, уничтожают один другого и находятся между собой в анархической, вечной и непримиримой борьбе, прежде чем подчинять моих сограждан нечестивой системе, к которой привели меня мои рассуждения, я сперва прослежу их от начала до конца и уверюсь, не сделал ли я сам какой ошибки».

Если бы, при добросовестной проверке моего воззрения, повторенной двадцать раз, я постоянно приходил к тому же страшному заключению, что нужно выбирать между материальными благами и нравственным благом, то с унынием бросил бы я эту науку; предался добровольному невежеству и старался уклониться от всякого участия в публичной деятельности, предоставив людям иного склада принять на себя тяжесть такого трудного выбора и нести ответственность за него⁵⁹.

I.15. Еще взаимность

Г-н де Сен-Крик спрашивает: «Уверены ли мы, что иностранцы купят у нас столько же товаров, сколько продадут нам?» Г-н де Домбаль желает знать: «Какие у нас основания думать, что английские производители будут обращаться скорее к нам, нежели к какому-либо другому народу, за теми товарами, в которых они могут нуждаться, и купят у нас товаров на такую же сумму, какую составляет их ввоз во Францию?»

Я удивляюсь, как люди, называющие себя по преимуществу *практиками*, рассуждают несообразно с какою бы то ни было практикой!

Разве на практике хотя бы один обмен из ста, из тысячи, или из десяти тысяч, является прямым бартером одного товара на другой? С тех пор как существуют деньги, говорил ли себе хоть один земледелец: «Я не хочу покупать башмаков, шапок, советов, уроков, иначе как только у того башмачника, шляпного мастера, адвоката, профессора, которые захотят у меня взять хлеба, причем именно на столько, сколько мне придется уплатить им?» И зачем народы станут издавать себе такие неудобства?

Как на самом деле происходит обмен?

Представим себе народ, не имеющий никаких внешних сношений. Один человек произвел хлеб. Он пускает его в обращение на *местном рынке* по наивысшей цене, которую может получить, и в обмен получает... Что же? Деньги, т.е. векселя, билеты, делимые до бесконечности, посредством которых ему

можно будет извлечь из предложения отечественных товаров, когда он сочтет это нужным и при соответствующей конкуренции, необходимые для него предметы.

Окончательно же истратив вырученные им деньги, он извлечет из массы обращающихся товаров часть, равноценную той, которую продал, и по стоимости *его потребление будет совершенно равно его производству.*

Если же этому народу будет дозволен свободный обмен с иностранными государствами, то каждый производитель будет пускать в обращение свои товары и искать для них потребителей не на *внутреннем*, а на *мировом рынке*. Ему не нужно будет заботиться, покупается ли пущенный им во всеобщее обращение товар его согражданами или иностранцами? Получает ли он деньги от француза или от англичанина? Производятся ли предметы, приобретаемые им впоследствии за эти деньги по мере надобности, по эту или по ту сторону Рейна или Пиренеев? В любом случае для каждого отдельного лица будет существовать точный баланс между тем, что он приносит в общий запас и что извлекает из него, и если это справедливо в отношении отдельного человека, то справедливо и в отношении целого народа.

Единственное различие в этих двух случаях заключается в том, что в последнем из них каждому производителю предоставляется более обширный рынок для продажи и покупки и, вследствие этого, больше вероятности совершить выгоднее и то, и другое.

Но возражают: если все согласятся не извлекать из обращения товары определенного лица, то этим самым и у него, в свою очередь, не будет возможности извлечь что-либо из общей массы товаров. То же рассуждение можно применить и к народу.

Ответ. Если этот народ не может ничего извлечь из общего запаса, то он ничего и не внесет туда; он будет работать для самого себя. Он будет вынужден подчиниться тому условию, которое вы хотите навязать ему с самого начала, т.е. *изоляции*.

И это будет осуществлением идеала протекционистской системы.

Не забавно ли, что вы уже наперед определили для народа эту систему из страха, что однажды мы можем дойти до нее без вашего участия?

I.16. Засоренные реки, защищающие в суде приверженцев запретительной системы

Несколько лет тому назад я был в Мадриде. Я пошел в кортесы⁶⁰. Там рассматривался договор с Португалией об улучшении течения Дуэро⁶¹. Один из депутатов встал и сказал: «Если мы углубим Дуэро, то тарифы на перевозку по этой реке понизятся. На рынках Кастилии португальское зерно будет продаваться дешевле и вступит в опасную конкуренцию с тем, которое производится нашим *отечественным* сельским хозяйством. Я выступаю против проекта, если господа министры не обяжутся повысить таможенную пошлину так, чтобы восстановить равновесие».

Собрание не нашло возражений против такого довода.

Три месяца спустя я был в Лиссабоне. В Сенате рассматривался тот же самый вопрос. Один благородный идальго⁶² сказал: «Сеньор Президент, проект нелеп. Вы содержите с большими издержками стражу на берегах Дуэро, чтобы препятствовать ввозу в Португалию кастильского хлеба, и в то же время хотите потратить не меньшие суммы, чтобы облегчить этот ввоз. Я не могу подать голоса в пользу такой непоследовательности. Пускай Дуэро перейдет к нашим сыновьям в таком же виде, в каком ее оставили нам наши отцы».

Немного времени спустя, когда встал вопрос о том, чтобы сделать более удобным судходное сообщение

по Гаронне, я вспомнил доводы испанского оратора и сказал себе: если бы депутаты Тулузы были такие же прекрасные политэкономы, как депутаты Паленсии, и бордоские представители рассуждали так же последовательно, как опортские⁶³, то Гаронна была бы оставлена в ее первобытном виде из опасения, что углубление русла Гаронны будет благоприятствовать *вторжению* тулузских товаров в Бордо, а бордоских в Тулузу, к взаимному вреду для обоих городов!

I.17. Мнимая железная дорога

Я уже говорил, что когда, к несчастью, становятся на сторону выгод производителя, то непременно сталкиваются с интересом целого общества, потому что производитель по самому положению своему требует всегда лишних усилий, забот и всяких препон.

Замечательный пример этого я нашел в одной бордоской газете. Г-н Симио⁶⁴ задается в ней следующим вопросом: должна ли железная дорога, идущая из Парижа в Испанию, прерываться в Бордо?

Он разрешает этот вопрос утвердительно и приводит множество доводов в пользу этого решения. Не стану разбирать их все, но остановлюсь только на следующем.

Железная дорога, идущая из Парижа в Байонну, должна прерываться в Бордо для того, чтобы товары и пассажиры, поневоле останавливающиеся в этом городе, давали заработок лодочникам, носильщикам, комиссионерам, содержателям гостиниц и т.д.

Ясно, что здесь интересам тех, кто оказывает услуги, отдается предпочтение перед интересами потребителей.

Но если Бордо должен извлекать выгоды от этого разрыва железной дороги и если эта его выгода совпадает с общим интересом, то Ангулем, Пуатье, Тур, Орлеан, еще более все промежуточные пункты — Руффек, Шательро и пр., и пр. должны также требовать для себя разрывов, и притом во имя общего интереса, во имя интереса отечественной промышленности,

потому что чем более увеличатся эти разрывы, тем более умножатся случаи хранения товаров на складах, уплаты комиссионных, перегрузок на всех пунктах железнодорожной линии. Следуя такой системе, придешь к мысли о постройке такой железной дороги, которая состояла бы из целого ряда последовательных разрывов, т.е. такой железной дороги, которая в действительности не существовала бы.

Как будет угодно господам протекционистам, но несомненно, что *принцип запрещений* идентичен *принципу разрывов* в железной дороге: принести потребителя в жертву производителю, пожертвовать целью ради средства.

1.18. Нет безусловных принципов

Нельзя вдоволь надивиться тому, как люди не стараются узнать те истины, знание которых для них всего важнее. И мы можем быть уверены в том, что они и дальше обречены пребывать в дремучем невежестве, ибо с некоторых пор считают не требующим доказательств, что не существует никаких абсолютных принципов.

Вы входите в зал законодательного собрания. Здесь рассматривается вопрос о том: запретить ли международный обмен или разрешить свободную торговлю.

Один из депутатов встает и говорит: «Если вы допустите свободный обмен, иностранцы завалят вас своими товарами: англичане навезут тканей, бельгийцы — каменного угля, испанцы — шерстяных изделий, итальянцы — шелковых, швейцарцы — скота, пруссаки — зерна столько, что у нас станет невозможным существование какой бы то ни было промышленности».

Другой отвечает: «Если вы запретите обмен, то все дары, которые расточает природа в странах с различным климатом, станут для вас недоступными. Вы не воспользуетесь ловкостью англичан в устройстве машин, богатством бельгийских рудников, плодородием почв в Польше, питательностью трав на швейцарских лугах, дешевизной труда в Испании, теплотой итальянского климата, и вам нужно будет производить с большими усилиями то, что вы могли бы получить легко посредством обмена».

Один из депутатов наверняка ошибается. Но который именно? Вопрос достаточно важный, чтобы попытаться выяснить это, потому что речь здесь идет не просто о различии мнений. Перед вами лежат две дороги, и нужно выбрать, по которой идти: одна из них неизбежно ведет к бедности.

Пытаясь избежать этой дилеммы, люди говорят: нет безусловных принципов.

В последнее время эта аксиома вошла в большую моду и представляет весьма легкий ответ для ленивцев и удобный — для честолюбцев.

В случае возобладания любой теории, будь то протекционизм или учение о свободной торговле, весь наш экономический кодекс можно было бы свести к одному весьма краткому закону. В первом случае этот закон выражался бы так: *всякий обмен с иностранными государствами запрещается*; во втором же — следующим образом: *всякий обмен с иностранными государствами свободен*. Конечно, при таких законах многие значительные в настоящее время лица потеряли бы весь свой вес.

Но если обмен не имеет присущей ему природы; если он не управляется никаким естественным законом; если он может быть и полезным, и вредным; если стимулы к нему не связаны с вызываемыми им благотворными последствиями и не исчезают перед той границей, перейдя которую он становится уже вредным; если его следствия недоступны пониманию участвующих в нем людей; одним словом, если не существует безусловных принципов, то тогда, конечно,

нужно взвешивать, балансировать и регулировать все сделки, выравнивать условия производства и пытаться получить прибыль, соответствующую среднему уровню. Это колоссальная работа, оправдывающая выплату людям, ею занимающимся, огромного жалования и наделения их огромной властью.

Приехав в первый раз в Париж, я подумал: если бы съестные припасы всякого рода не подвозились в эту обширную столицу, то живущие здесь целый миллион человеческих существ умерли бы все в несколько дней. Поражает воображение то огромное множество товаров, которое должно быть провезено завтра через ее заставы, чтобы уберечь ее жителей от голода, восстания и грабежа. А между тем в это мгновение все спят, и спокойный сон их не нарушается ни на минуту мыслью о такой страшной перспективе. С другой стороны, не совещаюсь и не сговариваясь, восемьдесят департаментов трудились сегодня над тем, чтобы обеспечить Париж продовольствием. Каким образом каждый день на этот гигантский рынок привозится только то, что нужно, и не больше, не меньше? Где эта мудрая и тайная сила, приводящая столь сложные движения в изумительный порядок и правильность, в которые каждый человек имеет такую безотчетную веру, хотя здесь дело касается благосостояния и самой жизни? Эта-то сила и есть *абсолютный принцип*, принцип свободного обмена. Мы верим в этот внутренний свет, который Провидение вложило в сердца всех людей, которому Оно вверило сохранение и бесконечное усовершенс-

твование нашего рода, и настоящее название которого есть выгода, столь деятельная, бдительная и дальновидная, в том случае когда ничто не стесняет свободу действия. Какова была бы ваша участь, жители Парижа, если бы какой-нибудь министр вздумал заменить эту силу соображениями собственного гения, как бы велик он ни был, если бы он захотел подчинить своему высшему управлению этот чудесный механизм, соединив в своих руках все его пружины, единолично решать, кем, где, каким образом и при каких условиях каждая вещь должна быть произведена, перевезена, обменена и потреблена?

Как бы не были велики ваши страдания, пусть бедность, отчаяние, а может быть, и костлявая рука голода, заставляют проливать больше слез, нежели может осушить ваша отзывчивая благотворительность, однако вероятно, осмелюсь даже сказать, несомненно, что произвольное вмешательство правительства увеличило бы эти страдания до бесконечности и распространило бы на всех вас те бедствия, которые постигают лишь небольшое число ваших сограждан.

Но если мы верим в принцип, когда дело касается наших внутренних сделок, то почему же мы должны перестать верить в тот же самый принцип, приложенный к нашим международным сделкам, конечно, менее многочисленным, менее утонченным и сложным?

И если нет необходимости в том, чтобы парижская префектура устанавливала правила для нашей

промышленности, взвешивала наши расчеты, наши прибыли и убытки, предупреждала уменьшение количества находящейся в обращении звонкой монеты, уравнивала условия нашего производства во внутренней торговле, то почему необходимо, чтобы таможня выходила за пределы фискальной функции и занималась покровительством нашей внешней торговли?⁶⁵

I.19. Национальная независимость

Между доказательствами, приводимыми в пользу ограничения свободной торговли, не надо забывать того, которое основано на необходимости обезопасить *государственную независимость*.

Что мы будем делать в случае войны с Англией, говорят монополисты французы, если не избавимся от необходимости прибегать к ней за железом и каменным углем? Английские же монополисты говорят в свою очередь: что будет в военное время с Великобританией, если она поставит себя в зависимость от Франции относительно пищи?

Люди не понимают, что зависимость, возникающая из обмена, из торговых сделок, это зависимость взаимная. Мы не можем зависеть от другого народа без того, чтобы он сам не зависел от нас. Но в этом-то и заключается сущность *общественной жизни*. Прервать естественные отношения не означает стать независимым, совершенно отделиться.

И заметьте: изолируются друг от друга из боязни войны; но ведь самое это действие уже есть ее начало. Это облегчает ведение войны и, следовательно, делает ее менее непопулярной в народе. Если страны являются частью мирового рынка, если сложившиеся между ними связи нельзя разорвать, не причинив народам двойного страдания — невозможности пользоваться чужими товарами и недостатка сбыта своих собственных, то они уже не будут нуждаться в сильных флотах

и многочисленных армиях, которые их так разоряют, и всеобщему миру не будут угрожать капризы какого-нибудь Тьера или Палмерстона⁶⁶, война исчезнет по недостатку к ней средств, поводов, предлогов и народной поддержки.

Многие, наверно, упрекнул меня в том (в наше время такие упреки в моде), что братство народов я основываю на *выгоде*, низкой и прозаической выгоде; им больше понравилось бы, если бы я утверждал, что оно вытекает из христианской любви и требует даже немного самоотвержения и что, нарушая материальное благосостояние людей, братство народов заслуживает нашего сочувствия, как их обоюдная великодушная жертва.

Когда мы наконец покончим с этой пустой высокопарностью? Когда отбросим лицемерие, хотя бы в науке, и уничтожим отвратительное противоречие между нашими словами и нашими действиями? Мы всячески высказываем наше презрение к выгоде, т.е. к пользе, добру (сказать, что какое-нибудь явление выгодно для всех народов, значит утверждать, что оно само по себе есть добро). Как будто бы выгода не тот необходимый, вечный и непреодолимый двигатель, на который Провидение возложило заботу о развитии человечества! Можно подумать, что мы — гении бескорыстия. А между тем люди начинают смотреть на нас с раздражением, догадываясь, что наш притворный язык чернит именно те страницы, которые обходятся ему всего дороже. О, притворство, притворство! Ты болезнь нашего века!

Как! Разве того, что благосостояние и мир неразделимы, что Провидение установило чудесную гармонию в нравственном мире, недостаточно, чтобы я преклонялся перед волей Провидения, удивлялся Его законам, которые ставят справедливость условием счастья. Вы желаете мира, только когда он уменьшает благосостояние; свободная торговля вам тягостна, потому что, как вы говорите, она не требует жертв. Если вы чувствуете такое влечение к самопожертвованию, то кто же вам мешает отдаться этому влечению в вашей частной деятельности? Общество будет вам благодарно, потому что это самопожертвование принесет кому-нибудь и пользу; но навязывать его человечеству как принцип — это, по-моему, верх безумия, ибо самопожертвование со стороны всех равносильно принесению в жертву всех; это зло, возведенное в ранг нравственной теории.

Но, слава Богу, сколько бы ни писали и ни читали этих пышных фраз, человеческий мир все-таки не перестанет повиноваться своему двигателю, а этот двигатель все равно, нравится это вам или нет, — выгода, интерес.

Наконец, странно, что потребностью в самом высоком самопожертвовании оправдывают грабеж. Так вот к чему клонится это пышное бескорыстие! Эти люди, разборчивые до такой степени, что не желают даже мира, если он основан на пошлой выгоде, запускают руку в карман ближнего и в особенности бедняка, потому что нет тарифного параграфа, который бы покровительствовал бедному! Э, господа, располагайте,

как заблагорассудится, вашей собственностью, но предоставьте и нам располагать плодами нашего труда, употреблять их в свою пользу или выменивать по своему усмотрению. Превозносите самоотвержение, это прекрасно и благородно; но в то же время будьте по крайней мере честны⁶⁷.

I.20. Труд: ручной и механизированный; отечественный и иностранный

И ломающий машины, и отвергающий иностранные товары следуют одному и тому же учению.

Люди, которые восхваляют всякое великое изобретение, радуются ему и тем не менее поддерживают покровительственную систему, ведут себя крайне непоследовательно.

В чем упрекают они свободу торговли? В том, что она предоставляет более нас искусным или поставленным в более благоприятные условия иностранцам производство предметов, которые в отсутствие свободной торговли нам пришлось бы производить самим. Словом, они находят, что свободная торговля вредит *отечественному труду*.

Но не должны ли они точно так же нападать и на машины: они производят силами природы то, что иначе было бы делом рук, следовательно, вредят *человеческому труду*.

Иностранный работник, поставленный в более благоприятные условия, чем работник французский, становится, в сравнении с последним, настоящей *экономической машиной*, подавляющей его своим соперничеством. Точно так же машина, выполняющая определенную операцию с меньшими издержками, чем известное число рабочих рук, будет по отношению к ним настоящим *иностранным производителем*, конкурирующим с ними и парализующим их.

Если следует ограждать *отечественный труд* от конкуренции *иностранного труда*, то необходимо покровительствовать и *человеческому труду* против *труда машин*.

Поэтому всякий, поддерживающий покровительственную систему, не может, оставаясь последовательным, ограничиваться запрещением ввоза иностранных товаров: он должен объявить вне закона продукцию ткацкого челнока и плуга.

Вот почему мне больше нравится логика людей, которые, восставая против *наплыва* иноземных товаров, по крайней мере имеют мужество восставать вместе с тем и против *перепроизводства товаров*, которым мы обязаны изобретательности ума человеческого.

Этой смелостью мышления отличается и г-н Сен-Шаманс. «Одно из самых сильных возражений, — говорит он, — против свободной торговли и излишнего употребления машин представляет тот факт, что у многих работников отбивает хлеб либо иностранное соперничество, подрывающее фабрики, либо машины, заменяющие на этих фабриках работников»**.

Г-н Сен-Шаманс совершенно уверен в сходстве или, точнее, в тождестве ввоза иностранных товаров и применения машин; вот почему он отвергает и те, и другие.

Право, приятно иметь дело с такими смелыми мыслителями, которые, приняв какое-нибудь положение, развивают его до конца.

* Saint-Chamans. *Du système d'impôts*. P. 438.

Но посмотрите, какие трудности их ожидают!

Если в самом деле истинно, что внедрение изобретения может происходить лишь в ущерб труду, то в странах, наиболее богатых машинами, должно быть наименьшее число работников. Если же, напротив, факты доказывают, что в странах богатых больше и машин, и ручной работы, нежели у дикарей, то из этого следует, что эти два типа производства не исключают друг друга.

Я не могу понять, каким образом мыслящее существо может оставаться спокойным перед лицом следующей дилеммы.

Либо ни одно изобретение не уменьшает занятости, как о том свидетельствуют общие факты, поскольку и того, и другого гораздо больше у англичан и французов, чем у гуронов и ирокезов. Если эти наблюдения верны, то я иду по ложной дороге, хотя и не знаю ни времени, ни причины, почему я сбился с правильного пути. Я совершил бы страшное преступление против человечества, если бы ввел свое заблуждение в законодательство моей родины.

Либо открытия человеческого разума все-таки ограничивают возможности для применения ручного труда, как на то, по всей видимости, указывают частные факты, так как я вижу, что каждый день машины заменяют десятки и сотни рабочих. В таком случае я должен признать существование вопиющего, вечного и непримиримого антагонизма между умственными и физическими способностями человека. Я должен допустить несовместимость его развития

с благосостоянием и признать, что Творцу следовало бы наделить человека или умом, или руками, либо силой нравственной, либо физической, животной, и что, одарив человека силами, взаимно уничтожающими одна другую, Он надсмеялся над ним.

Положение между этими двумя заключениями очень неловко. А знаете, как из него выпутаться? При помощи следующего мудреного изречения: «В политической экономии нет абсолютных принципов».

Попросту говоря, это означает: «Я не знаю, какое из двух заключений истинно и какое ложно; не могу вам сказать, что такое общее благо и общее зло. Да мне до них и дела нет. Единственный принцип, который я согласен признать, — это непосредственное воздействие каждого конкретного закона на мое личное благосостояние».

Нет абсолютных принципов! Но это все равно, что сказать: «Нет фактов». Принцип — это не что иное, как формула, выражающая целый ряд несомненных фактов.

Машины, ввоз товаров, несомненно, вызывают определенные последствия. Действие их или полезно, или вредно. Можно разделять то или другое из этих мнений, но какого бы мы не придерживались, оно будет заключаться в одном из двух этих положений: «машины — это благо» или «машины — это зло»; «ввоз товаров полезен» или «ввоз товаров вреден». Но сказать, что *нет принципов*, — это последняя степень унижения, до которой только может прийти ум человеческий. Признаюсь, я краснею за мое

отечество, слыша такую чудовищную ересь, провозглашаемую в присутствии французских законодателей и с их одобрения, т.е. с одобрения элиты нашего общества. И провозглашается-то она с целью оправдать то, что они издают законы при полном неведении о вызываемых ими последствиях!

Однако, скажут нам: опровергните *софизм*. Докажите, что машины не вредят *труду человеческому*, а ввоз товаров — *труду отечественному*.

В сочинении, подобном предлагаемому, такие доказательства не могут излагаться с исчерпывающей полнотой. Цель моя, скорее, обозначить трудность задачи, чем разрешить ее; скорее, возбудить любопытство, чем удовлетворить его. Только то убеждение человека достойно уважения и твердо, которое он достиг собственным трудом, размышлением. Я, со своей стороны, постараюсь навести его на эту дорогу.

Противники машин и ввоза товаров заблуждаются, потому что судят о них по непосредственному и временному влиянию, вместо того чтобы проследивать их действие до общих и конечных последствий.

Первоначальное действие хорошо устроенной машины состоит в том, что она в достижении известного результата делает излишним некоторое количество ручного труда. Но этим ее действие не ограничивается. Так как цель достигается с меньшими усилиями, товар производится с меньшими затратами труда, то он может быть продан потребителям по более низкой цене, чем прежде. Сбереженные всеми покупателями средства дают им возможность удовлетворять

другие свои потребности, т.е. поощрять ручной труд вообще, во всех отраслях промышленности, в той же самой степени, в какой он был сэкономлен в механизированной отрасли. В результате уровень занятости не падает, хотя потребительские товары произведены в большем количестве.

Проследим всю цепочку последствий на примере.

Предположим, что во Франции потребляется 10 миллионов шляп и что каждая стоит 15 франков. В результате доход шляпной промышленности составляет 150 миллионов франков. Некто изобретает машину, которая дает возможность продавать шляпы по 10 франков. Если потребление их не увеличится, то сумма, достающаяся на долю шляпной промышленности, ограничится 100 миллионами франков. Но остальных 50 миллионов франков труд человеческий не лишится. Сбереженные на покупке шляп, они послужат покупателям для удовлетворения других потребностей, следовательно, достанутся какой-нибудь другой отрасли промышленности. На 5 франков, сбереженных на покупке шляпы, Иван купит себе пару башмаков, Яков — книгу, Петр — посуду и т.д. Труд человеческий, взятый в совокупности, будет все-таки поощряться всеми 150 миллионами франков; эта сумма, доставив прежнее число шляп, даст возможность удовлетворить другие потребности на 50 миллионов, сбереженных вследствие изобретения машины. Следовательно, удовлетворение этих потребностей есть чистый выигрыш, полученный Францией в результате изобретения. Это безвозмездный дар,

---

дань, наложенная умом человека на природу. Мы не отрицаем, что при изменении производства известное количество труда будет перемещено, но не можем допустить, чтобы оно уничтожилось или хотя бы уменьшилось.

То же самое можно сказать и о ввозе товаров. Вернемся к нашему примеру.

Франция производила 10 миллионов шляп, и каждая обходилась ей в 15 франков. Иностранцы начали продавать шляпы по 10 франков за штуку. Я утверждаю, что от этого возможностей для отечественного труда не станет меньше.

Он должен будет произвести товаров на 100 миллионов франков, чтобы заплатить за 10 миллионов шляп по 10 франков.

Каждый покупатель сэкономит 5 франков на шляпе; всего же сэкономится 50 миллионов, которые пойдут на оплату удовлетворения иных потребностей, т.е. других видов труда.

Следовательно, количество труда останется прежним, а удовлетворение дополнительных потребностей, ставшее возможным благодаря сэкономленным на покупке шляп 50 миллионам, будет чистой прибылью от ввоза товаров или свободы торговли.

Пусть противники свободной торговли не пытаются запугать нас картиной страданий, сопровождающих перемещение труда: если бы не существовало запрещений ввоза, то труд распределился бы сам собой, по законам спроса и предложения, таким образом, чтобы достичь максимального соотношения

усилий и результатов, и никакие перемещения бы не понадобились.

Когда же эти запрещения вызвали искусственное и непроизводительное распределение труда, то именно они, а не свободная торговля, виновны в необходимости перемещения при переходе от неэффективного к эффективному распределению.

По крайней мере пусть никто не говорит, что поскольку злоупотребление не может быть устранено без нарушения выгод тех лиц, которые им пользуются, то его временное существование дает ему право продолжаться вечно⁶⁸.

1.21. Сырье

Говорят: всего выгоднее та торговля, в которой готовые изделия обмениваются на сырье, потому что последние доставляют пищу *отечественному труду*.

Из этого выводят заключение, что наилучшим таможненным законом был бы тот, который бы максимально способствовал ввозу сырья и максимально затруднял ввоз готовых изделий.

В политической экономии нет более распространенного софизма. Он принимается за истину не только покровительственной школой, но также и прежде всего школой мнимо либеральной. Это последнее обстоятельство весьма прискорбно, потому что правому делу всего более вредят не направленные на него искусные нападения, а плохая его защита.

Свободе обмена, вероятно, предстоит участь всякой свободы; принцип ее проникнет в наши законы тогда лишь, когда проникнет в наши умы. Если же правда, что для укоренения реформы необходимо всеобщее убеждение в ее пользе, то ничто не может так затруднять преобразование, как заблуждение. Но чем же общество может быть более введено в заблуждение, как не сочинениями, которые, требуя свободы торговли, сами опираются на учение монополии?

Несколько лет тому назад три больших города Франции — Лион, Бордо и Гавр вооружились против протекционистской системы. Вся страна, да что там, вся Европа встревожилась, приняв знамя этого

восстания за знамя свободной торговли. Но увы! Это было все то же знамя монополии, монополии, более мелочной и более нелепой, нежели та, которую, по-видимому, желали уничтожить. Благодаря софизму, который я постараюсь раскрыть, недовольные воспроизвели то же учение покровительства отечественному труду, добавив к нему новую непоследовательность.

В чем в самом деле состоит сущность покровительственной системы? Послушаем г-на де Сен-Крика.

«Труд составляет богатство народа, потому что он один создает материальные предметы, необходимые для удовлетворения наших потребностей, и всеобщее благосостояние заключается в изобилии этих предметов». Вот посылка аргумента.

«Но необходимо, чтобы изобилие было продуктом отечественного труда. Если бы оно было произведением иностранного труда, то отечественный труд скоро перестал бы действовать». Вот ошибка (смотри предыдущий софизм).

«Что же должно делать земледельческое и мануфактурное государство? Обеспечить на своем рынке сбыт продукции местного земледелия и промышленности». Вот цель.

«И для этого ограничить пошлинами и, в случае необходимости, вовсе воспретить ввоз земледельческих и промышленных товаров других народов». Вот средство.

Сравним с этой системой систему, предложенную в прошения недовольных г. Бордо.

В нем все товары разделены на три класса.

«Первый класс включает продукты питания и сырье, не получившее никакой обработки. В принципе, благоразумная экономия предполагает, чтобы продукция этого класса не облагалась пошлиной». Здесь нет труда, не должно быть и покровительства.

«Второй состоит из предметов, получивших предварительную обработку. Эта обработка позволяет обложить их некоторой пошлиной». Здесь начинается покровительство, потому что, по мнению просителей, начинается *отечественный труд*, который может быть приложен к дальнейшей обработке этого рода товаров.

«Третий охватывает готовые изделия, которые никаким образом не могут дать пищу отечественному труду; мы полагаем, что они должны быть обложены наибольшей пошлиной». Здесь больше всего труда, а вместе с ним должно быть и больше всего покровительства.

Из этого видно, что просители придерживались мнения, что чужеземный труд вредит труду отечественному, — это заблуждение покровительственной системы.

Они требовали, чтобы французский рынок был открыт исключительно для продуктов труда французов; это цель протекционистской системы.

Они требовали, чтобы чужеземный труд был подчинен ограничениям и пошлинам. Это средство запретительной системы.

Можно ли обнаружить какую-нибудь разницу между просителями из Бордо и г-ном Сен-Криком, запевалой хора протекционистов?

Только одну: объем значения слова *труд*.

Г-н де Сен-Крик расширяет его до бесконечности. Поэтому он хочет *покровительствовать* всем отраслям производства.

«Труд составляет *все* богатства народа, — говорит он, — в этой палате никогда не стихнут голоса, вызывающие о покровительстве земледельческой и мануфактурной промышленности и непременно *всем* отраслям».

Просители видят участие труда только в фабричной промышленности, а потому они жалуют привилегию покровительства лишь промышленным товарам.

«Добыча сырья *не требует от человека никакого труда*. В принципе, сырье не следовало бы облагать пошлиной. Фабричные изделия не могут дать никакой пищи отечественному труду; на них должна быть наложена наибольшая пошлина».

Мы не будем исследовать, разумно ли оказывать покровительство отечественному труду. Г-н де Сен-Крик и бордосцы согласны в этом; мы же, как видно из предыдущих глав, не согласны ни с тем, ни с другими.

Наша задача: выяснить, кто, г-н де Сен-Крик или бордосцы, вкладывает в слово *труд* его истинный смысл?

И в этом отношении, нужно сказать, г-н де Сен-Крик совершенно прав; вот образчик разговора, который мог бы произойти между ними.

Г-н де Сен-Крик. Вы согласны с тем, что отечественному труду следует оказывать покровительство.

Вы согласны с тем, что никакое произведение чужеземного труда не может быть допущено на наш рынок, не уничтожив соответствующего количества нашего народного труда.

Вы лишь полагаете, что есть множество товаров, которые имеют *ценность* потому, что продаются, но к производству которых *не приложено никакого человеческого труда*. Вы причисляете к ним зерно, муку, мясо, скот, сало, соль, железо, медь, свинец, каменный уголь, шерсть, кожи, семена и т.д.

Если вы мне докажете, что *ценность* этих предметов не есть следствие приложенного к их производству труда, то я соглашусь, что покровительствовать им бесполезно.

Если же, с другой стороны, я докажу вам, что к производству шерсти на 100 франков приложено столько же труда, сколько и к производству стоящей 100 франков ткани, то вы должны будете согласиться, что покровительство должно быть оказано в равной мере как тому, так и другому производству.

Почему за этот мешок шерсти *платят* 100 франков? Не потому ли, что это *цена* его продажи? А *цена* продажи не равна ли расходам, которые нужно было сделать на выплату заработной платы рабочим и служащим, процентов, прибыли, всем работникам и капиталистам, принимавшим участие в производстве мешка шерсти?

Просители. Что касается производства шерсти, то здесь вы, может быть, и правы. Но скажите: разве можно назвать мешок зерна, железную чушку, тонну

каменного угля произведениями труда? Разве не природа их *создает*?

Г-н де Сен-Крик. Без сомнения, природа творит вещество, из которого состоят все предметы, но именно труд придает ему *ценность*. Я сам неправильно выразился, сказав, что труд *создает* материальные предметы, и это повлекло другие ошибки. Человек, будь то фабрикант или земледелец, не в состоянии *создать* что-либо из ничего; если под словом *производство* мы подразумевали бы *создание*, то весь наш труд был бы непроизводительным, а ваш, как купцов, меньше, чем всех остальных, исключая разве только мой.

Земледелец не может поэтому сказать, что он *создает* зерно, но имеет полное право сказать, что *создает* его *ценность*, т.е. посредством своего труда, труда своих слуг, пастухов и жнецов превращает в зерно те вещества, которые на него несколько не похожи. Разве мельник, который превращает зерно в муку, и булочник, который печет из нее хлеб, делают больше, чем земледелец?

Чтобы сшить суконное платье, необходимо предпринять и довести до конца множество действий. *Первоначальные* составные *вещества* этого изделия, к которым не прикладывался еще труд человеческий, суть воздух, вода, тепло, углекислый газ, свет, соль. Вот девственные *сырые* материалы, в изготовлении которых *труд человеческий* не принимал *никакого участия*; они не имеют *ценности*, и я не предлагаю оказывать им покровительство. Но *труд*

превращает эти вещества сначала в кормовые травы, потом в шерсть, в пряжу, в ткань и, наконец, в платье. Кто же осмелится утверждать, что все эти действия, начиная с первой борозды, проведенной плугом, до последней стежки иглой, не представляют собой *труда*.

И только из того, что для более быстрого и качественного производства готового изделия, т.е. платья, работы распределились между различными отраслями промышленности, вы желаете произвольно проранжировать эти работы по степени их важности, основываясь исключительно на порядке, в котором они следуют одна за другой, так что первая из них не заслуживает даже называться трудом и лишь одна последняя заслуживает этого звания и достойна покровительства?

Просители. Да, мы начинаем понимать, что в производстве зерна, так же, как и в производстве шерсти, *принимает некоторое участие и труд человеческий*; но по крайней мере нужно допустить, что земледелец в своем ремесле не все выполняет сам с работниками, как это делает фабрикант; ему помогает природа, и если в производстве зерна многое выполняется трудом, то это участие еще далеко не исключительное.

Г-н де Сен-Крик. Но вся *ценность* зерна сообщается ему трудом. Я согласен с тем, что природа содействует образованию питательного вещества в зерне. Я готов согласиться даже и с тем, что образование зерна — это исключительно дело природы; но согласитесь же и вы с тем, что именно я своим трудом *приножу* ее прийти мне на помощь; и заметьте притом,

что, когда я продаю вам зерно, я требую от вас платы не за *содействие природы*, а за *мой* собственно *труд*.

Кроме того, по вашей логике, фабричные произведения также не следовало бы относить к произведениям труда. Разве фабрикант не прибегает к содействию Природы? Разве посредством паровой машины не пользуется он атмосферным давлением, подобно тому, как при помощи плуга я пользуюсь влагой, разлитой в воздухе? Неужели законы гравитации, законы передачи энергии и химического сродства были созданы им?

Просители. Пусть будет так; мы согласны, что шерсть есть продукт труда, но каменный уголь производится природой и исключительно одной природой. К нему уже решительно не *прилагается* человеческий труд.

Г-н де Сен-Крик. Да, действительно природа производит каменный уголь, но *труд сообщает ему ценность*. Каменный уголь не имел никакой *ценности* в то время, когда он лежал неизвестный никому на протяжении миллионов лет и скрытый на глубине 100 футов ниже поверхности земли. Его нужно было отыскать там — это *труд*; его нужно было перевезти на рынок — это также труд. Повторяю еще раз, та цена, по которой вы приобретаете его на рынке, не что иное, как вознаграждение за труд, затраченный при его добыче и перевозке**.

* Я не говорю подробно о той части вознаграждения, которая достается предпринимателю, капиталисту, и по многим

Вы видите, что до сих пор преимущество в споре на стороне г-на де Сен-Крика; что *ценность* сырья, так же, как и фабричных изделий, представляет собой издержки производства, т.е. *труд*, требующийся для того, чтобы сделать их пригодными к продаже; невозможно представить, чтобы какой-нибудь предмет имел *ценность* и при этом на него не было бы потрачено *человеческого труда*; что различие, сделанное просителями, бесполезно в теории; что такое различие, если провести его на практике, было бы несправедливо, потому что оно послужило бы основанием к неравномерному распределению *преимуществ*: треть французов, занятых в фабричном производстве, пользовались бы выгодами монополии только потому, что они будто бы производят, *трудясь*, тогда как остальные две трети народа, а именно земледельцы, были бы отданы на милость конкуренции под предлогом, что они производят, *не трудясь*.

причинам: 1) потому что, если ближе рассмотреть дело, то окажется, что она идет на возмещение произведенных затрат или оплату прежних *работ*; 2) потому что под общим именем *труда* я разумею не только труд рабочего, но и всякое требующее законного вознаграждения содействие делу производства; 3) наконец, и прежде всего, потому что производство фабричных товаров, подобно производству сырья, обременено выплатой процентов на капитал и вознаграждений не только за *ручной труд*, так что это возражение, само по себе нелепое, могло бы быть применено как к самому сложному фабричному, так и в еще большей степени к самому грубому сельскохозяйственному производству.

Я уверен, что защитники покровительства не останутся в долгу и будут утверждать, что для страны выгоднее ввозить так называемое *сырье*, все равно, будет ли оно продуктом труда или нет, и вывозить предметы фабричного производства.

Это мнение пользуется огромным авторитетом.

«Чем более имеется сырья в государстве, — сказано в прошении недовольных города Бордо, — тем больше множатся мануфактуры».

«Сырье, — добавляют они, — предоставляет безграничное поле для деятельности населения страны, в которую оно ввозится».

Так как сырье, говорится в гаврском прошении, составляет основу труда, то к нему следует относиться *иначе и немедленно* допустить его ввоз, обложив *самой незначительной пошлиной*.

В том же самом прошении заключается требование того, чтобы покровительство предметам фабричной промышленности было уменьшено, но *не тотчас*, а через неопределенный период времени, и притом не до *самой незначительной ставки*, а до 20% стоимости товаров.

«В число статей, дешевизна и изобилие которых необходимы, — говорят в своем прошении недовольные города Лиона, — фабриканты вносят *все виды сырья*».

Но это требование основано на заблуждении.

Мы видели, что всякая *ценность* представляет труд. Справедливо также и то, что мануфактурный труд увеличивает *ценность* сырья иногда в 10 и даже

в 100 раз, т.е. распространяет в народе в 10 и во 100 раз больше трудового дохода. Из этого выводят следующие заключения: при производстве центнера железа работники зарабатывают не более 15 франков. Превращение того же центнера железа в часовые пружины увеличивает их заработок до 10 тысяч франков; кто же после этого рискнет утверждать, что страна не заинтересована получить 10 десять тысяч франков вместо 15?

Но рассуждающие таким образом забывают, что обмен между народами, точно так же, как и между частными лицами, производится не в весовых или других физических единицах измерения. Центнер необработанного железа не обменивается на центнер часовых пружин, а фунт неочищенной шерсти на фунт шерсти, превращенной в кашемировую ткань: всегда определенная ценность одного из этих предметов обменивается на равную же ей ценность другого.

Но обменивать одну ценность на другую, равную ей, значит обменивать одно определенное количество труда на другое равное ему количество труда. Следовательно, неверно, что народ, который производит на 100 франков тканей или пружин, выигрывает больше, нежели тот, который продает на 100 франков шерсти или железа.

В тех странах, где ни один закон и ни один налог не может быть установлен иначе, как с согласия тех людей, которые должны будут подчиниться этому закону и которым придется платить налог, ограбить народ можно только в том случае, если его удастся обмануть.

Наше собственное неведение является сырьем всякого грабежа среди бела дня, которому мы подвергаемся, и можно быть заранее уверенным, что всякий софизм есть предвестник грабежа.

Друзья, как только вы замечаете софизм в каком-либо предложении, крепче держите свой кошелек, ибо будьте уверены, что именно он является истинной целью авторов предложения.

Посмотрим теперь, какую тайную мысль стараются скрыть судовладельцы Бордо и Гавра и лионские фабриканты под маской делаемого ими различия между сельскохозяйственной продукцией и фабричными товарами.

«Этот первый разряд [куда включено сырье, добыча которого не требовала от человека никакого труда], является, — говорят просители из Бордо, — главной опорой деятельности нашего купеческого флота... В принципе, мудрая экономическая политика должна освободить этот класс товаров от обложения пошлинами. Товары, относящиеся ко второму разряду [т.е. полуфабрикаты] могут быть обложены небольшой пошлиной. Товары третьего разряда [готовые изделия, не требующие уже никакой дальнейшей обработки], по нашему мнению, должны быть обложены самой высокой пошлиной».

Просители из Гавра пишут: «Необходимо постепенно понизить пошлины на сырье до минимума, чтобы промышленность могла задействовать мощности морского транспорта, которые впоследствии доставят самые необходимые средства для приложения ее труда...»

Фабриканты не остались в долгу за проявленную судовладельцами любезность. Владельцы лионских мануфактур потребовали в своем прошении свободного ввоза сырья, «чтобы доказать этим, — как сказано в их прошении, — что выгоды мануфактурных городов не всегда противоречат выгодам городов приморских».

Да, действительно. Но следует заметить, что выгоды тех и других в том смысле, как их понимают просители, прямо противоположны выгодам земледельцев и потребителей вообще.

Так вот, господа, к чему вы в действительности стремились! Вот цель ваших тонких экономических различий! Вы хотите, чтобы закон препятствовал ввозу *готовых изделий*, с тем чтобы более дорогая перевозка необработанного и неочищенного сырья, значительную часть которого составляют будущие отходы, доставляла больше работы вашему купеческому флоту, загружала ваши *морские мощности*. Вот что вы называете *мудрой экономической системой*.

Отчего вы тогда не требуете, чтобы велено было привозить ели из России вместе с ветвями, корой и корнями; золото из Мексики — в виде руды, а кожу из Буэнос-Айреса — еще не снятой с гниющих трупов?

В скором времени нужно ожидать, что акционеры железных дорог, если им удастся получить большинство в парламенте, издадут закон, запрещающий производить в Коньяке бренди, потребляемое в Париже. Издать закон, который вменял бы в обязанность

провозить десять бочек вина вместо одной бочки бренди. Разве это не значит доставить необходимую пищу парижской промышленности и задействовать наши локомотивные мощности?

Когда же, наконец, поймут эту простую истину?

Промышленность, морской транспорт, труд имеют целью всеобщую пользу, благосостояние общества; создавать же бесполезные производства, поощрять излишние перевозки, вызывать напрасный труд не для общественного благосостояния, а в ущерб обществу, значит возводить воздушные замки; цель наших устремлений — не труд, а потребление. Всякий непроизводительный труд является чистым убытком. Платить судовладельцам за перевозку по морям бесполезного сора — все равно, что платить им за бросание рикошетом камешков по поверхности воды. Итак, мы должны прийти к следующему выводу: у всех экономических софизмов, несмотря на их бесконечное разнообразие, есть одна общая черта — они всегда путают *средство* и *цель* и развивают первое за счет второго⁶⁹.

I.22. Метафоры

Иногда софизм имеет масштабные формы и проникает во все поры какой-нибудь большой и детально разработанной теории. Чаще же он сосредоточивается, сжимается, предстает в виде принципа и прячется в одном слове или фразе.

Сохрани нас Бог, говорил Поль-Луи⁷⁰, от лукавого и от метафоры! И в самом деле, трудно сказать, которое из этих двух зол причиняет больше вреда на земле. Вы скажете, что дьявол; что именно он влагает в сердца каждого и всех нас склонность к грабежу. Да, но он не уничтожает, однако же, возможности подавлять злоупотребления посредством сопротивления со стороны тех людей, которые страдают от них. Софизм уничтожает и это сопротивление.

Оружие, вкладываемое злобой в руки нападающих, было бы бессильным, если бы софизм не разбивал щита в руках обороняющихся от зла; и Малекранш⁷¹ был совершенно прав, когда предварил свою книгу следующим эпиграфом: «*Причиной человеческих несчастий являются ложные представления*».

Посмотрим, как это происходит. Предположим, что честолюбивые лицемеры находят для себя выгоду в том, чтобы возбуждать в народах взаимную ненависть. Брошенное ими семя может пустить корни, довести до всеобщей войны, остановить успехи просвещения, привести к страшному кровопролитию, навлечь на страну самое ужасное из бедствий — вторжение неприятеля. Во всяком случае, и что важнее всего,

чувство ненависти унижает нас в глазах других народов и заставляет тех французов, которые сохранили любовь к справедливости, краснеть за свое отечество. Нельзя не согласиться с тем, что все это большие бедствия; но общество может защититься от интриг людей, которые подвергают его такому риску: для этого ему достаточно лишь понять их намерения. Чем же закрывают ему глаза? *Метафорой*. Стоит только изменить, исказить смысл трех или четырех слов, и дело сделано.

Прекрасным примером является само слово *вторжение*. Владелец французского металлургического завода говорит: необходимо защитить себя от *вторжения* английского железа! Английский землевладелец восклицает: мы должны отразить *вторжение* французского зерна! И оба они предлагают возвести между Францией и Англией таможенные барьеры. Это приведет к изоляции; изоляция приведет к ненависти; ненависть к войне; война к *вторжению*. «Какая разница, — говорят два наших *софиста*, — лучше подвергнуться риску возможного *вторжения*, нежели допустить *вторжение* несомненное». Народ верит им, а таможни продолжают существовать.

Между тем есть ли хоть какая-нибудь аналогия между обменом и *вторжением*? Какое можно найти сходство между военным кораблем, бомбардирующим наши города, и кораблем купеческим, приходящим с предложением свободного и добровольного обмена товаров на товары?

То же самое можно сказать и о слове *наплыв*, наводнение. Слово это обычно имеет негативный оттенок,

потому что наводнения опустошают поля и пашни. Однако, если бы то, что они оставляют на почве, имело бóльшую ценность, чем то, что они уносят, как это бывает при разливе Нила, то наводнения следовало было благословлять и боготворить, что египтяне и делают. Прежде чем кричать о наплыве иностранных товаров, прежде чем возводить на их пути тягостные и дорого обходящиеся препятствия, пусть люди зададутся вопросом: принадлежит ли этот наплыв к числу опустошающих страну или оплодотворяющих ее? Что мы подумали бы о Мухаммеде Али⁷², если бы он, вместо того, чтобы финансировать строительство плотин поперек Нила с целью распространения на более далекое расстояние действия его разлива, стал бы использовать те же деньги на углубление русла реки, чтобы Египет не загрязнялся *чужеземным* илом, приносимым с Лунных гор⁷³? А между тем мы действуем с такой же степенью благоразумия и здравого смысла, когда тратим миллионы франков на то, чтобы защитить наше государство... От чего?.. От тех благодетельных даров, которыми природа одарила другие страны.

Среди *метафор*, скрывающих целую гибельную теорию, наибольшее распространение получила та, которая заключается в словах *дань*, *данник*. Эти слова превратились в синонимы слов *покупка*, *покупатель*, при употреблении между ними не делается различий.

Между *данью* и *покупкой* такое же различие, как между *воровством* и *обменом*, и, по-моему, выражение: «Картуш⁷⁴ взломал мой сундук и купил там тысячу экю», будет столь же правильно, как и фраза,

постоянно повторяемая нашими почтенными депутатами: «Мы заплатили Германии *дань* за тысячу проданных нам лошадей».

Действие Картуша не может быть названо *покупкой*, потому что он не положил в мой сундук и с моего согласия ценности, равной той, которую вынул оттуда.

Точно так же уплаченные нами Германии 500 000 франков не могут быть названы *данью* именно потому, что она получила их не даром, но дала нам в обмен за эти деньги тысячу лошадей, которых мы сами оценили в 500 000 франков.

Столь ли уж необходимо всерьез критиковать такие семантические злоупотребления? А что делать, если подобные выражения со всей серьезностью употребляются в журналах и книгах.

Не подумайте, впрочем, чтобы они попадались только у некоторых писателей, не знающих настоящего значения слов своего родного языка! На одного писателя, который воздерживается от подобных выражений, я назову десять, которые позволяют себе употреблять их, включая умнейших людей — гг. Аргу, Дюпена, Виллеля⁷⁵, пэров, депутатов, министров, т.е. людей, слова которых имеют силу законов, самые вопиющие софизмы которых принимаются за основу управления государством.

Один знаменитый философ нового времени добавил к категориям Аристотеля софизм, состоящий в уклонении от спора при помощи одного слова. Он приводит несколько примеров. Он мог бы включить в свой список слово *данник*. Итак, рассматривается вопрос,

полезны ли покупки, совершаемые за границей, или вредны? Они вредны, — говорите вы. — Почему? — Потому что они делают нас *данниками* иностранцев. — Вот, на самом деле, слово, в котором неразрешенный вопрос выставляется положительным фактом.

Каким образом эта вводящая в заблуждение фигура речи попала в риторику монополистов?

Возьмем два случая: в одном из них деньги *покидают страну* для удовлетворения алчности победоносного неприятеля; в другом — они *покидают страну* в уплату за товары. Между этими двумя случаями находят аналогию, принимая во внимание только то обстоятельство, по которому они сходны между собой, но упуская из виду то, по которому они различаются.

А между тем на этом-то последнем обстоятельстве, состоящем в отсутствии вознаграждения в первом случае и наличии добровольного соглашения о вознаграждении во втором, основывается между ними то различие, вследствие которого оба случая никак не могут быть отнесены к одному классу. Одно дело, когда вы отдаете 100 франков *по принуждению* тому, кто берет их силой, и другое — когда вы *добровольно* отдаете их тому, кто предлагает вам, в обмен за эти деньги, предмет ваших желаний. С тем же успехом можно сказать, что выбросить хлеб в реку то же самое, что съесть его, потому что и в том, и в другом случае хлеб *уничтожается*. Неправильность такого рода суждения, как и того, в котором заключается слово *дань*, состоит в отождествлении двух случаев на основании их сходства с упущением из виду их взаимного различия.

Заключение

Все софизмы, которые я старался до сих пор опровергнуть, относятся к одному и тому же вопросу: к политике протекционизма. Из сострадания к читателю «я обхожу молчанием самые замечательные из них»⁷⁶: *приобретенные права, несвоевременность, истощение звонкой монеты* и пр., и пр.

Но политическая экономия не ограничивается этим узким кругом понятий. Фурьеризм, сен-симонизм, коммунизм, мистицизм, сентиментализм, ложный гуманизм и стремление к мнимому равенству и братству, вопросы о роскоши, заработной плате, машинах, так называемой тирании капитала, колониях, рынках сбыта, завоеваниях, народонаселении, ассоциациях, эмиграции, налогах, займах, все это загромодило поле науки кучей чуждых ей и пустых доводов, софизмов, для истребления которых необходимы плуг и бороны трудолюбивого экономиста.

Впрочем, я сознаю недостатки своего плана или, лучше сказать, отсутствие всякого плана. Нападать на отдельные не связанные между собой софизмы, которые иногда противоречат один другому и нередко входят в состав друг друга, — значит осуждать себя на беспорядочную, своенравную борьбу и подвергаться необходимости постоянных повторений.

Я предпочел бы только изложение того, как обстоит дело *в действительности*, не занимаясь разбором множества воззрений на описываемые мной явления, которые распространились вследствие незнания!

Изложить законы, по которым общества достигают благосостояния или приходят в упадок и разрушаются, значило бы разом опровергнуть все софизмы. Когда Лаплас⁷⁷ описал известные ныне законы движения небесных тел, он тем самым рассеял все астрологические фантазии египтян, греков и индусов, даже не упоминая о них, и достиг своей цели гораздо вернее, чем мог бы достигнуть ее, занявшись непосредственно опровержением прежних воззрений, посвятив этому множество томов. Истина одна, и книгу, в которой она излагается, можно сравнить с величественным и прочным зданием:

Дерзновеннее пирамид,
Долговечнее меди,
Она бросает вызов алчным тиранам.

Заблуждения же многообразны и эфемерны; сочинение, опровергающее их, не заключает в самом себе основы величия и прочности.

Но если у меня не достало силы и может быть не было случая⁷⁸ поступить по примеру Лапласа и Сэя, то я не могу отказать от мысли, что избранная мной форма сочинения может также принести некоторую пользу. Мне кажется, она соответствует требованиям века и ограниченности времени, которое каждый из желающих познакомиться с наукой может посвятить ее изучению.

Трактат имеет, без сомнения, свои неоспоримые преимущества; но только при том условии, чтобы его читали, думали над ним и вникали в его смысл. Он

может рассчитывать только на избранный круг читателей. Назначение его состоит в том, чтобы вначале определить, а потом расширить круг приобретенных понятий.

Опровержение банальных предрассудков не может иметь такого высокого значения. Оно стремится лишь очистить дорогу для истины, приготовить умы, восстановить общественное мнение, сломать опасное оружие в нечистых руках.

Эта борьба, эти беспрестанно возобновляющиеся битвы с народными заблуждениями в общественной экономии приносят существенную практическую пользу.

Все науки можно было бы поделить на две категории.

Одни из них могут быть известны одним только ученым. Это те, практическое применение которых ограничено людьми определенных профессий. Простой человек, несмотря на незнание этих наук, пользуется их плодами; хотя большинство людей и не знает механики или астрономии, но тем не менее все носят часы и пользуются ими, путешествуют на паровозах и пароходах, доверяясь искусству инженера и лоцмана. Мы ходим по законам равновесия, не зная их, подобно тому, как г-н Журден, не подозревая того, говорил прозой⁷⁹.

Но есть науки, полезное влияние которых на общество пропорционально степени знакомства с ними самого общества, сила и действие которых зависят не от накопления знаний в головах некоторых

исключительных личностей, но от распространения этих знаний среди всего человечества. К таким наукам принадлежат: этика, гигиена, политическая экономия и — в СТРАНАХ, ГДЕ ЛЮДИ САМИ СЕБЕ ХОЗЯЕВА [2], — политика. Возможно, прежде всего об этих науках Бентам говорил, что «тот, кто их распространяет, оказывает бóльшую услугу, нежели тот, кто подвигает их вперед». Что толку от того, что какой-нибудь великий человек или даже САМ БОГ сформулировал бы законы нравственности, если люди, проникнутые ложными понятиями, не перестали бы принимать добродетели за пороки и пороки за добродетели? Что толку от того, что Смит⁸⁰, Сэй и, как выражается де Сен-Шаманс, экономисты *всех школ* провозгласили в отношении деловых сделок превосходство принципа *свободы* над принуждением, если люди, издающие законы, и люди, для которых законы издаются, убеждены в обратном?

Эти науки, справедливо называемые общественными, имеют еще одну особенность: именно потому, что они применяются ежедневно и повсеместно, никто не хочет сознаться в незнании их. Если бывает необходимо разрешить какой-нибудь вопрос из химии или геометрии, то никто не претендует на обладание врожденным знанием этих наук; никто не стыдится посоветоваться с г-ном Тенаром и просмотреть сочинение Лежандра или Безу⁸¹. Но в общественных науках никогда не признают авторитетов. Поскольку повседневное поведение человека основано на его представлениях (не важно, разумных или нелепых)

о нравственном и безнравственном, о правилах гигиены, экономии и политики, то все считают себя способными толковать и рассуждать об этих предметах, давать ответы на все возникающие вопросы.

Вы, например, больны, каждая старуха станет вам тотчас говорить о причине вашей болезни и о средствах избавиться от нее: «У вас золотуха, — будет утверждать она, — вам нужно кровоочистительное».

Но что такое золотуха? И действительно ли у вас золотуха? Об этом она не станет много хлопотать.

Я невольно вспоминаю о такой старухе, когда слышу следующее простое объяснение всех общественных бедствий: во всем виновны будто бы перепроизводство, тирания капитала, избыточные мощности и тому подобный вздор, о котором нельзя даже сказать: *Verba et voces, praetereaque nih!*⁸², потому что все это роковые заблуждения.

Из того, что было сказано, можно вывести два заключения: 1) что общественные науки должны изобиловать *софизмами* более, чем все прочие, потому что в них каждый руководствуется своим собственным суждением или инстинктивными чувствами; 2) что именно в этих науках *софизм* причиняет особенно много вреда, потому что он сбивает общественное мнение с пути истинного в таких вопросах, в которых оно особенно влиятельно, а по сути дела является законом.

Итак, для таких наук необходимы два вида книг: одни должны содержать в себе изложение основных положений науки; назначение же других должно

заклучаться в распространении в целом в обществе приобретенных уже сведений; первые должны указывать на истину, вторые — опровергать заблуждения.

Мне кажется, что недостаток, тесно связанный с формой моей книги, заключается в *повторениях*, а именно они и приносят существенную пользу.

В вопросе, мной рассмотренном, каждый софизм выражается, без сомнения, своей собственной формулой и имеет свое особое значение; но все они происходят от одного общего корня, состоящего в *забвении интересов людей как потребителей*. Доказывать, что тысячи заблуждений происходят от этого *коренного* софизма, к которому приводят и все прочие, значит учить общество распознавать, оценивать и остерегаться этого софизма при всех обстоятельствах.

Впрочем, мое желание заключается не в том, чтобы внушить убеждения; а в том, чтобы возбудить сомнения.

Я не рассчитываю на то, что, прочитав мою книгу, читатель скажет себе: *я знаю*; дай Бог, чтобы он хотя бы честно сказал сам себе: *я не знаю*.

«Я не знаю, потому что начинаю подозревать, нет ли чего-нибудь иллюзорного в благотворности недостатка» (Софизм I.1).

«Я уже не так верю в восхитительные свойства *препятствия*» (Софизм I.2).

«*Усилия без результата* уже не кажутся мне столь же желанными, как *результат без усилий*» (Софизм I.3).

«Очень может быть, что рецепт достижения успеха в бизнесе не таков, как в дуэли: *давать и не получать* (согласно определению, данному учителем фехтования, в комедии *Мещанин во дворянстве*⁸³)» (Софизм I.4).

«Я понимаю, что товар *стоит* тем дороже, чем больше на него потрачено труда; но при обмене две равные ценности разве перестают быть равными потому только, что одна из них добывается с помощью плуга, а другая изготавливается, например, посредством машины Жаккарда⁸⁴» (Софизм I.21).

«Признаюсь, я начинаю находить странным, что человечество будто бы становится совершеннее, будучи стреноженным, и становится богаче от обложения налогами. И, откровенно говоря, я избавился бы от невыносимо тягостного чувства и искренно бы обрадовался, если бы мне было доказано, что благосостояние и справедливость, как уверяет автор *софизмов*, не заключают в себе ничего противоречивого, так же, как мир и свобода, как распространение труда и успехи просвещения» (Софизмы I.14 и I.20).

«Поэтому, не удовлетворяясь доводами автора прочитанного мной сочинения, о которых я не могу еще сказать положительно, что это такое: обоснованные суждения или парадоксы, я постараюсь разъяснить себе сей предмет посредством сочинений лучших писателей по экономической науке».

Заклучим эту монографию *софизмов* последним и важным замечанием: «Мир недостаточно сознает влияние, которое оказывает на него *софизм*».

Вот каков мой взгляд на это влияние: когда было преодолено право сильного, софизм установил *право хитрого*, и трудно было бы решить — который из этих двух тиранов причинил человечеству больше вреда.

Люди проникнуты неумеренной любовью к наслаждениям, к приобретению влияния, уважения, власти, одним словом, к богатствам.

И в то же время они имеют сильную склонность к тому, чтобы добывать себе эти предметы за счет других.

Но эти *другие*, составляющие общество, имеют не меньшую склонность к тому, чтобы сохранять то, что ими приобретено, если только они *могут и знают, как это сделать*.

Грабеж, играющий столь важную роль в делах сего мира, располагает, следовательно, двумя инструментами: *силой и хитростью*, и его ограничивают два препятствия: *мужество и просвещение*.

Анналы человечества пестрят примерами применения силы с целью грабежа. Проследивать их историю означает просто воспроизвести почти полностью историю всех народов: ассирийцев, вавилонян, мидийцев, персов, египтян, греков, римлян, готов, франков, гуннов, тюрков, арабов, монголов, татар, не говоря уже о поведении испанцев в Америке, англичан в Индии, французов в Африке, русских в Азии и пр., и пр.

Но по крайней мере в цивилизованных странах люди, производящие богатство, стали достаточно многочисленными и сильными, чтобы защитить

его. Означает ли это, что они больше не подвергаются грабежу? Вовсе нет. Их грабят так же, как и раньше, и более того, они грабят друг друга.

Единственное отличие заключается в том, что изменилось орудие грабежа. Теперь людей обирают не силой, а обманом.

Чтобы ограбить людей, их нужно ввести в заблуждение, т.е. убедить в том, что их грабят ради их же блага, и заставить их принять в обмен на их собственность услуги воображаемые или того хуже. Именно в этом состоит цель софистики: теократической, экономической, политической, денежной. И с тех пор, как грубая сила держится в узде, софизм стал не просто разновидностью зла, а сутью зла. Пришел черед обуздать и его. А для этого народные массы должны быть пронциательнее пронциательности, как они уже стали сильнее силы.

Добрые люди, именно с этой идеей я обращаюсь к вам в этом первом очерке — хотя Предисловие явно находится не на месте, а Посвящение слегка запоздало⁸⁵.

Мюгрон,
2 ноября 1845 г.

Конец первой части

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Просьба промышленности
к правительству так же скромна,
как и ответ Диогена Александру:
«Не заслоняй мне солнца».

Бентам

II.1. Физиология грабежа

Зачем изучать эту сухую науку — политическую экономию?

Зачем? Вопрос разумный, потому что всякий труд по существу своему не включает в себе ничего привлекательного, и каждый имеет право спросить, к чему он ведет.

Постараемся разрешить этот вопрос. Впрочем, я не обращаюсь к тем философам, которые считают своей обязанностью восхвалять бедность, если не во имя себя, то по крайней мере во имя человечества.

Я говорю для тех, кого богатство влечет. Под этим словом мы будем разуметь не богатство немногих, а довольство, благосостояние, безопасность, независимость, просвещение и достоинство всех.

Есть только два способа добывать средства, необходимые для сохранения, украшения и улучшения жизни: *производство* и *грабеж*.

Некоторые, впрочем, говорят, что грабеж есть случайность, местное и преходящее зло, осуждаемое моральной философией, не стоящее внимания политической экономии.

Однако как бы ни были велики наши снисходительность и оптимизм, необходимо признать, что в мире грабеж практикуется в слишком обширных масштабах и настолько стал частью всех проявлений человеческой жизни, что ни одна общественная наука, а тем более политическая экономия, не может его игнорировать.

Пойдем далее. Главная причина, препятствующая общественному устройству достигнуть возможного совершенства, — это постоянное стремление одних членов общества жить и благоденствовать за счет других.

Если бы грабежа не существовало, общество достигло бы совершенства, а общественные науки лишились бы своего объекта.

Я пойду еще дальше. Когда грабеж становится образом жизни группы людей, совместно живущих в обществе, то со временем они создают легализующую его правовую систему и прославляющий его нравственный кодекс.

Достаточно назвать некоторые самые очевидные виды грабежа, чтобы указать то место, которое он занимает во взаимоотношениях между людьми.

Первый вид составляет война. У диких народов победитель убивает побежденного, чтобы приобрести если не бесспорное, то по крайней мере неоспариваемое право на охоту.

Далее следует рабство. Когда человек начинает понимать, что труд может повысить плодородие земли, он делится со своим собратом таким образом: «Труд твой, а урожай мой».

ЗАТЕМ ИДЕТ ТЕОКРАТИЯ. «ПО ТОМУ, КАК ТЫ ДАЕШЬ МНЕ ИЛИ ОТКАЗЫВАЕШЬ МНЕ, Я ОТВОРЮ ТЕБЕ ВРАТА РАЯ ИЛИ АДА».

И, наконец, монополия. Отличительный характер ее заключается в том, что она позволяет действовать великому закону общества: услуга за услугу, но вводит

в переговоры элемент насилия и тем самым нарушает баланс между получаемой и оказываемой услугой.

Грабеж несет в себе зародыш саморазрушения. Редко бывает так, чтобы большинство грабило меньшинство. В таком случае последнее скоро бы обеднело до такой степени, что не могло бы утолить алчность большинства, и грабеж за неимением объекта прекратился бы сам собою.

Почти всегда случается так, что страдает большинство, но тем не менее грабеж всегда обречен на бесславный конец.

Если грабеж использует силу, как в случае войны и рабства, то в долгосрочной перспективе сила всегда оказывается на стороне большинства.

Если же он осуществляется посредством обмана, как в случае теократии и монополии [3], то большинство, естественно, в конце концов разоблачает его, если, конечно, разум что-то значит.

Но есть еще провиденциальный закон, которым обуславливается существование в грабеже второй причины его разрушения: это то, что грабеж, перемещая богатство из одних рук в другие, всегда уничтожает некоторую часть его. Война истребляет большое количество ценностей. Рабство парализует способности. Теократия направляет много энергии к достижению ничтожных или губительных целей. Монополия переводит богатство из одного кармана в другой; но значительная его часть при переходе утрачивается.

Это удивительный закон. При условии равновесия сил поработителей и угнетенных без этого закона

грабеж никогда не прекращался бы. Но в силу этого закона баланс постоянно нарушается, либо потому что сами грабители начинают понимать, что разрушается слишком много богатств, либо, если они этого не понимают, то отношения изменяются уже потому, что зло постоянно усугубляется, а то, что по самой природе своей постоянно ухудшается, неизбежно должно когда-нибудь и кончиться.

На самом деле, наступает время, когда растрата богатств, увеличиваясь все более и более, доходит наконец до того, что грабитель становится беднее, чем в том случае, если бы он оставался честным человеком.

Именно в таком положении находится, например, народ, которому война обходится дороже, чем добыча; промышленник, который платит за труд рабов больше, чем за труд свободный; ТЕОКРАТИЯ, НАСТОЛЬКО ОДУРМАНИВШАЯ НАРОД, ЧТО ПОЛНОСТЬЮ ПАРАЛИЗОВАЛА ЕГО ЭНЕРГИЮ; монополия, вынужденная прилагать все больше усилий по мере того, как все меньше остается для нее пищи; точно так же должно увеличиваться усилие и при доении коровы, когда вымя становится пустым.

Монополия, как оказывается, есть только один из видов *грабежа* и состоит из нескольких подвидов, среди которых синекуры, привилегии, ограничения торговли.

Некоторые ее формы весьма просты и наивны. Таковы были феодальные права. При господстве феодальной системы большинство подвергалось грабежу и знало это. Феодальная система была основана на злоупотреблении силой и пала вместе с ней.

Другие формы бывают очень сложны. В таких случаях массы зачастую подвергаются грабежу и даже не подозревают об этом. Иногда случается, что они считают себя еще и обязанными грабежу за все, что у них остается, за то, что отнимается, и за то, наконец, что теряется при переходе собственности из одних рук в другие.

Более того, я готов утверждать, что с течением времени и благодаря силе привычки появляется много таких грабителей, которые присваивают себе чужую собственность, сами того не подозревая и не желая. Такого рода монополии порождаются обманом и поддерживаются заблуждением. Они исчезают только с появлением света знания.

Все сказанное мною достаточно показывает, что политическая экономия приносит несомненную практическую пользу. Ее можно назвать светилом, которое, обнаруживая обман и уничтожая заблуждение, пресекает общественный беспорядок, называемый грабежом. Не знаю, кто именно, но, кажется, женщина — и она была права, — назвала политическую экономию замком, под которым хранится народное богатство.

Объяснение

Если бы этой книжечке было предназначено просуществовать три или четыре тысячи лет, если бы ее постоянно читали, перечитывали, обсуждали, изучали по отдельным предложениям, следили бы в ней за каждым словом, за каждой буквой, из поколения

в поколение, как будто она новый Коран; если бы все библиотеки в мире наполнились посвященными ей горами заметок, объяснений и комментариев, я мог бы еще предоставить воле судьбы изложенные до сих пор мысли, представляющиеся не совсем ясными в их сжатых формах. Но так как для них нужно толкование, то я считаю более благоразумным объяснить их самому.

Свободный обмен услуги на услугу — вот истинный и справедливый закон человеческих отношений. Грабеж состоит в том, что свобода обмена запрещается посредством силы или обмана с целью получить услугу, не оказывая ее взаимно.

Насильственный грабеж происходит следующим образом: дождавшись, когда известное лицо произведет какой-нибудь предмет, его отнимают у производителя силой.

Такой грабеж прямо осуждается заповедью «не укради».

Когда грабеж предпринимает один человек в отношении другого, то это называется воровством и наказывается заключением виновного в тюрьму; если же целый народ обирает другой народ, то это называется *завоеванием* и победитель вознаграждается славой!

Но почему же существует такое различие? Исследуя причину этого явления, мы находим, что над нами господствует непреодолимая власть, а именно общественное мнение, которое, подобно атмосфере, окутывает нас со всех сторон, так что мы даже и не замечаем его действия.

Руссо никогда не высказывал более верной мысли, как его замечание о том, что необходимо быть глубоким философом, чтобы быть в состоянии наблюдать явления, особенно близкие к нам⁸⁶.

Вор, именно потому что он действует один, восстанавливает против себя общественное мнение. Его боются все. Но если у него есть сообщники, он гордится перед ними своими подвигами, и в этом уже можно наблюдать силу общественного мнения: для вора достаточно одобрения его сообщников, чтобы не только заглушить в нем сознание позорности его поступков, но даже чтобы побудить его гордиться своим бесчестьем.

Воин живет в ином мире. Пристающее его общественное мнение от него далеко, в побежденных народах; он не ощущает его давления. Общественное мнение окружающей его среды одобряет и поддерживает его, он живо чувствует тесную связь со своими сородичами.

Отечеству воина, создавая себе врагов и опасности, необходимо возбуждать отвагу в своих сынах. Храбрейших из них, тех, которые, расширяя пределы родной земли, доставляли ей больше всего добычи, оно награждало почестями, известностью и славой. Поэты воспевали их подвиги, женщины сплетали им венки. В этом проявлялось могущество общественного мнения: оно не соединяло с понятием о грабеже мысли о его несправедливости и заглушало в грабителе даже сознание преступности.

Общественное мнение, противодействовавшее такого рода грабежу и развивавшееся не у грабившего

народа, а у того, который сам подвергался грабежу, не имело значительных последствий. Впрочем, нельзя сказать, чтобы и оно оставалось без последствий. Его значение возрастало по мере того, как народы сближались друг с другом и постепенно привыкали понимать друг друга.

В связи с этим очевидно, что изучение языков и свобода общения между народами оказывали сильное влияние на распространение идей, осуждающих завоевательный грабеж.

К несчастью, нередко народы, страдающие от народа-грабителя, сами не упускают случаев поучаствовать в грабеже и потому бывают проникнуты теми же предрассудками.

В таком случае существует лишь одно средство — время. Необходимо, чтобы народы на печальном опыте убедились в том, что взаимный грабеж обладает огромными недостатками.

Быть может, некоторые укажут на другие средства, например на распространение нравственных понятий. Но нравственное образование имеет целью развить элемент добродетели в человеческой жизни. Каким же образом нравственное учение может ограничить акты грабежа, если общественное мнение возводит такое посягательство в ранг величайшей добродетели?

Существует ли нравственная сила, более могущественная, чем религия? Существовала ли когда-нибудь религия, более покровительствующая миру и более распространенная, чем христианство? А между тем, что происходит на протяжении восемнадцати столетий?

Люди ведут войны между собой не только вопреки религиозным учениям, но даже во имя самой религии⁸⁷.

Народ-завоеватель не всегда ведет наступательную войну, и для него иногда наступают тяжелые времена. Войны его сражаются тогда за домашний очаг, за собственность и семью, за свободу и независимость. В такое время война принимает характер величия, чего-то священного. В знамени, освященном служителями алтаря, сосредоточивается для народа все святое на земле: его чтут, как живой образ родины и чести; военная доблесть почитается тогда превыше всех добродетелей. Но опасность проходит, а общественное мнение не меняется и чувство мщения невольно смешивается с представлениями о патриотизме, НАРОД ГОРДО МАРШИРУЕТ ПОД СЕНЬЮ ДОРОГОГО СЕРДЦУ ЗНАМЕНИ ИЗ ОДНОЙ СТОЛИЦУ В ДРУГУЮ. КАЖЕТСЯ, ЧТО ПРИРОДА ТЕМ САМЫМ НАКАЗЫВАЕТ АГРЕССОРА.

Не увеличение знания, а страх наказания сдерживает стремление к войне, ибо невозможно отрицать, что самые цивилизованные народы готовы вести войну, не заботясь о законах справедливости, если только у них нет причины опасаться возмездия. Лучшим доказательством тому служат дела в Гималаях, Атласских горах, НА КАВКАЗЕ.

Если религия оказалась бессильной, если знание бессильно, то что же может прекратить войну?

Политическая экономия доказывает, что даже народу-победителю война не предоставляет значительных выгод. Достаточно только, чтобы большинство ясно убедилось в этой истине. Общественное мнение,

которое еще колеблется в своем выборе до настоящего времени, всею силой своей склоняется тогда в сторону мира.

Грабеж, производимый насилием, принимает иногда другую форму. Тогда не дожидаются того, чтобы человек что-то произвел, а овладевают самим человеком, лишают его собственной личности и заставляют работать. Ему не говорят тогда: *«Если ты сделаешь для меня это, то я сделаю для тебя вот это»*. Ему говорят: *«Работай в поте лица, а я воспользуюсь плодами твоего труда»*. Это рабство, которое всегда подразумевает злоупотребление силой.

Здесь возникает важный вопрос: заложено ли в самой неоспоримо доминирующей мощи то, что ею будут злоупотреблять? Со своей стороны, я ей не доверяю ни в малейшей степени: полагаться на то, что сила будет ограничивать саму себя, все равно что ожидать, что в падающем камне содержится сила, способная остановить его падение.

Я прошу указать мне страну или эпоху, когда рабство было бы отменено в результате свободных и добровольных действий хозяев.

Рабство представляет собой второй поразительный пример того, что религиозного и человеколюбивого чувства мало еще для борьбы со стремлениями — весьма сильными — личного интереса. Это может показаться грустным явлением для некоторых новых школ, которые в самоотвержении видят принцип, способный преобразовать общество. Они должны сначала изменить природу человека.

На Антильских островах⁸⁸ рабовладельцы, с самого учреждения там рабства, исповедуют христианскую религию. Несколько раз в день повторяют они слова: «Все люди — братья; в любви к ближнему заключается исполнение христианского закона». А между тем у них есть рабы. Им кажется это совершенно естественным и законным. Но неужели новейшие реформаторы надеются, что их нравственное учение будет также повсеместно принято, также общеизвестно, будет иметь столь же сильный авторитет и укоренится в сердцах людей столь же глубоко, как и Евангелие? Но если Евангелие не смогло проникнуть от уст в сердце, через великую преграду личного интереса, то каким же образом надеются они, что их учение совершит такое чудо?

Но неужели рабство непобедимо? Нет, то, что вызвало его, должно и уничтожить его, т.е. личный интерес, если только частные выгоды, причинившие обществу эту рану, не будут охраняться вопреки интересам общественным, которым и суждено исцелить от нее общество.

В политической экономии доказано, что только свободный труд ведет к развитию, а рабский труд необходимо статичен. Поэтому первый неизбежно вытесняет последний; примером может служить возделывание неграми индиго⁸⁹.

Применение свободного труда в производстве сахара приведет к снижению цен на этот продукт. По мере этого понижения невольник будет становиться все менее и менее прибыльным для своего владельца.

Рабство давным-давно исчезло бы в Америке само собой, если бы в Европе законы искусственно не повышали цену на сахар. Поэтому мы видим, что владельцы невольников, их кредиторы и представляющие их законодатели деятельно заботятся о поддержании этих законов, служащих сегодня опорой рабства.

К несчастью, законы эти встречают сочувствие в народах, у которых рабство уже исчезло; из этого видно, что и здесь действует власть общественного мнения.

Если общественное мнение господствует в мире силы, то еще более действенным оно должно быть в мире обмана. По правде сказать, собственно в этой области и находится его царство. Обман есть злоупотребление интеллектом; с другой стороны, интеллектуальные прорывы человечества делают общественное мнение более просвещенным. По крайней мере, природа обеих этих сил одинакова. Обман со стороны грабителя обуславливается доверчивостью того, кто подвергается грабежу, а противоядием от легковерия может служить только истина. Отсюда следует, что распространять просвещение значит лишать этот род грабежа пищи.

Сделаем краткий обзор некоторых видов грабежа посредством обмана, осуществляемых в крупных масштабах.

ПЕРВЫМ ИДЕТ ГРАБЕЖ ПОСРЕДСТВОМ ТЕОКРАТИЧЕСКОГО ОБМАНА.

В ЧЕМ ОН ЗАКЛЮЧАЕТСЯ? ОН ПОБУЖДАЕТ ЛЮДЕЙ ОТДАВАТЬ РЕАЛЬНЫЕ УСЛУГИ В ВИДЕ ПИЩИ, ОДЕЖДЫ, ПРЕДМЕТОВ

РОСКОШИ, ПРЕСТИЖА, ВЛИЯНИЯ И ВЛАСТИ В ОБМЕН НА ВО-
ОБРАЖАЕМЫЕ УСЛУГИ.

Если я говорю человеку: «Я предоставляю тебе услугу немедленно», — то должен сдерживать свое слово, в противном случае очень скоро человек все поймет и мой обман будет быстро разоблачен.

Но предположим, я говорю ему: «В обмен на твои услуги я предоставляю тебе огромное количество услуг, но не здесь, а в мире ином. Будешь ли ты в жизни вечной счастлив или несчастен, зависит только от меня. Я посредник между Богом и человеком и могу открыть тебе врата либо рая, либо ада». Если человек мне верит, то он полностью в моей власти.

Этот вид мошенничества существует с незапамятных времен. Хорошо известно, какую власть с его помощью сконцентрировали в своих руках египетские жрецы.

Как действуют мошенники, понять легко. Достаточно задать себе вопрос: а что бы вы сами сделали на их месте?

Если, вынашивая подобные замыслы, я оказался бы среди невежественных людей и мне удалось бы с помощью необычных и на первый взгляд чудесных действий представить себя сверхъестественным существом, то я бы заявил, что являюсь посланником Бога, который наделил меня властью полностью управлять судьбами людей.

Затем я должен был бы запретить проверку моих заявлений. Более того, поскольку разум был бы самым опасным моим врагом, я должен был бы запретить

ИМ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ, ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ В ОТНОШЕНИИ ЭТОГО ОПАСНОГО ДЛЯ МЕНЯ ПРЕДМЕТА. МНЕ НЕОБХОДИМО БЫЛО БЫ НАЛОЖИТЬ ТАБУ, КАК ГОВОРЯТ ДИКАРИ, НА ВСЕ, ЧТО СВЯЗАНО С ЭТИМ ВОПРОСОМ. ОТВЕЧАТЬ НА НЕГО, СПРАШИВАТЬ О НЕМ, ДАЖЕ ДУМАТЬ ОБ ЭТОМ СТАЛО БЫ НЕПРОСТИТЕЛЬНЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ.

БЕЗУСЛОВНО, НАЛОЖЕНИЕ ТАБУ В КАЧЕСТВЕ БАРЬЕРА, ПРЕГРАЖДАЮЩЕГО ПУТЬ ЛЮБЫМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ УСИЛИЯМ, ВЕДУЩИМ К ОБНАРУЖЕНИЮ МОЕГО МОШЕННИЧЕСТВА, БЫЛО БЫ ВЕРХОМ ИЗОБРЕТАТЕЛЬНОСТИ. ОБЪЯВИТЬ МАЛЕЙШЕЕ СОМНЕНИЕ СВЯТОТАТСТВОМ — ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ЛУЧШЕЙ ГАРАНТИЕЙ ОТ РАЗОБЛАЧЕНИЯ?

ОДНАКО ЭТУ ФУНДАМЕНТАЛЬНУЮ ГАРАНТИЮ Я ДОЛЖЕН БЫЛ БЫ ДОПОЛНИТЬ НЕСКОЛЬКИМИ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫМИ. К ПРИМЕРУ, ЧТОБЫ ЗНАНИЕ НИКОГДА НЕ ПРОНИКЛО В МАССЫ, Я ДОЛЖЕН БЫЛ БЫ ПРЕДОСТАВИТЬ СЕБЕ И СВОИМ СОБЩНИКАМ МОНОПОЛИЮ НА ВСЕ НАУКИ И СКРЫТЬ ИХ ПОД ПОКРОВОМ МЕРТВОГО ЯЗЫКА И ИЕРОГЛИФИЧЕСКОГО АЛФАВИТА, А ЧТОБЫ НИКАКАЯ ОПАСНОСТЬ НИКОГДА НЕ ЗАСТИГЛА БЫ МЕНЯ ВРАСПЛОХ, Я ДОЛЖЕН БЫЛ БЫ ПРИДУМАТЬ НЕКИЙ ИНСТИТУТ, КОТОРЫЙ ПОЗВОЛИЛ БЫ МНЕ ПРОНИКАТЬ СРЕДИ БЕЛА ДНЯ В ТАЙНИКИ СОЗНАНИЯ КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА.

НЕ БЫЛО БЫ ОШИБКОЙ С МОЕЙ СТОРОНЫ УДОВЛЕТВОРЯТЬ И НЕКОТОРЫЕ РЕАЛЬНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ МОЕГО НАРОДА, ОСОБЕННО ЕСЛИ ОТ ЭТОГО ПОВЫШАЛИСЬ БЫ МОЕ ВЛИЯНИЕ И АВТОРИТЕТ. НАПРИМЕР, ЛЮДИ ИСПЫТЫВАЮТ БОЛЬШУЮ ПОТРЕБНОСТЬ В ОБРАЗОВАНИИ И МОРАЛИ, И Я МОГУ СДЕЛАТЬ СЕБЯ ИСТОЧНИКОМ ТОГО И ДРУГОГО. ТЕМ САМЫМ Я ПО СВОЕМУ ЖЕЛАНИЮ МОГУ НАПРАВЛЯТЬ УМЫ И СЕРДЦА МОЕГО НАРОДА. МНЕ НЕОБХОДИМО БЫЛО БЫ УСТАНОВИТЬ

НЕРАЗРЫВНУЮ СВЯЗЬ МЕЖДУ НРАВСТВЕННОСТЬЮ И МОИМ АВТОРИТЕТОМ, ЗАЯВИВ О НЕВОЗМОЖНОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ ОДНОГО БЕЗ ДРУГОГО, ТАК ЧТО ЕСЛИ КТО-ЛИБО ОСМЕЛИТСЯ ПОСТАВИТЬ ПОД СОМНЕНИЕ ТАБУИРОВАННЫЙ ВОПРОС, ТО ВСЕ ОБЩЕСТВО (КОТОРОЕ НЕ МОЖЕТ СУЩЕСТВОВАТЬ БЕЗ МОРАЛИ) ИСПЫТАЕТ НЕВЕРОЯТНЫЕ ПОТРЯСЕНИЯ И ОБРУШИТ ВЕСЬ СВОЙ ГНЕВ НА БЕЗРАССУДНОГО РЕФОРМАТОРА.

ЕСЛИ МНЕ ЭТО УДАТСЯ, ТО ЛЮДИ БУДУТ МНЕ ПРИНАДЛЕЖАТЬ В БОЛЬШЕЙ СТЕПЕНИ, ЧЕМ ЕСЛИ БЫ ОНИ БЫЛИ ПРОСТО МОИМИ РАБАМИ. РАБЫ ПРОКЛИНАЮТ ОКОВЫ, МОЙ НАРОД БЫ ИХ БЛАГОСЛОВЛЯЛ. ТЕМ САМЫМ Я ВЫЖЕГ БЫ КЛЕЙМО РАБСТВА НЕ НА ИХ ЛБУ, А В ИХ СЕРДЦАХ И СОЗНАНИИ.

РАЗРУШИТЬ ЭТО ВЕЛИЧЕСТВЕННОЕ ЗДАНИЕ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ ПОД СИЛУ ЛИШЬ ОБЩЕСТВЕННОМУ МНЕНИЮ, НО ОТКУДА ОНО ВОЗЬМЕТСЯ, ЕСЛИ КАЖДЫЙ КИРПИЧ ЭТОГО ЗДАНИЯ ОБЪЯВЛЕН ТАБУ? ЭТО ДЕЛО ВРЕМЕНИ И ПЕЧАТНОГО СТАНКА.

БОГ ЗАПРЕЩАЕТ МНЕ ИСКАТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА, ПОДРЫВАЮЩИЕ УТЕШИТЕЛЬНУЮ ВЕРУ В ТО, ЧТО ЭТА ПОЛНАЯ СТРАДАНИЙ ЖИЗНЬ ЯВЛЯЕТСЯ ПРЕЛЮДИЕЙ БУДУЩЕЙ СЧАСТЛИВОЙ ЖИЗНИ! НО НИКТО, ДАЖЕ САМ ПАПА РИМСКИЙ, НЕ СМОЖЕТ ОТРИЦАТЬ, ЧТО НЕОДОЛИМОЕ ТОМЛЕНИЕ, ЗАСТАВЛЯЮЩЕЕ НАС ПРИНЯТЬ ЭТУ ВЕРУ, БЕССТЫДНО ЭКСПЛУАТИРУЕТСЯ. МНЕ КАЖЕТСЯ, ЕСТЬ ОДИН ПРИЗНАК, ПО КОТОРОМУ МОЖНО СУДИТЬ, СТАЛИ ЛИ ЛЮДИ ЖЕРТВОЙ ПОДОБНОГО ОБМАНА. ПРОАНАЛИЗИРУЙТЕ РЕЛИГИЮ И ПОВЕДЕНИЕ СВЯЩЕННИКОВ И ПОСМОТРИТЕ, ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ СВЯЩЕННИКИ ОРУДИЕМ РЕЛИГИИ ИЛИ ЖЕ РЕЛИГИЯ ИСПОЛЬЗУЕТСЯ СВЯЩЕННИКАМИ В КАЧЕСТВЕ ОРУДИЯ.

Если священник является орудием религии, если его единственной мыслью является распространение повсюду нравственных принципов и их благотворных последствий, то он будет благородным, терпимым, скромным, милосердным и ревностным, его жизнь будет напоминать божественный образец, он будет проповедовать свободу и равенство людей, мир и братство между народами, он будет сопротивляться искушениям мирской власти, поскольку не желает иметь никаких связей с тем, что больше всего на свете нуждается в ограничении, он будет человеком из народа, добрым советчиком, нежным утешителем, человеком, мнение которого уважают, и человеком, послушным Евангелию.

Если, наоборот, религия является орудием священника, то он будет относиться к ней, как к инструменту, который можно по-разному поворачивать в своих личных целях, лишь бы получить с его помощью наибольшие выгоды для себя. Он будет умножать число запретных тем, подгонять свои нравственные принципы под изменяющиеся времена, людей и обстоятельства. Он будет запугивать простой народ заученными жестами и позами, бормотать слова, которые давным-давно потеряли всякий смысл и стали бессодержательными условностями. Он будет торговать реликвиями, но так, чтобы не пошатнуть веру людей в их святость, он будет заботиться о том, чтобы чем более пронизательными становились люди, тем менее очевидным для них было его торгашество. Он участвовал бы во всемирных интригах и всегда принимал бы

СТОРОНУ ТЕХ, КТО НАХОДИТСЯ У ВЛАСТИ, ПРИ ОДНОМ УСЛОВИИ: ЧТОБЫ И ОНИ ПРИНИМАЛИ ЕГО СТОРОНУ. КОРОЧЕ ГОВОРЯ, ВСЕ ЕГО ДЕЙСТВИЯ ПОКАЗЫВАЛИ БЫ, ЧТО ЕГО ЦЕЛЬ — НЕ УСПЕХИ РЕЛИГИИ ПОСРЕДСТВОМ КЛИРА, А УСПЕХИ КЛИРА ПОСРЕДСТВОМ РЕЛИГИИ. А ПОСКОЛЬКУ СТОЛЬКО УСИЛИЙ НАПРАВЛЕНО НА ЭТУ ЦЕЛЬ, А ЭТА ЦЕЛЬ, СОГЛАСНО НАШЕМУ ПРЕДПОЛОЖЕНИЮ, НЕ МОЖЕТ БЫТЬ НЕ ЧЕМ ИНЫМ, КАК ВЛАСТЬЮ И БОГАТСТВОМ, РЕШАЮЩИМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВОМ ТОГО, ЧТО ЛЮДИ СТАЛИ ЖЕРТВОЙ ОБМАНА, ЯВЛЯЕТСЯ БОГАТСТВО И МОГУЩЕСТВО СВЯЩЕННИКА.

Очевидно, что можно злоупотреблять как истинной религией, так и ложной. Чем более достоин уважения авторитет религии, тем больше опасность, что он может быть использован ненадлежащим образом. Однако последствия этого различны. Злоупотребление такого рода влиянием всегда оскорбляет здравую, просвещенную, полагающуюся на свои силы часть населения. Их вера не может не пошатнуться, а ослабление истинной религии намного прискорбнее, чем полный крах религии ложной.

Степень распространенности этого способа грабежа обратно пропорциональна пронципальности людей, так как в силу своей природы злоупотребления распространяются настолько широко, насколько им позволяют. Это не означает, что невежественный народ не может иметь благородных священников-подвижников, но что может помещать подлецу надеть сутану и стремиться к митре? Популяция грабителей подчиняется закону Мальтуса: их число увеличивается с увеличением средств к существованию,

А СРЕДСТВА К СУЩЕСТВОВАНИЮ ПОДЛЕЦОВ — ЭТО ДОВЕРЧИВОСТЬ ИХ ЖЕРТВ. КАК БЫ УСЕРДНО ВЫ НИ ИСКАЛИ, ВЫ НЕ НАЙДЕТЕ ЗАМЕНЫ ПРОСВЕЩЕННОМУ ОБЩЕСТВЕННОМУ МНЕНИЮ. ЭТО ЕДИНСТВЕННОЕ ЛЕКАРСТВО.

Один из видов грабежа, производимого посредством обмана, называется *коммерческим подлогом*, но это название, как мне кажется, охватывает слишком узкий круг понятий, потому что к этому виду посягательства на чужую собственность можно отнести не только купца, фальсифицирующего товар или прибегающего к фальшивым мере и весу, но и врача-шарлатана, адвоката, запутывающего процесс, и т.д. Каждый из них предлагает в обмен на действительную ценность услугу дурного качества; но так как здесь услуга принимается всегда добровольно, то ясно, что грабеж такого рода должен уменьшаться по мере увеличения информированности людей.

Затем следуют злоупотребления в области УСЛУГ, ОКАЗЫВАЕМЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ [4], предоставляющие настолько огромное поле для грабежа, что мы можем бросить на него только самый беглый взгляд.

Если бы Бог создал человека существом необщественным, то каждый трудился бы только для себя. Богатство отдельного человека возрастало бы соразмерно количеству услуг, которые он оказывал бы сам себе.

Но так как человек — *существо общественное*, то отсюда возникает обмен одних услуг на другие — при желании части этого утверждения можно поменять местами.

В обществе существуют потребности до того общие, до того повсеместные, что члены общества для удовлетворения их прибегают к УСЛУГАМ ПРАВИТЕЛЬСТВА [5]. Такова, например, потребность в безопасности. Люди соглашаются платить налоги, чтобы таким образом вознаграждать — разного рода услугами — тех, кто оказывает услуги по обеспечению общей безопасности.

Это соглашение не противоречит принципу обмена, сформулированному политической экономией: сделай для меня это, а я сделаю для тебя другое. Сущность сделки не изменилась, отличается лишь способ оплаты, и это обстоятельство имеет большое значение.

В обычных частных сделках каждый человек сам судит о пользе услуги, им получаемой, и той, которую он оказывает. Он всегда может или отказаться от обмена, или произвести его в другом месте, а отсюда проистекает необходимость предлагать на рынке только такие услуги, которые могут быть приняты добровольно.

Это не так, когда речь идет о ГОСУДАРСТВЕ, ОСОБЕННО ДО УЧРЕЖДЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО ПРАВЛЕНИЯ [6]. Независимо от того, имеем ли мы нужду в услугах такого рода или нет, независимо от их качества, нам необходимо принимать их в том виде, в каком их предлагает ГОСУДАРСТВО [7], и платить за них ту цену, которую оно назначит.

Но все люди склонны преувеличивать оказываемые ими услуги и преуменьшать услуги, получаемые в обмен, и это привело бы к хаосу, если бы частные

сделки не удостоверялись достигаемой в процессе переговоров ценой. Но такого удостоверения не существует, или почти не существует, в НАШИХ СДЕЛКАХ С ПРАВИТЕЛЬСТВОМ [8].

А между тем ГОСУДАРСТВО [9], в конечном итоге состоящее из отдельных лиц (хотя в настоящее время стараются доказать противное), подчиняется этому универсальному стремлению. Оно всегда желает оказывать нам много услуг, больше, чем нам от него требуется, и пытается заставить нас принять за истинную услугу то, что иногда и не похоже на нее. И это делается с целью требовать от нас, в свою очередь, УСЛУГ В ВИДЕ НАЛОГОВ [10].

ГОСУДАРСТВО [11] также подчиняется закону Мальтуса: оно расширяется пропорционально имеющимся средствам, поддерживающим его существование, и склонно проживать больше, чем имеет, а существование его в конечном счете поддерживается народным достоянием. Горе народам, не умеющим ограничить надлежащим образом СФЕРУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА [12]! У них мало-помалу исчезнет частная предприимчивость, а вместе с ней и богатство, благосостояние, независимость, сознание собственного достоинства.

В доказательство наших слов заметим только, что из всех услуг, требуемых нами от ГОСУДАРСТВА [13], главной является обеспечение безопасности.

Чтобы обеспечить нас в этом отношении, необходимо иметь такую силу, которая была бы способна побеждать все частные или объединенные силы, внутренние и внешние, могущие нарушить эту

безопасность. Наличие такой силы при существовании в людях фатальной склонности жить за счет других создает очевидную опасность.

Посмотрите, в каких громадных размерах на всем протяжении истории практикуется грабеж посредством злоупотребления ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ СИЛОЙ и ее избыточностью [14]. вспомните, какие услуги оказывало народу и каких услуг требовало ПРАВИТЕЛЬСТВО в Ассирии, Вавилоне, Египте, Риме, Персии, Турции, Китае, России, Англии, Испании и Франции [15]. Какая страшная, поражающая воображение несообразность постоянно существовала между тем и другим в каждом случае!

Наконец, было учреждено ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЕ ПРАВЛЕНИЕ [16], и можно было надеяться, что все это прекратится как по волшебству.

Правление такого типа основано на следующем принципе: «Народ сам посредством своих представителей будет определять сущность и объем деятельности, которую он найдет необходимым отнести к числу ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ [17] услуг, а также размер вознаграждения за эти услуги».

Таким образом, стремление присвоить чужое имущество и стремление защищать собственность были поставлены одно против другого. Можно было предполагать, что второе пересилит первое.

Конечно, я убежден в том, что в долгосрочной перспективе ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЕ ПРАВЛЕНИЕ ДОБЬЕТСЯ УСПЕХА [18], но необходимо признать, что пока этого не произошло.

Почему? По двум простым причинам: ПРАВИТЕЛЬСТВА [19] бывают весьма проницательны, а масса малоопытна.

Первые отличаются особым умением вести дела. Они действуют методично, последовательно, по хорошо задуманному плану, постепенно совершенствуемому традицией и опытом. Они изучают характер людей и их страсти. Если, например, они заметят, что народ имеет склонность к войне, то стараются еще больше подогреть эту губительную страсть. Посредством дипломатии они окружают народ опасностями, а потом, как и следует ожидать, требуют от него войск, арсеналов, крепостей. Хотя зачастую они даже могут не утруждать себя подобными требованиями, ибо все, что они желают иметь, им предлагается и так. Они только должны распределять должности, пенсии, продвижение по службе. Все это требует больших денег. Соответственно они вводят налоги и размещают займы.

Если народ отличается великодушием, ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРЕДЛАГАЕТ [20] излечить все болезни человечества. Ему обещают возродить торговлю, привести в цветущее состояние земледелие, развить фабричную промышленность, покровительствовать литературе и искусствам, искоренять бедность и пр., и пр. Все, что нужно, — это создать дополнительно несколько новых государственных учреждений и содержать новых чиновников.

Одним словом, тактика здесь состоит в том, чтобы представить в виде действительных услуг то, что на самом деле не что иное, как ограничение. В результате

народ платит не за то, что ему оказывают услуги, а за то, что его лишают возможности получать услуги. ПРАВИТЕЛЬСТВО [21], достигая гигантских масштабов, начинает наконец поглощать половину национального дохода. А народ между тем удивляется, что его уровень жизни не повышается, хотя он много работает и постоянно слышит о создании новых полезных учреждений, которые должны умножить до бесконечности количество получаемого им дохода.

Все это происходит оттого, что если ПРАВИТЕЛЬСТВО ДЕМОНСТРИРУЕТ ВСЕ, НА ЧТО СПОСОБНО, то в народе еще мало распространены ясные понятия о его нуждах и потребностях. Поэтому, когда его призывают избрать тех, кому должна быть доверена правительственная власть, тех, кто будет определять сферу действий правительства и размер вознаграждения за выполнение этих функций, кого выбирает народ? Правительственных чиновников. Люди вверяют самой исполнительной власти право определять границы своей собственной деятельности и формулировать предъявляемые к ней требования. Он действует, как герой Мольера, который в выборе фасона и количества костюмов полагался на своего портного.

Между тем положение дел становится все хуже, и, наконец, народ начинает обращать внимание не на средства к исправлению зла (он не так скоро доходит до этого), но только на существование зла.

Править так приятно, что всякий стремится приобрести власть. Соответственно никогда не бывает недостатка в демагогах, которые постоянно говорят народу:

«Мы видим твои страдания и сожалеем о тебе. Если бы мы управляли тобой, то дела пошли бы иначе».

Этот период, обычно довольно продолжительный по времени, характеризуется восстаниями и вторжениями. Если страна подвергается завоеванию, то военные расходы добавляются к налоговому бремени. В стране-завоевателе правительство переходит в другие руки, и злоупотребления продолжаются.

Этот период продолжается до тех пор, пока народ не научится, наконец, сам распознавать свои истинные выгоды. С какой бы стороны мы ни рассматривали этот вопрос, мы всегда приходим к одному и тому же заключению: единственное лекарство — поступательное просвещение общественного мнения.

Некоторые народы, по-видимому, особенно предрасположены к тому, чтобы делаться жертвой ГРАБЕЖА СО СТОРОНЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА [22], а именно те из них, которые, нисколько не заботясь о собственном достоинстве и не имея никакой энергии, считают себя обреченными на погибель, если каждым их шагом не управляют в мельчайших деталях.

Путешествуя не очень много, я видел, однако, страны, где думают, что земледелие не может сделать никаких успехов, если ПРАВИТЕЛЬСТВО [23] не будет содержать за свой счет образцовых ферм; что лошади скоро вовсе исчезнут, если не будет принадлежащих ПРАВИТЕЛЬСТВУ [24] конных заводов; что отцы не будут воспитывать детей или станут внушать им безнравственные правила, если ПРАВИТЕЛЬСТВО [25] не решит, чему следует учить, не укажет им программы и пр., и пр.

В ТАКИХ СТРАНАХ РЕВОЛЮЦИИ МОГУТ СЛЕДОВАТЬ ОДНА ЗА ДРУГОЙ, ОДНО ПРАВИТЕЛЬСТВО БУДЕТ СМЕНЯТЬСЯ ДРУГИМ, НО НАРОДОМ ВСЕ РАВНО БУДУТ ПРАВИТЬ ПО УСМОТРЕНИЮ И МИЛОСТИ ПРАВИТЕЛЯ (ИБО СКЛОННОСТЬ, КОТОРУЮ Я В НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ ОБСУЖДАЮ, ЭТО ИМЕННО ТОТ СТРОИТЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ, ИЗ КОТОРОГО СОСТОИТ ПРАВИТЕЛЬСТВО); и все это будет продолжаться до тех пор, пока, наконец, народ не убедится в том, что гораздо выгоднее относить возможно большее число услуг к разряду тех, которые обмениваются заинтересованными сторонами и по ценам, устанавливаемым в свободных переговорах⁹⁰.

Мы видели, что общество основано на обмене услугами; эти услуги должны быть хорошего качества и честны. Но мы показали также, что люди находят выгоду и потому непреодолимо стремятся к преувеличению относительной ценности оказываемых ими услуг. И я не вижу иного способа ограничить эти претензии, кроме как предоставив каждому человеку возможность свободно принимать или отказываться от предлагаемых ему услуг.

Именно поэтому некоторые люди прибегают к силе закона с целью ограничить естественное право других людей пользоваться этой свободой в полной мере.

Этот род ГРАБЕЖА [26] называется привилегией или монополией. Посмотрим, каковы его происхождение и основные свойства.

Каждому известно, что услуги, предлагаемые им на рынке, будут цениться и вознаграждаться пропорционально их редкости. Поэтому каждый будет

стремиться к тому, чтобы закон не допускал на рынок всех тех людей, которые могут предложить подобные же услуги, или, если для оказания услуги необходимо определенное средство производства, он станет просить, чтобы ему законом было предоставлено исключительное право им пользоваться⁹¹.

Так как этот вид грабежа составляет главный предмет настоящего труда, то я упомяну о нем здесь вскользь и ограничусь одним только замечанием. Когда монополия существует в единичных случаях, то она обогащает того, кого закон одарил этой привилегией. Может случиться, однако, что все классы производителей, вместо того чтобы стремиться к уничтожению монополий вообще, будут требовать для себя подобных же монополий.

Тем самым грабеж возводится в систему, вводящую в заблуждение всех поголовно, так что в конечном итоге каждый думает, что извлекает с рынка больше, тогда как доля каждого на этом рынке сократилась.

Нет надобности добавлять, что эта странная система сеет раздор не только между всеми классами народа и его сословиями, но и между народами; что она требует постоянного, но всегда непредсказуемого, вмешательства со стороны правительства; что поэтому она изобилует злоупотреблениями, составляющими предмет предыдущего раздела; что она ставит все отрасли промышленности в неустойчивое положение, избежать которого нет никакой возможности; и, наконец, что она приучает людей в деле обеспечения

себя средствами к существованию полагаться на закон, а не на себя. Трудно представить более побудительные поводы к общественным смутам⁹².

Оправдание

Быть может, скажут: «Зачем употреблять слово „грабеж“? Оно грубо, оно оскорбляет, раздражает и восстанавливает против нас людей спокойных и умеренных; именно оно вызывает отторжение». На это я отвечаю во всеуслышание, что я не касаюсь личностей, что я верю в искренность всех сторонников протекционизма и не считаю себя вправе сомневаться в их личной честности, в благородстве чувств и человеколюбии кого бы то ни было. Но я повторяю еще раз, что покровительство губительно и что оно есть плод заблуждения, жертвами и виновниками которого могут назваться все или по крайней мере огромное большинство людей. Вещи таковы, каковы они есть, и я ничего не в силах изменить.

Вообразите себе, положим, Диогена, который, высунув голову из бочки, говорит: «Афиняне, вам служат рабы; но подумали ли вы о том, что вы тем самым совершаете несправедливость и грабите ваших братьев?»

Или представьте себе трибуна, который выступает в форуме с такой речью: «Римляне, ваши средства существования основаны на последовательном грабеже всех народов».

Конечно, оба они высказали бы в этих словах неопровержимую истину; но можно ли было бы заключить

отсюда, что все жители Афин и Рима были бесчестными, что Сократ и Платон, Катон и Цинциннат были личностями, не достойными уважения?

У кого могла бы явиться подобная мысль? Несомненно, однако же, то, что эти великие люди жили в среде, которая затемняла в них сознание несправедливости. Известно, что Аристотель не мог даже представить себе, что общество могло существовать без рабов.

Рабство существует еще и в наши времена, и совесть не упрекает плантаторов, владеющих рабами. Целые армии служили также орудием великих завоеваний, или, иными словами, великого грабежа. Но разве это значит, что в них не было множества солдат и офицеров, отличавшихся такой личной порядочностью побуждений, какую редко встретишь в промышленном классе, людей, которых вогнала бы в краску одна только мысль о воровстве, которые предпочли бы скорее подвергнуться тысяче опасностей, нежели унизиться до чего-нибудь бесчестного?

Я порицаю не отдельных лиц, а общую тенденцию общественного мнения, увлекающую и ослепляющую их, тенденцию, в которой виновно все общество.

То же самое думаю я и о монополиях. Я обвиняю систему, а не отдельных лиц — общество в целом, а не конкретно кого-то из его членов. Если величайшие философы могли заблуждаться и не видеть несправедливости рабства, то насколько легче земледельцам и промышленникам обманываться относительно сущности и последствий протекционизма.

II.2. Два нравственных учения

Дочитав до конца предыдущую главу, если только достанет терпения, читатель, думаю я, непременно воскликнет: «Разве напрасно обвиняют экономистов в сухости и холодности взгляда? Что это за портрет человечества! Неужели грабеж, принимающий все возможные формы, использующий любой предлог, незаконно и посредством закона злоупотребляющий самым святым, извлекающий пользу из всего — из слабости и легковерия людей, и возрастающий тем быстрее, чем обильнее источники его питания, составляет роковую и неизбежную в обществе силу? Можно ли представить картину более печальную?»

Вопрос не в том, печальна ли она, а в том, правдива ли. История говорит, что правдива.

Впрочем, странно то, что люди, порицающие политическую экономию (или экономизм, как любят они называть эту науку) за то, что она изучает человека и мир такими, каковы они в действительности, сами придерживаются более мрачного взгляда, чем экономисты, по крайней мере в том, что касается прошлого и настоящего. Загляните только в книги и журналы социалистов: что вы увидите там? Желчь и злобу против общества, развившиеся до такой степени, что само слово «цивилизация» стало для них синонимом несправедливости, беспорядка и анархии. Они не верят в естественную способность рода человеческого улучшать и развивать гармонию, согласие между людьми, доходя до того, что проклинают

и саму свободу, которая, по их понятиям, влечет нас в бездну.

Правда, по отношению к будущему эти люди — оптимисты. Ибо, несмотря на то, что человечество неспособно руководствоваться собственным разумом; несмотря на то, что на протяжении 6000 лет оно шло по неверному пути, в конце концов явился пророк, который укажет ему дорогу к спасению. И если паства покорно последует за пастырем, он поведет ее в землю обетованную, где процветания можно достигнуть без всяких усилий, где порядок, безопасность и всеобщая гармония интересов будут приятной наградой за расточительность.

Человечество лишь должно позволить реформаторам изменить, как говорит Руссо, его физическую и нравственную природу.

Политическая экономия не ставит себе задачей исследовать, что было бы с обществом, если бы Бог сотворил человека не таким, каким Ему угодно было создать его. Может быть, достойно сожаления, что Проведение при сотворении мира не посоветовалось с некоторыми нашими современными социальными реформаторами. И как небесная механика была бы совершенно иначе устроена, если бы Творец ее спросил совета Альфонса Мудрого⁹³, точно так же и общественный порядок несколько не был бы похож на тот, в котором мы должны жить, дышать и двигаться, если бы Создатель не пренебрег мнением Фурье. Но так как мы уже живем в обществе, основанном на известном порядке, то нам остается лишь изучать

и познавать его законы, в особенности, если условия нашей жизни и их улучшение существенным образом зависят от этого знания.

Мы не можем воспрепятствовать тому, чтобы сердце человека не знало конца своим желаниям.

Мы не можем сделать и того, чтобы удовлетворение этих желаний не зависело от труда.

Мы не можем закрывать глаза на то, что труд противен человечеству, а его плоды притягательны.

Мы не можем сделать так, чтобы люди, поскольку это заложено в их природе, не стремились увеличить свою долю плодов труда, пытаясь посредством силы или обмана переложить его бремя на других.

Не в нашей воле уничтожить историю и заставить замолчать прошедшее, которое свидетельствует, что такой порядок вещей существовал издавна. Мы не можем отрицать, что война, рабство, крепостничество, теократия, избыток правительства, привилегии, всякого рода обман есть неопровержимое и ужасное проявление двух чувств, соединенных в самом сердце человека: влечения к плодам труда и отвращения к его бременю.

«В поте лица будешь есть хлеб свой». Но каждый из людей желает иметь как можно больше хлеба и как можно меньше пота. История неоспоримо это доказывает.

Но, слава Богу, история доказывает также, что плоды и усилия распределяются среди рода человеческого все более и более равномерно.

Если не отрицать очевидного, следует признать, что по крайней мере в этом отношении общество добилось определенных успехов.

В таком случае в обществе должна заключаться некая естественная, вложенная в него самим Провидением, сила, некий закон, все более и более вытесняющий принцип несправедливости и осуществляющий принцип справедливости.

Мы утверждаем, что эта сила существует в обществе и что ее вложил сам Бог. Если бы ее не было, мы были бы должны, как делают утописты, искать ее в мерах искусственных, в установлениях, требующих предварительного изменения физической и нравственной природы человека, или мы нашли бы, что такие поиски бесполезны и пусты, потому что нет возможности представить себе действие рычага без точки опоры.

Попробуем же определить ту благотворную силу, которая стремится постепенно превозмочь и уничтожить силу вредную, названную нами грабежом, существование которой легко доказывается разумом и подтверждается опытом.

Всякое вредное действие необходимо имеет два предела: один — где оно начинается, и другой — где заканчивается; человека, который выполняет действие, и человека, на которого оно направлено; или, выражаясь школьным языком, субъект и объект.

Таким образом, есть два способа предотвратить вредное действие: либо субъект добровольно удержится от него, либо объект будет сопротивляться.

Этот факт дает начало двум системам этики, которые, никоим образом не противореча друг другу, совпадают в своих выводах: РЕЛИГИОЗНАЯ, или

философская, этика и УТИЛИТАРИСТСКАЯ этика, которую я позволю себе назвать экономической.

РЕЛИГИОЗНАЯ ЭТИКА [27] для предотвращения вредного действия обращается к его автору, к человеку, представляющему активную сторону. Она говорит ему: «Исправься, очисти себя от пороков; перестань творить зло, твори добро; преодолевай страсти; жертвуй своими выгодами; не угнетай ближнего, которого ты обязан любить, которому обязан помогать; будь прежде всего справедлив, а затем милосерден».

Это учение более прекрасно и трогательно, чем второе; оно всегда будет показывать род человеческий во всем его величии, всегда будет служить оно лучшим вдохновением для красноречия, возбуждать восхищение и сочувствие людей.

Экономическая, или УТИЛИТАРИСТСКАЯ, система этики стремится к той же цели, но обращается к человеку, представляющему пассивную сторону. Она просто показывает человеку последствия его действий, тем самым побуждая его противодействовать осуществлению тех стремлений, которые могут повредить ему, и уважать те действия, которые приносят пользу. Это учение распространяет в угнетенных массах здравый смысл, знания и оправданное недоверие, что делает угнетение все более и более опасным.

Нужно заметить, что УТИЛИТАРИСТСКАЯ [28] этика оказывает влияние и на угнетателя. Вредный поступок производит и добро и зло: зло тому, кто ему подвергается, и добро тому, от кого он исходит. Без

этих условий он и не был бы предпринят. Но добро и зло далеко не уравниваются друг другом. Сумма дурных последствий всегда и необходимо перевешивает благотворные, потому что сам АКТ УГНЕТЕНИЯ [29] сопряжен с растратой энергии, вызывает опасность, провоцирует мщение, требует дорогостоящих мер предосторожности. Простое изложение всех этих последствий не ограничивается одним только противодействием ему со стороны угнетенного, оно привлекает на сторону справедливости всех людей с неразвращенным сердцем и ставит под удар БЕЗОПАСНОСТЬ САМИХ УГНЕТАТЕЛЕЙ [30].

Но легко понять, что этическое учение, которое выражено скорее неявно, чем явно; которое в конечном счете есть лишь научное доказательство; которое может даже частично потерять свою эффективность, если изменит свой характер; которое адресуется не к сердцу, а к разуму; которое стремится убедить, а не уверить; которое не дает вам совета, а предоставляет доказательства, назначение которого состоит не в том, чтобы взволновать, а в том, чтобы просветить; которое уничтожает зло не иначе, как лишая его пищи — легко понять, повторяю я, почему это учение обвиняют в сухости и в прозаичности.

Этот упрек не лишен основания, хотя он и несправедлив. Делать упрек такого рода, значит обвинять политическую экономию в том, что она не говорит обо всем, не дает ответов на все вопросы, не есть наука универсальная. Но разве кто-либо говорил о таких непомерных притязаниях с ее стороны?

Обвинение было бы справедливо лишь в том случае, если бы политическая экономия претендовала на применимость своих методов ко всей области морали и имела бы дерзость запрещать философии и РЕЛИГИИ применять их прямые методы, направленные на усовершенствование человечества.

Пусть так называемая моральная философия в собственном смысле и политическая экономия действуют вместе — первая, вскрывая всю гнусность злого поступка, клеймит его позором в нашей совести, а вторая, представляя картину сопровождающих его последствий, дискредитирует его в нашем суждении.

Признаем даже, что триумф РЕЛИГИОЗНОГО МОРАЛИСТА [31], когда он достигается, более благороден, утешителен и фундаментален. Но вместе с тем нельзя не согласиться, что экономическая наука достигает успеха, быть может, легче и вернее.

Ж.-Б. Сэй в нескольких строках выразил гораздо лучше, нежели это можно было бы изложить во многих томах, что для уничтожения беспорядка, причиненного лицемерием в каком-нибудь семействе, достойном уважения, есть два средства: исправить Тартюфа или сделать поумнее Оргона⁹⁴. Мольер — этот великий живописец сердца человеческого — никогда, кажется, не упускал из вида второго средства, как наиболее действенного. То же самое можно сказать и о целом мире.

Скажите мне, что делал Цезарь, и я определю характер римлян его времени.

Скажите мне, как действует современная дипломатия, и я опишу нравственное состояние народов.

Нам не нужно было бы платить почти 2 миллиарда франков налогов, если бы мы не делегировали право голосовать по ним тем, кто их расходует.

Мы избежали бы всех трудностей и сопутствующих издержек африканской проблемы⁹⁵, если были бы твердо убеждены в том, что в политической экономии, как и в арифметике, дважды два — четыре.

Г-н Гизо не имел бы случая сказать: «Франция достаточно богата для того, чтобы платить за свою славу», если бы Франция никогда не увлекалась ложной славой⁹⁶.

Тот же деятель никогда бы не заявил: «Свобода слишком ценна для Франции, чтобы торговаться по поводу ее цены», если бы Франция понимала, что большие правительственные расходы и свобода несовместимы.

Не монополисты, как обыкновенно думают, а то, что монополизировано, поддерживает монополии.

А что касается выборов, то не избиратели подкупаются, потому что есть желающие подкупить, а наоборот; доказательством может служить то, что сами же подкупленные лица оплачивают издержки подкупа. Не они ли в таком случае должны положить этому конец?

Итак, пусть религиозная этика [32], если сможет, смягчит сердца тартюфов, колонизаторов, синекуристов, монополистов и пр. Задача политической экономии — просветить жертв обмана.

Какой же из этих двух методов более эффективно содействует общественному развитию? Мне кажется, что последний. Боюсь, что человечеству сначала придется усвоить защитную этическую систему.

Сколько ни всматривался я в предмет, сколько ни читал, ни наблюдал и ни исследовал его, я всегда приходил к тому заключению, что никакое злоупотребление не уничтожалось добровольным отречением от него тех людей, которые извлекали из него пользу.

Напротив, я вижу, что многие злоупотребления уступают, когда сталкиваются с мужественным сопротивлением людей, страдающих от них.

Описание последствий злоупотреблений составляет, таким образом, самое действенное средство для их уничтожения.

В особенности это справедливо по отношению к тем злоупотреблениям, которые, подобно протекционистской системе, причиняя реальные бедствия широким народным массам, приносят лишь воображаемые и обманчивые выгоды тем, кто думает получить от них выгоду.

Но можно ли заключить из вышеизложенного, что утилитаристская этика [33] сама по себе может произвести то общественное совершенство, достижения которого желает и ожидает лучшая и наиболее благородная часть природы души человеческой? Я далек от этой мысли. Допустим повсеместное распространение в обществе этой защитной этической системы, которое в конечном итоге не что иное, как признание того, что правильно понимаемые интересы всех людей

согласуются со справедливостью и общим благосостоянием. Общество, в котором не было бы плутов единственно потому, что некого было бы обманывать, в котором порок, существующий скрытным образом и, так сказать, только оцепеневший от недостатка пищи, может снова ожить, как только попадет в питательную среду; общество, в котором каждый человек поступает благоразумно только потому, что он видит за собой постоянный надзор, в котором, наконец, реформа, приводя в порядок одни лишь внешние действия, ограничивается только наружной оболочкой и не проникает в глубину сознания людей, — такое общество, говорю я, даже и в благоустроенном виде имело бы весьма мало привлекательного. Иногда мы видим воплощение этого общества в лице приверженцев строгой справедливости, готовых сопротивляться малейшим посягновениям на их права и бдительно ожидающих нападения из-за каждого угла. Вы будете, может быть, уважать таких людей, будете удивляться им, выберете их в депутаты, но не подружитесь с ними.

Вместо того, чтобы заниматься взаимными обвинениями, оба нравственных учения должны действовать заодно, преследуя порок с двух сторон. В то время, как экономисты делают свое дело, выводят из заблуждения Оргонов, искореняют предрассудки, вызывают справедливое и необходимое недоверие, изучают и излагают истинную природу вещей и действий, пусть учителя РЕЛИГИОЗНОЙ нравственности выполняют свою часть работы, хотя и более привлекательную, но зато и более трудную. Пусть поражают они несправедливость,

преследуют ее в самых сокровенных изгибах человеческого сердца; пусть раскрывают они прелести милосердия, самоотвержения, самопожертвования; пусть ищут они источник добродетели там, где мы можем лишь осушить источник порока: это их задача. Она благородна и прекрасна. Но зачем им оспаривать полезность задачи, доставшейся на нашу долю?

Разве не будет общество, которое, не будучи совершенно добродетельным, но тем не менее хорошо управляемое экономической системой этики (под которой я понимаю не что иное, как знание политической экономии), создавать условия для распространения РЕЛИГИОЗНОЙ МОРАЛИ [34]?

Привычка, говорят, вторая натура.

Страна, в которой каждый издавна отвык от несправедливости потому только, что она встречает постоянный отпор просвещенного общественного мнения [35], все равно была бы неуютным местом для жизни. Но мне кажется, что она была бы хорошо подготовлена к принятию более возвышенного, чистого учения. Отвыкнуть от зла, значит, уже сделать великий шаг к добру. Люди не могут оставаться в одном и том же положении. Оставив путь порока, который ведет только к одному позору, они полнее осознают прелесть добродетели.

Возможно, общество должно пройти через это прозаическое состояние, в котором люди добродетельны по расчету, чтобы затем они могли вознестись в те поэтические сферы, где они уже не будут нуждаться в таком мотиве.

II.3. Два топора

Прощение плотника Жака Бонома г-ну Кюннен-Гриддену⁹⁷, министру торговли

Милостивый государь г-н фабрикант-министр!

Я ТАКОЙ ЖЕ плотник, КАК ИИСУС ХРИСТОС, владею топором и рубанком и всегда готов к Вашим услугам.

Когда я рубил и обтесывал с ранней зари и до поздней ночи во владениях нашего короля, мне пришло на ум, что мой труд так же *национален*, как и Ваш.

И с тех пор я думаю: почему бы *покровительству* не посетить и мою мастерскую, как посещает оно Вашу фабрику?

Ибо если Вы ткете сукна, то я строю крыши — оба мы, только различными способами, укрываем наших клиентов от холода и дождя.

А между тем я сам ищущу клиентов, тогда как клиенты ищут Вас. Вы сумели заставить покупателей обращаться к Вам, запретив обращаться за сукном к кому-нибудь другому, кроме Вас, тогда как в моем деле заказчики обращаются к кому им вздумается.

Что же тут удивительного? Г-н Кюннен, сделавшись министром, вспомнил о Кюннене-суконщике. Это так естественно. Но, увы, мое скромное ремесло не произвело из своей среды ни одного министра для Франции. Никто не сказал в пользу плотников ни одного слова, которое уполномочивало бы их обогащаться за счет других, как делаете Вы.

Итак, взгляните на мое положение. Я зарабатываю по 30 су в день, не считая воскресных и праздничных

дней. Если я предложу Вам свои услуги одновременно с фламандским плотником, то за какой-нибудь су уступки Вы предпочтете его мне.

Если же я захочу одеться и какой-нибудь бельгийский суконщик предложит мне свое сукно вместе с Вашим, то Вы прогоните его из страны вместе с его сукном.

Таким образом, поневоле отправляясь за покупками в Вашу лавку, притом самую дорогую, мои несчастные 30 су на деле обращаются в 28 су. Что я говорю? Они не стоят и 26 су, ибо Вы, вместо того чтобы изгнать бельгийского суконщика за собственный счет, заставляете меня еще платить тем людям, которым вы для Вашей же выгоды поручаете преследовать бельгийца.

А так как большинство Ваших товарищей-законодателей, с которыми Вы отлично понимаете друг друга, берут с меня 1 или 2 су каждый под предлогом покровительства то железу, то каменному углю, то маслу и хлебу, то, в конце концов, не спасти мне от ГРАБЕЖА и 15 су из 30, которые я зарабатываю.

Вы, без сомнения, возразите мне, что эти су, которые переходят без вознаграждения из моего кармана в Ваш, дают возможность людям жить около Вашего замка, а Вам — вести широкую жизнь. На это я заметил бы Вам, что если Вы оставите эти деньги в моем кармане, то они также дадут возможность людям жить около меня.

Как бы то ни было, г-н министр-фабрикант, но я, зная, что дурно буду принят Вами, не иду к Вам прямо

требовать (на что имею, однако, полное право) уничтожения тех стеснений, которые Вы навязываете Вашим клиентам, а предпочитаю идти по общей проторенной дороге и покорнейше просить Вас оказать и мне какое-нибудь покровительство.

Но здесь явится у Вас такое затруднение. «Друг мой, — скажете Вы мне, — я бы охотно оказал покровительство тебе и твоим товарищам, но скажи, как приладить таможенные льготы к работе плотников? Запретить, что ли, ввоз домов как сушей, так и морем?»

Да, это было бы довольно смешно; но, не оставляя своей мечты, я нашел другой способ оказать покровительство детям св. Иосифа, и Вы, я надеюсь, тем охотнее примете его, что он ничем не отличается от приема, составляющего привилегию, которую Вы ежегодно устанавливаете сами для себя.

Это удивительное средство заключается в запрещении употреблять во Франции острые топоры.

Я утверждаю, что такое запрещение не более нелогично и не более произвольно, как и то, которому Вы подвергаете нас относительно Вашего сукна.

За что Вы изгоняете бельгийцев? За то, что они продают дешевле Вас. А почему они продают дешевле? Потому что они, как ткачи, имеют какое-нибудь преимущество перед Вами.

Между Вами и каким-нибудь бельгийцем такая разница, какая существует между тупым и острым топорами. И Вы заставляете меня, плотника, покупать у вас изделия, сделанные тупым топором.

Представьте себе Францию как работника, который хочет своим трудом добыть необходимые ему предметы, в том числе и сукно.

Для этого есть у него два способа: во-первых, самому прясть и ткать шерсть, во-вторых, изготавливать, например, стенные часы, обои или вино. И обменивать их потом у бельгийцев на сукно.

Самый верный из этих двух способов, дающий наилучший результат, может представлять собой острый топор, а другой способ — тупой топор.

Ведь Вы же не отрицаете, что в настоящее время во Франции гораздо труднее получить штуку сукна из-под ткацкого станка (это тупой топор), чем виноградную лозу (это острый топор). Вы настолько не отрицаете этого, что ради именно этого *излишка труда* (в чем, собственно, и полагаете Вы богатство) и рекомендуете, даже больше — *навязываете*, нам худший из двух топоров.

Но будьте же последовательны, будьте беспристрастны, если уж не хотите быть справедливы, и поступайте с бедными плотниками точно так, как Вы поступаете с самим собой.

Издайте закон, в котором было бы сказано: «Никто не может пользоваться другими брусьями и бревнами, как только нарубленными тупыми топорами».

Вот что произойдет тогда.

Если теперь мы делаем сто ударов топором, то будем делать их триста. То, что мы делаем за один час, потребует трех часов работы. Какое мощное поощрение для труда! Всех существующих в нашем ремесле

учеников, подмастерьев и мастеров будет уже недостаточно для удовлетворения всех клиентов. Нас забросают заказами, а следовательно, увеличится и наша заработная плата. Кому понадобится крыша, должен будет подчиниться нашим требованиям точно так же, как теперь всякий желающий приобрести сукно вынужден подчиняться Вашим требованиям.

И пусть только осмелятся когда-нибудь теоретики, защитники свободной торговли, усомниться в пользе предложенной нами меры. Мы сумеем найти опровержение их толкам. У нас под рукой ПАРЛАМЕНТСКИЙ ОТЧЕТ [36], составленный в 1834 году. Мы уничтожим всех теоретиков, потому что там Вы превосходно защищаете причину всяких запрещений, а вместе с тем и тупые топоры.

II.4. Нижний совет труда

Неужели у нас достанет духа требовать для каждого гражданина права продавать, покупать, обменивать, оказывать услуги и получать услугу за услугу и, наконец, судить самому о своих делах, с тем лишь условием, чтобы он не нарушал долга справедливости и верно платил в общественную казну лежащие на нем подати? Вы хотите отнять у работников работу, заработную плату и хлеб?

Вот что говорят нам, и я знаю, как принимать эти слова; но я хотел только убедиться: какого мнения об этом сами работники. У меня под рукой было превосходное средство для исследования этого вопроса. То не были те *высшие промышленные советы*, где богатые собственники, называющие себя земледельцами, где капиталисты, судовладельцы, воображающие, что они моряки, и богачи, акционеры, желающие прослыть работниками, предаются тем гуманистическим идеям, которые так известны каждому из нас.

Нет, то были настоящие работники, работники в истинном смысле этого слова — столяры, плотники, каменщики, портные, сапожники, красильщики, кузнецы, трактирщики, пряничники и пр., и пр., основавшие в моей деревне общество взаимопомощи.

Я преобразовал его собственной властью в *нижний совет труда* и получил от него доклад, стоящий любого исследования, хотя он не загроможден цифрами и не раздут до размеров тома in quarto, напечатанного за счет государства.

Мне хотелось узнать от этих людей, какое влияние на них оказывает покровительственная система и какого они мнения о ней. Президент заметил мне, что подобным вопросом я нарушаю в определенном смысле условия существования общества. Потому что во Франции, в этой стране свободы, люди, объединяющиеся в ассоциацию, отказываются от СВОЕГО ПРАВА рассуждать между собой о политике, т.е. о своих общих интересах. Однако после долгого размышления он предложил мой вопрос на рассмотрение совета. Все собрание было разделено на столько комиссий, сколько было в нем групп, составленных из людей одного и того же ремесла. Каждой из этих комиссий был предложен бланк для внесения в него, по окончании прений, ответов, для чего отведено было 15 дней.

В назначенный срок почтенный президент занял свое кресло (выражаясь официальным языком, а на самом деле он сел на простой стул) и нашел на своем бюро (тоже официальный термин, потому что это был обыкновенный стол) 15 докладов, которые он прочел поочередно. Первый попавшийся доклад был от *портных*.

Вот точная с него копия.

Действие покровительства, доклад портных

УЩЕРБ

1. Вследствие покровительственной системы мы платим дороже за хлеб, говядину, сахар, дрова, нитки, иголки и т.д., что соответствует для нас значительному уменьшению заработной платы.
2. Вследствие покровительственной системы наши покупатели также платят гораздо дороже за все предметы и у них остается меньше денег, которые они могут расходовать на одежду, из чего следует, что у нас бывает меньше работы, а потому и меньше прибыли.
3. Вследствие покровительственной системы материи дорожают, каждый старается дольше носить свою одежду или обходиться меньшим количеством одежды. Это также уменьшает спрос на нашу работу и заставляет нас предлагать услуги по более низкой цене.

ВЫГОДЫ

1. Несмотря на принятые нами меры, нам было невозможно найти в покровительственной системе ничего такого, что представляло бы выгоду для нашего ремесла.

Вот другой доклад, сделанный *кузнецами*.

Действие покровительства

УЩЕРБ

1. Покровительственная система берет с нас налог, не поступающий в казну, за то, что мы едим, пьем, отопливаем наше жилище и одеваемся.
2. Она берет подобный же налог со всех наших сограждан, не занимающихся кузнечным ремеслом, которые, беднея от этого налога, по большей части употребляют деревянные гвозди вместо железных и заменяют замки на дверях веревкой; таким образом мы лишаемся некоторой доли работы.
3. Она повышает до такой степени цену на железо, что его не используют в нашей местности ни для плугов, ни для балконов, ни для решеток, и наше ремесло, которое могло бы дать занятие стольким людям, нуждающимся в работе, не дает даже нам самим достаточных средств к жизни.
4. То, чего лишается казна по причине невозможности ввоза товаров вследствие высокой пошлины, взимается с нас.

ВЫГОДЫ

Никаких.

Все остальные доклады, от ознакомления с которыми я избавляю читателя, заключали в себе ту же песню, только на другой лад.

Садовники, плотники, сапожники, башмачники, лодочники, мельники — все приносили одну и ту же жалобу.

Я сожалел только о том, что в нашем обществе не состояли земледельцы. Их доклад был бы наверно весьма поучительным.

Но, увы, в наших Ландах⁹⁸ бедные земледельцы, несмотря на покровительство, не имеют ни гроша денег. Мнимые благодеяния покровительства не мешают им быть париями нашего общества.

Нечего уже и говорить о виноделах. Что преимущественно обратило на себя мое внимание? Это — здравый смысл наших поселян, при помощи которого они понимают не только прямое зло, причиняемое им покровительственной системой, но и тот косвенный вред, который, обращаясь сперва на покупателей, обращается затем и на них самих.

Этого-то, кажется, не понимают, сказал я сам себе, экономисты, пишущие в *Moniteur industriel* (*Промышленный вестник*). Может быть, люди, которых ослепляет оказываемое им покровительство, а именно земледельцы, и отказались бы от него, если бы взглянули на вопрос с этой стороны. Может быть, они сказали бы сами себе: «Лучше производить без всякой посторонней помощи среди зажиточных покупателей, нежели пользоваться покровительством среди обедневшего населения».

Стремиться обогатить поочередно все отрасли промышленности, опустошая последовательно местности, в которых они развиваются, то же самое и так же бесполезно, как задумать перепрыгнуть через свою собственную тень.

II.5. Высокие и низкие цены⁹⁹

Я считаю своей обязанностью представить читателям несколько замечаний, но, увы, теоретических, о тех заблуждениях, которые возникают из выражений: «высокие цены» и «низкие цены». На первый взгляд, я знаю, мои замечания найдут слишком утонченными; но здесь идет речь не об утонченности их, а о том, насколько они правильны.

Со своей стороны, я считаю их не только абсолютно верными, но и способными заставить задуматься большое число людей, искренно верующих в благотворную силу протекционизма.

Как приверженцам свободной торговли, так и защитникам ограничений, равно приходится употреблять выражения «высокие цены» и «низкие цены». Первые стоят за низкие цены, имея в виду выгоды потребителя, вторые объявляют себя на стороне высоких цен, заботясь преимущественно о производителе. Некоторые занимают промежуточную позицию и говорят: «Производитель и потребитель — это один и тот же человек»; поэтому невозможно сказать определенно, должен ли закон способствовать высоким или низким ценам.

Посреди такого столкновения понятий, у закона, кажется, не остается выбора: ему следовало бы предоставить ценам устанавливаться естественным образом. Но против этого восстают непримиримые враги невмешательства (*laissez faire*). Они настаивают на обязательном вмешательстве закона, не зная даже,

в каком направлении он должен действовать. Нам кажется, однако, что тот, кто хочет сделать закон орудием для достижения искусственно высоких или неестественно низких цен, должен был бы изложить причины своего желания и доказать их обоснованность. Бремя доказательства должно лежать исключительно на них. Отсюда следует, что свобода торговли должна признаваться благом до тех пор, пока не будет доказано противное, а свобода торговли заключается в том, чтобы предоставить ценам устанавливаться естественным путем.

Но в настоящее время роли поменялись. Приверженцам высоких цен удалось обеспечить торжество своей системы, и поэтому защитникам естественных цен приходится доказывать превосходство свободной торговли. Как с той, так и с другой стороны все доказательства зависят от смысла этих двух выражений. Следовательно, необходимо знать, что они означают.

Заметим прежде всего, что нередко возникали неожиданные явления, способные сбить с толку представителей обоих лагерей.

Чтобы повысить цены, защитники ограничений старались установить покровительственные пошлины, но, к их удивлению и разочарованию, цены снижались.

Чтобы понизить цены, приверженцам свободной торговли удавалось иногда избавлять ее от стеснений, и, к величайшему их удивлению, последствием принятых ими мер являлось повышение цен.

Например, во Франции, в целях поощрения земледелия, на иностранную шерсть была установлена

импортная пошлина в 22%, но затем местная шерсть стала продаваться по более низкой цене, чем прежде.

В Англии в интересах потребителя была сначала уменьшена, а потом окончательно уничтожена пошлина на ввоз иностранной шерсти, а английская шерсть стала продаваться дороже, чем когда-либо.

И это не единичные явления, ибо в цене шерсти нет ничего уникального, что делало бы ее исключением из общего закона, который управляет ценами всех товаров. Это явление повторяется каждый раз, когда складываются аналогичные обстоятельства. Против всех ожиданий, покровительство часто вызывало понижение, а конкуренция — повышение цен на товары.

В таких случаях споры становились в высшей степени путанными. Протекционисты говорили своим противникам: «Низкие цены, которые вы перевозносите, есть следствие нашей системы». А последние отвечали им: «Именно свобода торговли вызывает высокие цены, признаваемые вами столь полезными»*.

Но не смешно ли, что выражение «низкие цены» стало паролем на улице Готвилль, а «высокие цены» на улице Круазет?¹⁰¹

Очевидно, что причина этого недоразумения — заблуждение, которое нужно уничтожить, что я и попытаюсь сделать.

---

* Недавно г-н Дюшатель¹⁰⁰, который прежде выступал в защиту свободной торговли с точки зрения низких цен, заявил в законодательном собрании: «Мне нетрудно доказать, что протекционизм способствует низким ценам».

Представим себе две изолированные страны, с населением 1 миллион жителей каждая. Положим, что при одних и тех же условиях в одной из этих стран хлеба, мяса, железа, топлива, книг, одежды и прочего ровно вдвое больше, чем в другой. Очевидно, что одна из стран вдвое богаче другой.

Между тем нет никакого основания утверждать, что денежные цены в этих странах будут различны. Может быть, они даже будут выше у народа более богатого. Может быть, в Соединенных Штатах номинально все дороже, нежели в Польше, но тем не менее американцы лучше обеспечены во всех отношениях, из чего можно заключить, что не денежные цены товаров, а их изобилие составляет богатство народа. Следовательно, для сравнительной оценки последствий протекционизма и свободы торговли нет надобности задавать себе вопрос о том, какие цены они порождают — низкие или высокие; необходимо только знать, какая система ведет к изобилию, а какая к недостатку?

Это происходит потому, что если товары обмениваются на товары, то относительный недостаток или относительное обилие всего не приводит к изменению денежных цен товаров, но оказывает влияние на относительное благосостояние жителей обеих стран.

Рассмотрим этот вопрос несколько подробнее.

Когда повышение и понижение импортных пошлин сопровождается указанными нами последствиями, столь противоположными тем, которых от них ожидали, т.е. когда наложение пошлины производило нередко падение цен, а за освобождением от нее

следовало иногда подорожание соответствующих товаров, то политической экономии необходимо найти объяснение этому явлению, которое противоречит общепринятым представлениям; наука, если только она достойна этого названия, есть не что иное, как достоверное изложение и правильное объяснение явлений.

Впрочем, изучаемое нами явление весьма легко объясняется обстоятельством, которого никогда не следует упускать из виду, а именно, что высокие цены могут иметь две, а не одну причину.

То же самое можно сказать и о низких ценах.

Одним из наиболее устоявшихся принципов политической экономии является положение, что цена определяется соотношением спроса и предложения.

Таким образом, на изменение цены влияют два фактора: спрос и предложение. Оба они весьма изменчивы. Они могут действовать как в одном и том же направлении, так и разнонаправленно, причем в бесконечно изменяющихся пропорциях. Отсюда проистекает бесконечное разнообразие цен.

Цена может повышаться как потому, что уменьшается предложение, так и оттого, что увеличивается спрос. Она понижается вследствие уменьшения спроса или увеличения предложения. Отсюда два типа высоких цен и два типа низких цен.

Бывают высокие цены вредного свойства: по причине сокращения предложения. Они указывают на недостаток товаров и всегда сопряжены с лишениями (именно к этому типу относятся высокие цены на зерно в нынешнем году). Другой тип высоких цен,

по причине высокого спроса, служит добрым признаком, ибо он предполагает повышение общего уровня благосостояния.

Точно так же и низкие цены бывают желательны, если источником их служит изобилие, и достойны сожаления, если причина их лежит в уменьшении спроса, в обеднении покупателей.

Теперь потрудитесь заметить, что политика протекционизма вызывает одновременно как высокие, так и низкие цены вредного свойства: вредные высокие цены — тем, что она уменьшает предложение (что является ее открыто провозглашаемой целью), и вредные низкие цены — тем, что уменьшает спрос, поскольку задает ложное направление капиталам и труду, обременяет покупателей налогами и всякого рода ограничениями.

Эти два действия по отношению к их влиянию на цены взаимно уравнивают одно другое, и именно поэтому данная система, ограничивая одновременно и спрос, и предложение, в долгосрочной перспективе не приводит к высоким ценам, являющимся ее целью.

Однако в том, что касается уровня жизни людей, эти тенденции не нейтрализуют друг друга; напротив, они обе работают на уменьшение их благосостояния.

В свою очередь, результаты свободной торговли прямо противоположны. В общих своих последствиях, быть может, и она также не приводит к ожидаемым от нее низким ценам, потому что она равным образом порождает две тенденции: во-первых, к желаемым низким ценам путем увеличения предложения,

т.е. посредством изобилия, и, во-вторых, к одобряемым высоким ценам в результате расширения спроса, т.е. увеличения всеобщего богатства. Эти две тенденции, уравнивая друг друга, не оказывают влияния на изменение денежных цен, но работают на повышение благосостояния людей.

Одним словом, в результате политики протекционизма постепенно уменьшаются и предложение и спрос; под влиянием же свободы торговли они одновременно увеличиваются, не обязательно приводя к изменению денежных цен. По ценам нельзя судить о богатстве народа. Они вполне могут оставаться неизменными и когда общество будет погружаться в крайнюю бедность, и когда благосостояние его будет постоянно возрастать.

Следующие замечания могут послужить краткой иллюстрацией этой точки зрения.

Земледелец южной Франции считает себя чуть ли не владельцем перуанских рудников, поскольку пользуется таможенным покровительством против иностранной конкуренции. Не важно, что он беден, как Иов, он тем не менее думает, что рано или поздно политика протекционизма сделает его богатым. Если при таких обстоятельствах задать ему вопрос, сформулировав его так, как это делает комитет Одье¹⁰²: «Хочешь ли ты подвергнуться иностранной конкуренции — да или нет?», то его первой реакцией будет: «Нет». И комитет Одье с гордостью оповестит всех об этом ответе.

Но следует вникнуть поглубже в сущность дела. Конечно, иностранная конкуренция, как и всякая

конкуренция вообще, тягостна, и если бы какая-нибудь отрасль промышленников могла избавиться от нее, то на протяжении некоторого времени действующие в ней предприятия получали бы высокую прибыль.

Но покровительство — не изолированная привилегия, это система. Если к выгоде земледельца оно стремится создать недостаток в зерне и мясе, то вместе с тем оно, к выгоде других промышленников, создает недостаток в железе, сукне, топливе и т.д. или, вернее сказать, недостаток во всех товарах.

Но если недостаток зерна вследствие уменьшения его предложения ведет к повышению его цены, то недостаток других предметов, на которые обменивается зерно, уменьшая спрос, ведет к понижению цен на него; таким образом, нет никакого основания с достоверностью предполагать, чтобы в долгосрочной перспективе цена зерна хоть на один сантим была выше той, по которой оно продавалось при господстве свободной торговли; здесь определенно можно утверждать только то, что в стране всех товаров будет меньше прежнего и потребности каждого отдельного лица будут удовлетворены хуже.

В действительности, земледелец должен задать себе следующий вопрос: не улучшилось ли бы его положение в том случае, если бы из-за границы ввозилось некоторое количество зерна и скота, при том, что, с другой стороны, он был окружен богатым народонаселением, которое бы имело возможность потреблять все продукты земледелия и платить за них?

Положим, что в каком-нибудь департаменте Франции люди ходят в рубищах, живут в развалившихся домиках и питаются одними каштанами. Как же желать после этого, чтобы там могло процветать земледелие? Какую продукцию должен производить земледелец в таком департаменте с некоторой надеждой получить должное вознаграждение за труд? Мясо? Его не едят. Молоко? Народ пьет только воду. Масло? Но это роскошь. Шерсть? Без нее стараются обойтись, насколько это возможно. Неужели же ограниченное потребление не будет иметь последствием падения цен на все товары, несмотря на то, что покровительство будет стремиться действовать на цены в обратном направлении.

То, что мы говорим о земледельцах, может быть применено и к фабриканту. Производители сукон утверждают, что иностранная конкуренция понизит цены, увеличив предложение. Пусть так; но разве эти цены не будут вместе с тем повышаться от увеличения спроса? Кто станет утверждать, что потребление одежды представляет всегда величину постоянную и неизменную? Есть ли основание думать, что каждый обеспечен сукном настолько, насколько он мог бы и должен бы быть им обеспечен? Если бы всеобщее богатство возросло от уничтожения покровительственных пошлин и других препятствий, то не подумало ли бы население данной страны прежде всего о том, чтобы потратить деньги на приобретение лучшей одежды?

Вопрос, как всегда, заключается, следовательно, не в том, благоприятствует ли покровительство развитию

той или другой отдельной отрасли промышленности, а в том, является ли ограничение по своей природе более производительным, чем свобода торговли, если только взвесить и принять в расчет все производимые товары. Но этого никто не рискнет утверждать. Иначе нам постоянно бы не говорили, что мы «в принципе правы».

Если это так, если ограничение благоприятствует развитию отдельных отраслей промышленности, только причиняя вред развитию всеобщего богатства, то поймите же наконец и то, что денежные цены сами по себе выражают только отношения между конкретной отраслью промышленности и промышленностью в целом, т.е. между предложением и спросом; и, соответственно, выгодная цена, являющаяся главной целью покровительства, не только не реализуется, но и вообще становится невозможной¹⁰³.

Дополнение

Под заглавием «Высокие и низкие цены» я напечатал статью, по поводу которой получил два письма. Приглааю здесь эти письма, и мой ответ на них.

«Господин редактор!

Вы совершенно сбиваете меня с толку. Я старался распространять понятия о пользе свободной торговли и ссылался на дешевизну; в доказательство моих слов я провозглашал везде, что „при господстве свободы торговли понизятся цены на хлеб, мясо, сукно, белье, железо, топливо“. Это не нравилось тем, кто занимается продажей этих предметов, но доставляло

удовольствие тем, кто покупает их. Теперь же вы подвергаете сомнению то, что низкие цены являются главным следствием свободной торговли. Но в таком случае, какая от нее польза? Что выиграет народ от иностранной конкуренции, которая может повредить сбыту его продукции, если она не облегчит приобретения необходимых ему предметов?»

«Господин приверженец свободной торговли!

Позвольте вам заметить, что вы только наполовину прочитали статью, которая вызвала ваше письмо. Мы говорили в ней, что свободная торговля производит то же самое действие, что и дороги, каналы, железные дороги, как и все то, что облегчает сообщение и уничтожает препятствия. На первом этапе свобода торговли ведет к увеличению изобилия тех товаров, которые освобождаются от ввозной пошлины, и тем самым понижает на них цену. Но, увеличивая вместе с тем изобилие всех товаров, на которые обмениваются товары, освобожденные от пошлины, она повышает спрос на последние и тем самым повышает цены. Вы спрашиваете меня: что выиграет от этого народ? Представьте себе уравновешенные весы с несколькими чашами, на каждой из которых находится определенное количество какого-нибудь товара. Если вы добавите на одну из чаш немного зерна, то она станет опускаться; но если вы на каждую из остальных добавите немного сукна, железа, топлива, то равновесие между ними снова восстановится. Если вы посмотрите потом на коромысло весов, то не заметите никакой перемены. Но если вы обратите внимание на

народ, то увидите, что он лучше прежнего снабжен и пищей, и одеждой, и топливом».

«Господин редактор!

Я фабрикант сукон и защитник покровительства. Признаюсь, ваша статья о *высоких и низких ценах* заставила меня призадуматься. В словах ваших есть что-то убеждающее, что может заставить обратиться к вашему образу мыслей, если вы предложите неопровержимое доказательство ваших принципов».

«Господин защитник покровительства!

Я утверждаю, что запретительные меры имеют целью несправедливость, а именно *искусственно высокие цены*. Но я не говорю, чтобы надежды тех, кто устанавливает эти меры, всегда осуществлялись. Несомненно только то, что они подвергают потребителя всем вредным последствиям высоких цен, но нельзя с такой же определенностью утверждать, что повышение цен обязательно приносит выгоду производителям. Почему, спросите вы. А потому, что если меры эти уменьшают предложение, то они также уменьшают и спрос. Это доказывает, что в экономическом устройстве мира есть нравственная, целебная сила, которая, рано или поздно, приводит человека, упорно и несправедливо чего-нибудь домогавшегося, к убеждению, что он обманулся в своих расчетах.

Заметьте себе, милостивый государь, что одним из условий процветания отдельных отраслей промышленности есть всеобщее богатство. Цена дома зависит не только от того, во что обошлась его постройка, но также от числа и степени богатства квартироръемщиков.

Одинаково ли стоят два совершенно похожих дома? Конечно, нет, если один дом находится в Париже, а другой — в Бретани. Никогда не следует говорить о цене, не принимая в расчет той среды, в которой она существует; не должно также забывать и того, что все старания основать благосостояние частей на разрушении целого остаются всегда бесплодными. А между тем именно на это нацелена политика протекционизма.

Конкуренция всегда была и будет неприятной для того, кто с ней сталкивается. Поэтому-то мы видим, что во все времена и во всех странах люди стремятся от нее избавиться. Нам известен (а может быть, также и вам) один городской совет, в котором местные купцы ведут с иногородними упорную войну. Они стреляют друг в друга всеми возможными сборами, акцизом, лицензиями, дорожными пошлинами и пр., и пр.

Но подумайте, что случилось бы с Парижем в том случае, если бы эта война была развязана там?

Предположите, что первый сапожник, который поселился бы там, успел вытеснить всех остальных; что первый портной, первый каменщик, первый печатник, первый часовщик, первый парикмахер, первый врач, первый булочник были бы столь же счастливы, как и сапожник. В таком случае Париж и до сих пор все еще был бы деревней в 1200 или 1500 жителей. Но судьбе угодно было распорядиться иначе. Каждый производитель (за исключением тех, кого вы еще и теперь не пускаете) свободно приходил в Париж заниматься своим ремеслом, благодаря чему город превратился в огромный мегаполис. Это вызывало

раздражение врагов конкуренции, но Париж сделался городом в миллион жителей. Общий уровень богатства, несомненно, повысился; но повредило ли это частному благосостоянию сапожников и портных? Вот вопрос, касающийся собственно вас. Если бы вы увидели, как в Париж стекаются новые конкуренты сапожников, вы сказали бы: цена на сапоги снизится. Но было ли это так на самом деле? Нет, потому что вместе с увеличением предложения увеличился и спрос.

То же самое, милостивый государь, будет и с сукном, если вы допустите его свободный ввоз. У вас, конечно, будет больше соперников, но зато будет и больше покупателей, и главное, покупатели эти будут богаче нынешних. Неужели же вы никогда не задумывались о том, что девять десятых ваших соотечественников не имеют зимней одежды, для которой вы так хорошо выделываете сукна.

Если вы желаете процветать, позвольте процветать вашим потребителям. На усвоение этого урока вам потребовалось слишком много времени.

Когда этот совет будет усвоен в полной мере, тогда каждый из нас будет искать своего благосостояния в благосостоянии всеобщем, и зависть одного лица к другому, города к городу, области к области, народа к народу перестанет возмущать спокойствие мира».

II.6. Ремесленникам и работникам¹⁰⁴

Многие газеты обвиняли меня перед вами. Не пожелаете ли прочитать мой ответ им?

Я не отличаюсь недоверчивостью. Если кто-нибудь пишет или говорит что-либо, я верю, что они думают так на самом деле.

Однако, когда я читаю и перечитываю газеты, которым приходится отвечать, мне все кажется, что я нахожу прискорбные доказательства обратного.

О чем идет речь в этих газетах?

В них разбирается вопрос о том, что для вас выгоднее: протекционизм или свобода торговли?

Я полагаю, что свобода торговли, а они думают, что протекционизм; каждый из нас должен, следовательно, доказывать свое мнение.

Неужели для этого необходимо было распространять слухи о том, что мы — агенты Англии, юга Франции, правительства?

Но посмотрите, как легко нам ответить тем же.

Они утверждают, что мы — агенты англичан на том основании, что некоторые из нас употребляли слова *meeting*, *free trader* (собрание, защитник свободной торговли)! А разве они не употребляют слов *drawback*, *budget* (возвратная пошлина, бюджет)?

Мы подражаем будто бы Кобдену и английской демократии.

А они разве не пародируют Бентинка и британскую аристократию?¹⁰⁵

Говорят, что мы заимствуем у вероломной Англии учение о свободе торговли. А разве они не заимствуют у нее доказательств в пользу преимуществ покровительственной системы?

Говорят, что мы находимся под влиянием Бордо и Юга! А они разве не потворствуют алчности Лилля и Севера?¹⁰⁶

Мы прикрываем будто бы тайные замыслы кабинета министров, который таким образом пытается отвлечь внимание публики от своей политики!

А они разве не выражают интересов государственного аппарата, который более, чем кто-либо еще, выигрывает от политики протекционизма?

Вы видите, что если бы мы не презирали такого рода войны, у нас не было бы недостатка в оружии.

Но речь не об этом.

Вопрос, которого я никогда не потеряю из виду, заключается в следующем.

Что лучше для рабочего класса: иметь или не иметь право свободно покупать необходимые для него предметы за пределами государства?

Вам говорят: «Если предоставить вам свободу покупать за границей те предметы, которые вы сейчас производите сами, то вы не станете их производить; вы останетесь без работы, без заработной платы и без хлеба; следовательно, вашу свободу ограничивают ради вашего же блага».

Это возражение повторяется в разных видах. Говорят, например: «Если мы станем шить себе одежду из английского сукна, если мы станем делать плуги из

английского железа, если мы будем резать хлеб английскими ножами, если будем вытирать руки английскими салфетками, то какая участь постигнет французских работников и отечественную промышленность?»

Положим, какой-нибудь человек пришел бы в булонский порт и стал говорить каждому высаживающемуся на берег англичанину: «Не дадите ли вы мне английские сапоги в обмен на французскую шляпу?» или: «Не хотите ли вы уступить мне вашу английскую лошадь за мой французский тильбюри¹⁰⁷?» или же: «Не угодно ли вам променять мне бирмингемскую машину на парижские часы?» или, наконец: «Не возьмете ли вы за ваш ньюкаслский каменный уголь это шампанское?» При условии, что эти предложения делались бы разумно, можно ли сказать, что в результате пострадала бы отечественная промышленность в целом?»

Пострадал ли бы наш труд от того, что в Булони вместо одного человека, предлагающего услуги, появилось бы двадцать, если бы они сделали миллион обменов вместо четырех и если бы, наконец, для облегчения и умножения сделок такого рода этим занялись бы купцы и стали бы использовать при этом деньги.

Но будет ли одно государство покупать у другого оптом, чтобы перепродавать потом в розницу или, наоборот, покупать в розницу, чтобы перепродавать оптом, это все равно; если мы проследим весь процесс до конца, то убедимся, что торговля всегда представляет собой обмен товара на товар и услуги на услугу. Если поэтому один обмен одного товара на другой товар не вредит отечественной промышленности, потому

что в нем отдается столько же отечественного труда, сколько получается иностранного, то и 100 миллионов обменов не причинят ей никакого вреда.

Но в чем же здесь будет выгода? — спросите вы. Выгода будет в том, что каждая страна использует свои ресурсы наиболее выгодным образом, так что то же самое количество труда будет повсеместно удовлетворять большее число потребностей, а вследствие этого увеличится и общее благосостояние.

Некоторые люди в отношении к вам придерживаются весьма странной тактики. Они соглашаются с превосходством свободной торговли над протекционизмом, но это делается только для того, чтобы уклониться от спора.

Потом они делают замечание, что при переходе от одной системы к другой нельзя будет избежать некоторого перемещения труда. Затем они распространяются о страданиях, которые повлечет за собой, по их мнению, такое перемещение. Они преувеличивают эти страдания и делают их центральным вопросом, стараются представить их исключительным и окончательным последствием преобразования и думают таким образом завлечь вас под знамена монополии.

Впрочем, подобная тактика использовалась для оправдания всех злоупотреблений; и я должен откровенно сознаться, что она всегда приводит в замешательство приверженцев даже самых полезных для народа реформ. Вы поймете почему.

Когда какое-нибудь злоупотребление уже существует, то всё приспособляется к нему, предполагая,

что оно будет длиться вечно. С ним связывается существование многих людей, от которых, в свою очередь, зависит судьба других, и таким образом возникает огромное здание.

Попробуйте поколебать его. Всякий, кто заинтересован в этом деле, станет протестовать, и, заметьте, с первого взгляда всегда кажется, что крикуны правы, потому что несравненно легче указать на беспорядок, который возникает вследствие преобразования, нежели описать порядок, который должен за ним последовать.

Приверженцы злоупотреблений указывают на частные явления: они называют конкретные имена, их поставщиков и работников, которые пострадают от преобразования, тогда как несчастный преобразователь может ссылаться только на общее благо, которое должно незаметно распространиться в массах. А это не производит такого эффекта.

Так, например, зайдет ли речь об уничтожении рабства: «Несчастные, — говорят они неграм, — кто станет кормить вас после освобождения? Хозяин бьет вас кнутом, но он же раздает вам маниоку». И рабу становится жаль своей цепи; он спрашивает сам себя: «Где же я буду брать маниоку?»

Он не видит того, что не хозяин кормит его, а его же собственный труд, который кормит также и хозяина.

Когда в Испании реформировались монастыри, нищим говорили: «Кто даст вам теперь пищу и одежду? Братство было вашим благодетелем. Разве плохо иметь возможность обратиться к нему?»

И нищие отвечали: «Это правда, мы много потеряем, если не будет братства, и не знаем, кто станет помогать нам вместо него»¹⁰⁸.

Но они не понимали того, что если монастыри раздавали милостыню, то и сами они существовали ею, и что народ отдавал монастырям больше того, чем сам получал от них.

Работники! Монополия точно так же незаметно облагает всех вас налогами, а потом дает работу за деньги, собранные с вас же!

А ваши мнимые друзья говорят: если бы не существовало монополии, кто давал бы вам работу?

Вы отвечаете: «Это правда. Мы с уверенностью можем рассчитывать на рабочие места, предоставляемые нам монополистами. Но неизвестно, можем ли мы рассчитывать на обещания свободной торговли».

Вы не видите того, что у вас сначала берут деньги, а потом возвращают вам часть их за вашу работу.

Вы спросите, может быть, кто вам даст работу? Господи! Неужели вы не понимаете, что вы сами даете работу друг другу! На деньги, которые останутся в ваших руках, сапожник станет лучше одеваться и даст тем самым работу портному. Портной станет чаще заказывать сапоги и даст работу сапожнику. То же самое относится и к другим ремеслам.

Говорят, что при господстве свободной торговли будет меньше рабочих в рудниках и на прядильных фабриках. Я так не считаю. Но если бы даже это случилось, то потому только, что большее число людей стало бы по доброй воле работать у себя дома или

под открытым небом. Если эти рудники и прядильные фабрики могут поддерживать свое существование, как говорят, только с помощью налогов, собираемых со всего населения, то как только эти налоги будут упразднены, все люди сделаются богаче, а при всеобщем процветании любой всегда найдет себе дело.

Извините, что я подробнее остановлюсь на этом доводе. Мне так хотелось бы видеть вас на стороне свободной торговли!

Предположим, что во Франции капиталы, вложенные в промышленные предприятия, приносят 5% дохода. Но вот г-ну Мондору завод, в который он вложил 100 000 франков, приносит 5% убытка. Разница между его убытком и средним доходом с капиталов, следовательно, составляет 10 000 франков.

Как же помочь ему? На вас накладывают небольшой налог в 10 000 франков, которые и отдают Мондору, а вы и не замечаете этого ловко скрываемого от вас маневра. Не налоговый инспектор является получать с вас налог, а вы платите его Мондору, владельцу завода по изготовлению железных изделий, каждый раз, когда покупаете себе топоры, заступы и рубанки.

Вам говорят: «Если вы не будете платить этого налога, Мондор не будет держать рабочих; они останутся без дела». Господи! Но если этот налог был вам возвращен, разве вы не были бы в состоянии дать работу друг другу и для вашей же выгоды?

Притом будьте уверены, что, если отнять у Мондора эту приятную прибавку к цене, он уж найдет

способ обратить свой убыток в прибыль и не сократит рабочие места. И тогда все останутся в прибыли.

Вы, может быть, опять мне возразите: «Мы понимаем, что после преобразований в целом будет больше рабочих мест, чем прежде, но пока не установится новый порядок вещей, сколько людей останется без работы!»

На это я отвечаю:

1) когда происходит перемещение работы только для того, чтобы увеличить ее количество, то человек с головой и хорошими руками долго на улице не останется;

2) ничто не мешает также государству запастись капиталом для облегчения состояния незанятости в переходный период; хотя, со своей стороны, я не верю в возможность такого случая;

3) наконец, насколько я знаю рабочих, они готовы терпеть некоторые временные трудности, связанные с переходом с одной работы на другую, если это позволяет выбраться из старой колеи и перейти к лучшему для всех и особенно к более справедливому порядку вещей. Дай Бог, чтобы только промышленники-хозяева были способны на то же самое!

Да скажите, пожалуйста, разве из-за того, что вы работники, вы не можете быть разумными и ответственными?

Кажется, ваши самозванные друзья забывают об этом. Не странно ли, что, обсуждая при вас такие вопросы, говоря о заработной плате и прибыли, они ни разу не упомянули о справедливости?

Им между тем очень хорошо известно, что ограничение несправедливо. Почему же они не предупредят об этом и не скажут вам: «Работники! В нашей стране господствует несправедливость, но она выгодна для вас, надо поддержать ее». Почему? Потому что они знают, что вы ответите: «Нет».

Да и неправда вовсе, что несправедливость выгодна для вас. Выслушайте меня и судите сами.

Производству какой продукции оказывается покровительство во Франции? Изделиям, которые изготавливаются или добываются богатыми промышленниками на огромных заводах, таким, как железо, каменный уголь, сукно, ткани. Вам говорят, что это делается не для выгоды промышленников, а для вашей пользы, для того, чтобы обеспечить вам работу. Между тем все товары иностранного производства, которые могут вредить вам, но которые приносят пользу богатым промышленникам, свободно допускаются к привозу на наши рынки.

Не живет ли в Париже 20 тысяч немцев, занимающихся шитьем одежды и обуви? Зачем позволять им селиться возле вас в то время, как запрещается ввоз сукон? Затем, что сукна производятся на больших фабриках, принадлежащих фабрикантам, являющимся к тому же и законодателями, а одежда шьется дома, простыми работниками. В производстве сукна из шерсти господствуют фабриканты не хотят иметь конкурентов, потому что это их промысел, а в изготовлении одежды из сукна они допускают конкуренцию, потому что не они зарабатывают себе этим на жизнь.

Когда строились железные дороги, не хотели допустить английские рельсы, а между тем привлекали английских рабочих! Почему? Все очень просто: потому что английские рельсы составляли бы конкуренцию французским, производимым на крупных заводах, а английские рабочие соперничали только с вами.

Мы не требуем изгнания немецких портных и английских землекопов. Мы требуем допустить ввоз сукон и рельсов. Мы требуем справедливости для всех, равенства всех перед законом!

Можно только в насмешку говорить, что таможенное ограничение введено для вашей выгоды. Портные, сапожники, плотники, столяры, каменщики, кузнецы, купцы, часовщики, мясники, булочники, обойщики, модистки! Предлагаю всем вам привести мне хотя бы один пример того, чем выгоден для вас протекционизм, а я приведу, если хотите, четыре вида вреда, который он вам приносит.

А в заключение всмотритесь, до какой степени правдоподобно это самоотвержение, которое некоторые газеты приписывают монополистам? Мне кажется, что естественной величиной заработной платы можно назвать ту, которая устанавливается естественным путем, под влиянием свободной торговли. Поэтому, если вам говорят, что ограничение выгодно для вас, то это следует понимать в том смысле, что оно добавляет к вашей естественной заработной плате некоторый излишек. Но этот излишек заработной платы должен быть откуда-то взят; не падает же он с Луны, а должен быть взят с тех, кто платит его.

Вы приходите, следовательно, к заключению, что покровительственная система, как утверждают ваши самозванные друзья, была создана для того, чтобы пожертвовать интересами капиталистов в пользу рабочих.

Но подумайте, насколько это правдоподобно? Укажите мне, где ваше место в палате пэров? Когда вы голосовали во Дворце Бурбонов¹⁰⁹? Кто советовался с вами? Откуда пришла вам мысль ввести покровительственную систему?

Я заранее предвижу ваш ответ: «Не мы установили ее. Увы! Мы не пэры, не депутаты и не советники правительства. Это сделали капиталисты».

Великий Боже! Они, верно, были в этот день в отличном расположении духа! Как!? Капиталисты предложили покровительственные постановления; они установили запретительную систему и только для того, чтобы вы, работники, получали в ущерб им бóльшую плату за ваш труд!

Но вот что еще страннее.

Почему ваши самозванные друзья, восхваляющие доброту, великодушие, самопожертвование капиталистов, сожалеют беспрестанно о том, что вы не пользуетесь политическими правами? С их точки зрения, как бы вы распорядились этими правами, если бы их имели? Капиталистам предоставлена монополия законодательства — это правда¹¹⁰. Благодаря этому они присвоили себе монополию производства железа, сукна, полотна, мяса, добычи каменного угля, дерева — и это верно. Но сами же ваши самозванные друзья

говорят, что, поступая таким образом, капиталисты добровольно лишили себя части доходов, чтобы обогатить вас, хотя вы не можете предъявить на то никаких прав. Конечно, если бы вы сами были избирателями и депутатами, вы не могли бы устроить свои дела лучше, чем это сделали для вас капиталисты.

Если существующая у нас промышленная система введена для вашей выгоды, значит в требовании для вас политических прав скрывается коварство. Эти новоиспеченные демократы никогда не избегнут следующей дилеммы: закон, изданный французской буржуазией, или увеличивает, или уменьшает вашу естественную заработную плату. Если он уменьшает ее, то они обманывают вас, приглашая ее поддержать. Если он увеличивает эту плату, то они тоже обманывают вас, побуждая вас требовать политических прав, в то время как буржуазия идет на такие жертвы, за которые, по своей честности, вы не решились бы голосовать.

Работники! Не дай Бог, чтобы эта статья возбудила в сердцах ваших раздражение против богатых классов общества! Если люди, плохо понимающие свои выгоды или искренно опасющиеся за них, поддерживают монополию, то не забудьте и того, что корень зла лежит в заблуждениях, в которые равно впадают и капиталисты и работники. Отбросим же всякую мысль о раздоре между ними и лучше постараемся сблизить их. Но что же нужно для этого? Если правда, что естественные тенденции общественной эволюции способствуют сглаживанию неравенства

между людьми, то нужно предоставить этим силам свободу действия, удалить искусственные препятствия, замедляющие достижение цели, и дать отношениям различных классов общества возможность установиться на принципах справедливости, которые, по крайней мере в моих понятиях, неотделимы от принципа свободы.

II.7. Китайская сказка

Люди сетуют на алчность и эгоизм нынешнего века!

Что же касается меня, то мне представляется, что мир, и в особенности Париж, населен одними только Дециями¹¹¹.

Раскройте тысячи книг, тысячи журналов, тысячи газет, сходящих ежедневно с парижских печатных станков: разве все эти издания не могут быть названы писаниями добродетельнейших людей?

С каким жаром рисуют они пороки наших дней! Какая трогательная забота о народе! С каким великодушием приглашают они богатых делиться с бедными или же бедных с богатыми! Сколько у них планов общественных преобразований, общественных улучшений, общественного устройства! Найдется ли в наше время хоть один маленький писатель, который бы не посвящал свою деятельность благу трудящихся масс? Стоит только дать несколько эю, и всегда найдется кто-нибудь, готовый заняться изготовлением разных человеколюбивых планов.

И после этого говорят еще об эгоизме, о своекорыстных стремлениях нашего века!

Нет ни одного учреждения, которое не декларировало бы в качестве своих целей содействие благосостоянию и просвещению народа; даже таможня не является исключением.

Вы, может быть, думаете, что это еще один инструмент взимания налогов, подобно лицензионному

комитету или заставе, собирающей мостовую пошлину? Ничего подобного. Сущность таможни, по мнению некоторых, заключается в распространении цивилизации, братства и равенства. А что вы хотели? Такова мода. Везде принято выражать, или по крайней мере демонстрировать, чувства, трогательную сентиментальность, даже когда таможенный стражник спрашивает: «Что это ты там везешь, друг?»

Однако средства для реализации своих гуманистических устремлений таможня выбирает странные.

Она содержит целую армию директоров, вице-директоров, инспекторов, вице-инспекторов, контролеров, оценщиков, приемщиков, начальников, помощников начальников, приказчиков, внештатников, кандидатов на внештатники и кандидатов на кандидатство, не считая состоящих у них на действительной службе нижних чинов. И все это для того только, чтобы оказывать на производительную деятельность народа отрицательное действие, которое называется словом «препятствие».

Заметьте, что я говорю не о пошлине, а именно о препятствии.

О препятствии не тем действиям, которые несовместимы с нравственностью или нарушают общественный порядок, а законным сделкам, не только не вредящим, а даже благоприятствующим — с этим согласен всякий — водворению мира и гармонии между народами.

Впрочем, человечество столь подвижно и находчиво, что так или иначе, но всегда преодолевает

препятствия. Это всего лишь вопрос приложения большего количества труда.

Если народу запрещают получать продукты питания из-за границы, он начинает производить их дома. Это, конечно, для него труднее, но нужно же чем-то питаться. Если запретят ходить по долине, начнут ходить через горы. Конечно, этот путь далек, но нужно же как-то добраться до места назначения.

Это грустная сторона явлений, но есть и забавная. Если законом поставлено определенное число препятствий и для их преодоления человечество потратило напрасно соответствующее количество труда, то говорят, что нет будто бы основания просить об изменении такого порядка вещей. Если вы указываете на препятствия, вам указывают на труд, предпринимаемый для преодоления их, а если вы заметите, что этот труд бесполезен, что он мог быть использоваться иначе и быть более производительным, вам ответят фразой из газеты *Общественный дух*: «Мы наверняка впадем в бедность, обогащение же более чем сомнительно».

Это напоминает мне одну китайскую сказку, которую я расскажу вам.

Было в Китае два больших города *Чин* и *Чан*. Великолепный канал соединял их. Император нашел нужным уничтожить его и велел завалить громадными обломками скал.

Видя это, Куанг, первый мандарин, сказал ему: «Сын неба, Вы ошибаетесь».

На что император отвечал: «Куанг, ты говоришь глупости».

(Само собой разумеется, что я привожу здесь только суть этого разговора.)

Через три месяца император Поднебесной призвал к себе мандарина и сказал ему: «Куанг, смотри!»

И Куанг, открыв глаза, посмотрел и увидел, как на некотором расстоянии от канала работало множество народа. Одни копали землю, другие насыпали ее, третьи ровняли, четвертые мостили и т.д., и мандарин — он был очень учен — подумал: это строят дорогу.

Еще через три месяца император опять зовет к себе Куанга и говорит ему: «Смотри!»

Куанг посмотрел и увидел, что по дороге на некотором расстоянии друг от друга выстроились гостиницы. Масса пешеходов, повозок и паланкинов двигались взад и вперед, и бесчисленное множество китайцев, еле передвигавших ноги от усталости, таскали большие тяжести из Чина в Чан и из Чана в Чин. И Куанг подумал: ведь это уничтожение канала дало столько работы бедным людям! Но ему тогда и в голову не пришло, что этот труд был отвлечен от других занятий.

Прошло еще три месяца, и император опять сказал Куангу: «Смотри!»

И Куанг увидел, что гостиницы были переполнены путешественниками, и так как они хотели есть, то кругом открылись мясные лавки, пекарни, колбасные и была организована продажа «ласточкиных гнезд», а так как не мог же этот честной ремесленный люд ходить раздетым, то появились портные, сапожники,

продавцы зонтов и вееров; и так как обыкновенно не спят же под открытым небом даже и в Поднебесной империи, то набежали плотники, каменщики и кровельщики. За ними явились полиция, мировые судьи, факиры — одним словом, вокруг каждой гостиницы образовался целый город со своими предместьями.

И император спросил Куанга: «Как тебе это нравится?»

И Куанг отвечал: «Я никогда не поверил бы, что уничтожение канала может создать для народа столько работы».

Но ему тогда и в голову не пришло, что это труд, не вновь созданный, а отвлеченный от других занятий, что путешественники ели и пили и прежде, когда ездили по каналу, точно так же, как ели и пили теперь, когда их заставили ездить по дороге.

Но вот, к великому удивлению китайцев, император скончался и был предан земле.

Преемник его позвал к себе Куанга и сказал ему: «Велите расчистить канал».

И Куанг сказал новому императору: «Сын неба, Вы ошибаетесь».

И император отвечал: «Куанг, ты говоришь глупости».

Но Куанг, настаивая на своем, сказал: «Ваше величество, какова ваша цель?»

— Моя цель, — сказал император, — облегчить сообщение между жителями Чина и Чана и удешевить провоз товаров, дабы народ мог иметь дешевый чай и дешевую одежду...

Но Куанг наперед знал, что отвечать. Накануне получил он несколько номеров китайской газеты *Промышленный вестник*. Зная хорошо урок, он просил позволения отвечать. Получив разрешение, сделал 9 земных поклонов и сказал: «Вы желаете, Ваше величество, посредством облегчения провоза понизить цену на предметы потребления, сделать их доступными для народа и ради этого начинаете с того, что уничтожаете весь труд, вызванный закрытием канала. Ваше величество! В политической экономии низкие цены...»

Но император перебил его: «Мне кажется, что ты говоришь заученный урок».

Куанг: «Да, и мне было бы удобнее прочесть то, что я хочу сказать».

И, развернув *Общественный дух*, он прочел: «В политической экономии низкие цены предметов потребления есть вопрос второстепенный. Вся задача заключается в установлении равновесия между ценой труда и ценами на предметы первой необходимости. Обилие труда составляет богатство народов, и наилучшая экономическая система та, которая обеспечивает наибольшее количество рабочих мест. Вопрос не в том, лучше ли заплатить за чашку чая 4 или 8 кашей¹¹², заплатить за рубашку 5 или 10 таэлов¹¹³; все это ребячество, недостойное зрелого ума. Никто не оспаривает вашего тезиса. Вопрос в том, лучше ли платить за предметы потребления дороже и благодаря обилию работы и высокой цене на труд иметь больше средств к их приобретению, чем ограничить источники труда,

уменьшить количество рабочих мест, перевезти предметы потребления по воде, действительно, с более низкими издержками, но в то же время отнять у некоторых наших рабочих возможность купить их даже по меньшей цене».

Эти доводы не убедили императора, и Куанг сказал ему: «Государь, соблаговолите подождать; я должен прочесть еще заметку из *Промышленного вестника*».

Но император сказал: «Я не нуждаюсь в ваших китайских газетах, я и без них понимаю, что создавать *препятствия* значит вызывать труд в этом направлении. Но не в этом мое призвание. Поди вели расчистить канал, а потом мы проведем реформу тарифа».

И Куанг, уходя, рвал себе бороду: «О, Фо-о-о! О, Пе-е-е! О, Ли-и-и! — взывал он ко всем богам Китая. — Сжальтесь над своим народом; к нам пришел император *английской школы*, и я предвижу, что мы скоро лишимся всего, потому что нам ничего не нужно будет делать».

II.8. Post hoc, ergo propter hoc (После того, следовательно, и по этой причине)

Это самое распространенное и самое коварное из всех заблуждений.

Положим, что английский народ постигли различные бедствия. Этот факт обнаруживается после двух других:

- 1) после реформы тарифа¹¹⁴,
- 2) после двух неурожаев подряд.

Какое из этих двух обстоятельств нужно признать причиной бедствия?

Протекционисты не упустят такого удобного случая, чтобы не прокричать: «Всему виной эта проклятая свобода торговли. Она сулила нам горы богатства, мы ввели ее у себя — и народ страдает».

Sim hoc, ergo propter hoc (Вместе с этим, следовательно, и по этой причине)

Свобода торговли распределяет самым естественным и справедливым образом результаты, которыми Провидение благословляет труд человека.

Если часть плодов человеческого труда уничтожается каким-нибудь бедствием, то свобода торговли тем не менее обеспечивает справедливое распределение того, что осталось. Конечно, люди имеют тогда гораздо меньше средств для удовлетворения своих потребностей; но кого же обвинять в этом: свободу ли торговли или несчастное стечение обстоятельств?

Свобода торговли действует по тому же принципу, что и страхование. Если случается какое-нибудь несчастье, оно распределяет на большее число лет, на большее число людей то зло, которое иначе обрушилось бы разом на одного человека.

Но придет ли кому-нибудь в голову сказать, что пожар не есть бедствие, поскольку существуют страховые общества?

В 1842, 1843 и 1844 годах в Англии начали снижать импортные пошлины. В то время урожаи там были очень хорошие. Благодаря этим двум обстоятельствам в те годы в стране воцарилось неслыханное благосостояние.

В 1845 году урожай был плох, в 1846-м — еще хуже.

Продовольствие подорожало, народ тратил все средства на пропитание и ограничил себя в удовлетворении всех прочих потребностей: англичане стали покупать меньше одежды, фабрики уменьшили производство, и заработная плата начала снижаться. К счастью, в том же году таможенные барьеры были вновь понижены. Это позволило импортировать огромное количество продовольствия. Положительно можно утверждать, что в противном случае в Великобритании могла разразиться ужасная революция.

И после этого обвиняют свободу торговли в тех бедствиях, которые она предупреждает и частично компенсирует!

Несчастный прокаженный жил в уединении от людей. Никто не хотел касаться тех предметов, до кото-

рых он дотрагивался. Вынужденный сам удовлетворять свои потребности, он влачил в одиночестве жалкое существование. Наконец, одному великому врачу удалось его излечить. Теперь наш отшельник мог наслаждаться всеми выгодами свободной торговли. Какое прекрасное будущее открылось перед ним! Он рассчитывал уже на выгоды, которые, благодаря взаимодействию с другими людьми, он может получить от своей физической силы. Но, по несчастному стечению обстоятельств, он сломал себе обе руки — и судьба его сделалась еще ужаснее прежней. Журналисты той страны, бывшие свидетелями его несчастья, говорили: «Посмотрите, к чему привела его свобода торговли! Право, участь его была не так жалка, когда он жил в одиночестве!»

«А разве не имеет значения, что он сломал себе обе руки? — заметил на это врач. — Разве не этот случай определил его участь? Несчастье его как раз в том, что он лишился возможности действовать руками, а не в том, что он вылечился от проказы. Он заслуживал бы еще большего сожаления, если бы он был без рук и, сверх того, болен проказой».

Post hoc, ergo propter hoc — не доверяйте этому софизму.

II.9. Грабеж под видом субсидии¹¹⁵

Эту небольшую книжечку о софизмах находят слишком отвлеченной, ученой и философской. Хорошо; попробуем заговорить языком простым, обыкновенным и, если нужно, даже грубым.

Убежденный в том, что защитники покровительственной системы только обманывают общество, я пытался доказать это, обращаясь к разуму. Но общество предпочитает, чтобы ему кричали о том во всеуслышание.

Ну, что же, станем кричать:

— Мидас, царь Мидас, у тебя ослиные уши!¹¹⁶

На самом деле, иногда минута вспыльчивости производит несравненно лучшее действие, чем самые убедительные вежливые речи.

Помните, как тяжело было мизантропу, несмотря на его презрение к человечеству, говорить Оронту о его глупости.

Альцест: ...желанья всем читать творенья эти /
Способны выставить творца в печальном свете.

Оронт: Ужели этим вы хотите намекнуть, /
Что мне рассчитывать не следует...

Альцест: Отнюдь.

Оронт: Так плохо я пишу? И это ваше мнение?

Альцест: Нисколько! Но...

Оронт: Но относительно сонета самого?

Альцест: Он годен лишь на то, чтоб выбросить его!¹¹⁷

Откровенно говоря, публика, тебя обкрадывают. Это выражение грубо, но оно понятно.

Слова «грабеж», «грабить», «грабитель» многим из нас покажутся не совсем приличными. Но я предложу им тот же вопрос, который Гарпагон задал Элизе: «Что пугает вас — слово или дело?»¹¹⁸

«Кто похитил обманом вещь, ему не принадлежащую, виновен в грабеже» (Уголовный кодекс, ст. 79).

Грабить значит брать хитростью или силой (*Французский академический словарь*).

Грабитель — тот, кто вымогает себе больше, чем ему следует (Там же).

Но разве монополист, который посредством сочиненного им же самим закона обязывает меня платить ему 20 франков за то, что я могу купить в другом месте за 15 франков, не похищает у меня обманом 5 франков, мне принадлежащих?

Разве он не берет хитростью или силой? Не вымогает ли он больше того, чем ему следует?

Да, скажете вы мне, он похищает, берет, вымогает, но не хитростью и не силой, что составляет существенный признак грабежа.

Если налоги, которые мы платим, увеличиваются на 5 франков, оттого что их должен взять себе монополист, разве нет в этом хитрости, поскольку мало кто из нас об этом подозревает? А тех, кто не дает себя обмануть, разве не силой заставляют платить: при первом же признаке отказа кого-нибудь из нас уплатить этот налог на пороге появляется судебный пристав.

Но пусть монополисты не переживают на этот счет. ГРАБЕЖ ПОСРЕДСТВОМ СУБСИДИИ ИЛИ ПОШЛИНЫ, ХОТЯ И НАРУШАЕТ СПРАВЕДЛИВОСТЬ ТОЧНО ТАК ЖЕ, КАК ГРАБЕЖ

НА БОЛЬШОЙ ДОРОГЕ, НЕ ЯВЛЯЕТСЯ НАРУШЕНИЕМ ЗАКОНА. НАОБОРОТ, ОНИ СОВЕРШАЮТСЯ ПОСРЕДСТВОМ ЗАКОНА, ЧТО ДЕЛАЕТ ИХ ТОЛЬКО ХУЖЕ, НО У СУДЕЙ ПРЕТЕНЗИЙ НЕ ВОЗНИКАЕТ.

Впрочем, волей или неволей, мы все в этом случае или грабители, или ограбленные. Автор этой книги, покупая что-нибудь, имеет все основания крикнуть: «Держи вора!» Но то же самое могут крикнуть в его адрес, когда он продает*. Если между ним и его согражданами существует большое различие, то оно состоит только в том, что он знает, что в этой игре он больше проигрывает, нежели выигрывает, они же не знают этого; если бы это было известно всем, то игра давно бы прекратилась.

Я несколько не стараюсь приписать себе того, что я первый называю вещи своими именами. Прошло уже более 60 лет с того времени, как Смит сказал то же самое: «Когда собираются промышленники, нужно ожидать, что они непременно составят заговор против карманов покупателей»¹¹⁹.

А что тут удивительного, если общество не обращает на это никакого внимания. Но, как нам известно, промышленники имеют свои официальные заседания под именем Генеральных советов. Что же делается

* Владея полем, доходом с которого он живет, автор принадлежит к числу *покровительствуемых*. Это обстоятельство должно обезоружить критику. Оно показывает, что если он и употребляет сильные выражения, то их нужно отнести к предметам, а не к намерениям людей.

и что решается в этих советах? Вот в самом кратком изложении протокол одного из таких заседаний.

Судовладелец. Наш флот в отчаянном положении (*Взрыв возмущения.*) Это неудивительно, потому что нельзя строить корабли без железа. На мировом рынке его можно было бы купить по 10 франков. Но по закону французский заводчик вынуждает меня платить 15 франков. Таким образом, я плачу ему лишнего 5 франков. Я требую свободы покупать там, где мне заблагорассудится.

Хозяин металлургического завода. На мировом рынке я могу найти людей, которые будут перевозить мою продукцию за 20 франков. Основываясь на законе, судовладелец вымогает с меня за перевозку того же груза 30 франков, значит он берет с меня лишних 10 франков. Он меня грабит, а я граблю его, никто из нас не в убытке.

Политик. Заключение судовладельца весьма неблагоприятно. Не станем расторгать трогательного союза, составляющего всю нашу силу; если мы вычеркнем хотя бы одну букву из теории покровительства, тогда рухнет вся теория.

Судовладелец. Но нам покровительство не приносит пользы; повторяю, что наш коммерческий флот в упадке.

Моряк. Ну, так увеличим пошлину, и пусть судовладелец вместо 30 франков берет за фрахт 40 франков.

Министр. Правительство, конечно, будет и дальше развивать превосходную систему импортных

пошлин; но я боюсь, что этого все-таки будет недостаточно*.

Чиновник. Господа, вы зашли в тупик из-за такого пустяка! Разве нет другого средства для спасения, кроме повышения тарифа? Вы верно забываете про налоги? Потребитель щедр, но и не менее щедр и налогоплательщик. Повысим налог и удовлетворим судовладельцев. Я предлагаю увеличить общественные сборы настолько, чтобы можно было выдавать из полученного излишка 5 франков субсидии всякому судовладельцу за каждый центнер использованного им для постройки судна железа.

Разные голоса. Поддерживайте, поддерживайте это предложение!

Земледелец. Я требую по 3 франка субсидии на каждый гектолитр зерна!

Текстильный фабрикант. Я требую по 2 франка субсидии на каждый метр полотна! И т.д., и т.п.

* Вот подлинный текст: «Я еще раз упомяну таможенные законы от 9-го и 11-го числа минувшего июня, имеющие целью поощрить навигацию посредством увеличения пошлин на многие товары, ввозимые на судах под иностранным флагом. Наши таможенные законы, как вы знаете, все направлены к этой цели, и мало-помалу импортная пошлина в 10 франков, установленная законом 28 апреля и во многих случаях оказывающаяся недостаточной, исчезает и уступает место... покровительству более сильному и более соответствующему относительной дороговизне перевозки на наших судах». (Речь, которой г-н Кюнен-Гриден открыл заседание 15 декабря 1845 г.). Выражение «...исчезает» поистине прекрасно!

Председатель. Итак, решено. Мы устанавливаем систему субсидий, и это навсегда прославит наше сегодняшнее заседание. Теперь ни один промышленник не будет иметь убытков, потому что у нас есть два простых и верных средства обращать убытки в прибыль: тариф и субсидия. Заседание окончено.

Как будто сверхъестественное видение указало мне на появление субсидии в будущем. Кто знает, может быть, именно я и внушил мысль г-ну Дюпену, когда несколько месяцев тому назад написал следующие слова: «Мне кажется очевидным, что покровительство можно было бы, не изменяя его сущности и последствий, заменить прямым налогом, который взимался бы государством и распределялся в виде субсидий между привилегированными отраслями промышленности путем возмещения убытков».

И далее, сделав сравнение между покровительственной пошлиной и субсидией, я говорил: «Признаюсь откровенно, я отдаю предпочтение второму способу. Он кажется мне более справедливым, более экономичным и честным. Более справедливым потому, что если общество желает делать подарки некоторым из своих членов, то необходимо, чтобы все принимали в этом участие. Более экономичным потому, что таким способом значительно сократятся расходы по взиманию налога и будет ликвидировано много препятствий. Наконец, более честным потому, что общество будет ясно видеть суть операции и будет знать, что его заставляют делать»¹²⁰.

Давайте рассмотрим эту систему грабежа под видом субсидии. То, что можно сказать о нем, применимо и к грабежу посредством тарифа. Так как этот последний способ замаскирован лучше первого, то исследование прямой карманной кражи поможет нам лучше понять систему косвенной карманной кражи. Тем самым мы будем двигаться от простого к сложному.

Но нет ли еще более простого вида грабежа? Конечно, есть, например, грабеж на большой дороге. Его только следует узаконить и монополизировать, или, как сейчас выражаются, организовать.

Вот что я прочитал недавно в рассказе одного путешественника: «Когда мы приехали в королевство А..., все отрасли промышленности говорили, что находятся в отчаянном положении. Земледельцы жаловались на свою судьбу, фабриканты чуть ли не плакали, купцы роптали, судовладельцы ворчали, и правительство не знало, кого из них слушать. Сначала думало оно обложить налогом всех недовольных и потом раздать полученные с них же деньги, удержав из них в свою пользу некоторую часть; это было бы что-то вроде лотереи, которая столь популярна в нашей любезной Испании. Вас, положим, тысяча человек, государство берет от каждого по одному пиастру, потом кладет в свой карман 250 пиастров и распределяет остальные 750 пиастров более или менее значительными долями между играющими. Честный идальго, получивший три четверти пиастра, забывая, что отдал целый пиастр, не помнит себя от радости и бежит скорее в кабак пропить 15 реалов¹²¹. Нечто подобное происходит и во Франции.

Несмотря, однако же, на всю нецивилизованность описываемой нами страны, правительство не могло совершенно положиться на глупость ее населения, чтобы предложить им столь странное покровительство, и в конце концов был принят следующий план.

Государство было покрыто сетью дорог; правительство велело их измерить и расставить верстовые столбы, а затем обратилось к земледельцам: «Все, что вы можете награть у путешественников на участке дороги между таким-то и таким-то верстовыми столбами, будет принадлежать вам. Пусть это будет для вас премией, покровительством, поощрением». Потом оно определило для каждого фабриканта, для каждого судовладельца известную часть дороги, которой они могли пользоваться согласно следующей формуле:

Доно тибѣ и уступлено
Добродетель и могущество
Ворованди,
Грабинди,
Присваиванди,
Мошенничанди
И жульничанди
Безнаказанно по всем местам
Viam¹²².

Жители королевства А... в настоящее время до такой степени свыклись с этой системой, до того привыкли считать только то, что они крадут сами, не обращая внимание на то, что крадут у них, так привыкли смотреть на грабеж с точки зрения грабителей, что

считают валовой национальной прибылью сумму всех частных краж и не желают отказываться от такой системы покровительства, без которой, по их мнению, не может существовать ни одна промышленность.

Вам трудно в это поверить. Невозможно, говорите вы, чтобы целый народ видел приращение богатства в том, что жители крадут друг у друга.

А почему, собственно? Ведь у нас во Франции господствует такое же убеждение, и мы с каждым днем всё более и более развиваем и совершенствуем систему взаимного грабежа под именем субсидий и покровительственных тарифов.

Будем говорить без преувеличений. Согласимся в том, что касается методов взимания налога и других сопутствующих обстоятельств система, принятая в королевстве А..., может быть, хуже нашей; но в то же время мы должны признать, что в отношении основного принципа и необходимых последствий этих двух видов грабежа, установленных законом для увеличения прибыли различных отраслей промышленности, между ними нет решительно никакого различия.

Заметьте, что если грабеж на большой дороге представляет некоторые неудобства в исполнении, то, с другой стороны, он имеет и некоторые удобства, которых мы не находим в грабеже посредством тарифа. Например, в первом случае можно поровну разделить выручку между всеми производителями.

В случае таможенных пошлин этого сделать нельзя. Посредством тарифа нельзя покровительствовать определенным классам общества, таким, как

ремесленники, купцы, литераторы, гражданские и военные чиновники, рабочие и т.д.

Правда, что грабеж под видом субсидии позволяет эффективно делить выручку, и в этом отношении он не уступает грабежу на большой дороге; но, с другой стороны, он влечет за собой такие странные и нелепые последствия, что жители королевства А... могли бы лишь посмеяться над ним. То, чего лишается ограбленный на большой дороге, приобретается грабителем. Украденный предмет по крайней мере остается в стране. Но при господстве грабежа под видом субсидии то, что пошлина отнимает у французов, достается иногда китайцам, готтентотам, кафрам, англичанам, и вот каким образом: кусок сукна стоит, положим, 100 франков в Бордо; его нельзя продать дешевле, без убытка; невозможно также продать его и дороже, потому что этому мешает конкуренция между купцами. При таких обстоятельствах, если это сукно пожелает купить француз, то он должен или заплатить 100 франков, или обойтись без сукна. Но в случае, если покупателем будет англичанин, правительство говорит купцу: «Продай сукно, а я тебе заплачу 20 франков из собранных налогов». Купец, не требуя и не имея возможности получить за сукно более 100 франков, уступает его англичанину за 80 франков. Эта сумма вместе с 20 франками, полученными посредством субсидии, составляет ровно столько, сколько необходимо ему для сведения баланса без убытков. Это равносильно тому, как если бы налогоплательщики сами отдали 20 франков англичанину при условии, что он купит

французское сукно со скидкой в 20 франков, т.е. на 20 франков дешевле издержек производства или того, что стоит сукно самим французам. Следовательно, грабеж под видом субсидии имеет ту особенность, что жертвы грабежа живут в стране, где он допускается, а грабители рассеяны по всему земному шару.

Удивительно, что до сих пор считают непреложной истиной, что всё, что человек крадет из общего фонда, составляет общий выигрыш.

Вечный двигатель, философский камень, квадратура круга давно перестали занимать человеческий разум, а теория прогресса посредством грабежа все еще в почете. Между тем априори можно было бы предположить, что из всех ребяческих затей эта самая недолговечная.

Некоторые спрашивают меня: вы, значит, защитник политики *laissez passer*¹²³? Вы экономист отжившей свой век школы Смита и Сэя? Вы отвергаете организацию труда? Организуйте труд сколько вам угодно, господа, мы будем только следить за тем, чтобы вы не организовали грабежа.

Другие — и число их гораздо значительнее — повторяют: «Субсидии, тариф — все это зашло слишком далеко. Надо пользоваться ими с умом, а не злоупотреблять ими. Разумная степень свободы, соединенная с умеренным покровительством, — вот чего требуют люди серьезные и прагматичные. Будем остерегаться безусловных принципов».

Если верить испанскому путешественнику, то именно эти слова он услышал в королевстве А...:

«Грабеж на большой дороге, — говорили умнейшие люди этой страны, — не хорош, не плох сам по себе; все зависит от обстоятельств. Необходимо лишь все точно сбалансировать и хорошо платить нам, правительственным чиновникам, за труд по балансированию. Может быть, грабежу предоставлено слишком много свободы, а может быть, и слишком мало. Рассмотрим и сведем счета каждого работника. Тем, кто получает незначительные выгоды, мы предоставим в пользование немного больше дороги. У тех же, кто получает слишком много, мы уменьшим число часов, дней или месяцев грабежа».

Люди, рассуждавшие таким образом, приобрели большую известность умеренностью, благоразумием и мудростью суждений. Они всегда достигали высших должностей в государстве.

Что же касается тех, которые говорили: «Будем преследовать всякую несправедливость и искореним ее до основания; не будем терпеть никакого грабежа, ибо не существует ни полграбежа, ни четверть грабежа», они прослыли теоретиками, несносными мечтателями, беспрестанно повторявшими одно и то же. Кроме того, народ находил их суждения весьма понятными для себя. Но как же считать истинным то, что так просто?

II.10. Сборщик налогов

Жак Боном — винодел;
Ляруш — сборщик налогов.

Л. Вы заготовили двадцать бочек вина?

Ж. Да, благодаря своим трудам и заботам.

— Потрудитесь отдать мне шесть бочек, и притом самых лучших.

— Как? Шесть бочек из двадцати? Боже мой! Вы хотите разорить меня. А позвольте узнать, для чего вам нужны эти бочки?

— Первая бочка пойдет на уплату государственного долга. У кого есть долги, тот обязан платить по крайней мере хоть проценты.

— Куда же делся занятый капитал?

— Это слишком долго рассказывать. Часть его пошла на приготовление зарядов, которые надымили-таки на славу. Другая — на жалованье тем, кто давал себя калечить в чужой стране, прежде чем опустошил ее. А потом, когда эти расходы привели к вторжению к нам наших друзей-врагов, они не захотели покидать нашу страну, не взяв денег, которые и пришлось занять.

— Ну а какую же имею я теперь выгоду от этого?

— Возможность сказать себе: «Как я горжусь тем, что я француз, когда гляжу на Триумфальную колонну»¹²⁴.

— И чувствовать унижение, что оставляешь своим наследникам землю, обремененную вечным дол-

гом. Ну что же делать? Приходится платить свои долги, как бы безрассудно ни растратили их. Хорошо, отложим одну бочку. Но куда же пойдут остальные пять?

— Еще одна бочка нужна на вознаграждение государственных чиновников, на покрытие расходов главы государства, на содержание судей, восстанавливающих ваше право на земли, которые хочет присвоить себе сосед ваш; жандармов, которые охотятся за ворами и разбойниками в то время, когда вы спокойно почиваете; рабочих, ремонтирующих дороги, ведущие в город; священников, которые крестят ваших детей; наставников, которые их учат и воспитывают, и, наконец, вашего покорного слуги, потому что и он не станет же даром работать.

— Итак, услуга за услугу? На это нечего возражать. Положим, что я лучше бы сам сговорился со священником и школьным учителем, но не стану настаивать на этом. Так и быть, берите и вторую бочку. Но до шести бочек еще далеко.

— Не думаете ли вы, что двух бочек много за ваше участие в расходах по содержанию армии и флота?

— Увы! Это, пожалуй, и не много в сравнении с тем, чего они стоили мне, отняв у меня двоих нежно любимых сыновей.

— Это совершенно необходимо, чтобы поддерживать равновесие сил в Европе.

— Ах, Боже мой! Равновесие осталось бы то же, если бы везде уменьшили эти силы наполовину или на три четверти. Но тогда мы сохранили бы наших детей

и наши доходы. Для этого необходимо лишь взаимное понимание.

— Но именно этого-то и не хватает!

— К великому моему изумлению, ведь все страдают от этого.

— А ты сам в этом виноват, Жак Боном.

— Вы шутите, г-н сборщик; разве я имею голос в собрании?

— А кого избрали вы вашим депутатом?

— Храброго генерала, который скоро будет маршалом, если Богу угодно будет продлить его жизнь.

— А на чей счет живет этот храбрый генерал?

— На счет моих бочек, как мне кажется.

— А что случилось бы с ним, если бы он подал голос за сокращение армии и вашего участия в ее содержании?

— Вместо того чтобы сделаться маршалом, он получил бы отставку.

— Понимаете ли вы теперь, что вы сами...

— Перейдем, пожалуйста, к пятой бочке.

— Эта бочка отправится в Алжир!

— В Алжир? А еще уверяют, что все мусульмане отличаются трезвостью, варвары эдакие! Я не раз сам задавал себе такой вопрос: потому ли они не знают медака¹²⁵, что они басурмане, или, что еще вероятнее, потому они и басурмане, что не знают медака? Но какую же услугу оказывают они мне взамен этой амброзии, стоившей мне таких больших трудов?

— Никакой, к тому же ваша бочка предназначается не столько мусульманам, сколько истинным христианам, которые постоянно живут в Берберии.

— Но что же они там делают, что могло бы быть полезно мне?

— Совершают набеги и в свою очередь страдают от них; убивают других и дают убивать себя; наживают дизентерии и возвращаются домой лечиться; устраивают пристани, прокладывают дороги, строят деревни и заселяют их мальтийцами, итальянцами, испанцами и швейцарцами, живущими на счет вашей и многих других бочек, за которыми я еще приду к вам.

— Помилосердитесь! Уж это слишком! Я наотрез отказываюсь отдать вам эту бочку. Всякого винодела, делающего такие глупости, в пору было бы отправить в Бисетр¹²⁶, в богадельню. О, Боже! Прокладывать дороги в Атласских горах¹²⁷, когда я не могу отсюда тронуться с места! Строить гавани в Берберии, когда Гаронна день ото дня все больше мелеет! Отнять у меня моих любимых детей для того, чтобы мучить кабиллов¹²⁸! Заставлять меня платить за дома, посевы, лошадей, которых отдают грекам и мальтийцам, когда вокруг нас столько бедняков!

— Бедняков? Да от них-то, от этих лишних людей, и стараются освободить страну.

— Благодарю покорно! Выпроваживать их в Алжир на капитал, который дал бы им возможность жить и здесь.

— Кроме того, вы закладываете там фундамент великой империи, несете цивилизацию в Африку и покрываете бессмертной славой ваше отечество.

— Вы поэт, г-н сборщик, а я простой винодел и отказываю вам в этой бочке.

— Подумайте хорошенько о том, что через несколько тысяч лет вы вернете ваши затраты сторицей. Так говорят все, кто руководит этим делом.

— А пока они берут на покрытие издержек сначала одну большую бочку вина, затем две, три, и вот в конце концов я обложен налогом в одну тонну! Я настаиваю на своем отказе.

— Теперь уже поздно упрямитесь: ваш доверенный установил для вас сбор в одну тонну, или в четыре больших бочки.

— Да, что правда, то правда! Проклятая слабость! Мне самому казалось, что я поступал неблагоразумно, когда вверял ему свои полномочия, ибо что могло быть общего между армейским генералом и бедным виноделом?

— Но общее между вами — это, как вы сами видите, вино, потому что вы добываете его, а он распоряжается им от вашего имени.

— Смейтесь надо мной, г-н сборщик, я заслуживаю этого. Но все-таки будьте рассудительны и оставьте мне, по крайней мере, эту шестую бочку. Ведь проценты по государственному долгу уплачены, расходы на содержание главы государства покрыты, содержание государственных чиновников обеспечено, война в Африке может продолжаться. Чего же вам еще надо?

— Со мной не торгуются. Вам следовало раньше сообщить генералу о ваших намерениях. Теперь же он уже распорядился вашим урожаем винограда.

— Будь он проклят! Но что же, наконец, вы хотите сделать с моей бедной бочкой вина, украшением

моего подвала? Попробуйте-ка это вино: как оно мягко, вкусно, густо, бархатисто!..

— Да, прекрасно! Восхитительно! Как оно пригодится г-ну Д., фабриканту сукон.

— Г-ну Д., фабриканту? Что вы этим хотите сказать?

— То, что он извлечет из него большую выгоду.

— Как? Что такое? Черт побери, если я что-нибудь понимаю!

— Разве вы не знаете, что г-н Д. основал превосходное предприятие, весьма полезное для страны, на которое в итоге ежегодно приносит только значительный убыток?

— Всем сердцем я жалею его. Но я-то тут при чем?

— Законодательное собрание пришло к заключению, что если это будет продолжаться, то г-н Д. будет вынужден или лучше работать, или закрыть свое заведение.

— Да что же общего между ошибками г-на Д. и моей бочкой?

— Законодатели решили, что если они дадут г-ну Д. немного вина, взятого у вас в подвале, несколько гектолитров зерна у ваших соседей, несколько су из жалования рабочих, то его убытки превратятся в доходы.

— Рецепт столь же безошибочен, сколь и остроумен. Но, черт возьми, он страшно несправедлив. Как? Г-н Д. покроет свои убытки за счет моего вина?

— Нет, не за счет вина собственно, а за счет его цены. Это то, что называется поощрительной субсидией.

Вы выглядите удивленным! Разве вы не видите, какую важную услугу оказываете отечеству?

— Вы хотите сказать — г-ну Д.?

— Нет, именно отечеству. Г-н Д. уверяет, что его бизнес будет процветать благодаря этому порядку, а следовательно, и страна станет богаче. Недавно он говорил об этом в законодательном собрании, где состоит депутатом.

— Какой ловкий обман! Как? Какой-нибудь неумеха затеет глупое предприятие, растратит свой капитал, и, если сумеет отобрать у меня достаточное количество вина или зерна, чтобы покрыть свои убытки, в этом видят выигрыш для всей страны?

— Так рассудил ваш уполномоченный; вам не остается теперь ничего другого, как выдать мне шесть бочек вина и продать как можно выгоднее остальные четырнадцать.

— Ну, это мое дело.

— Да, но будет очень обидно, если вы не продадите их по высокой цене.

— Я сам позабочусь об этом.

— Ведь найдется еще много нужд, на которые понадобятся эти деньги.

— Знаю, знаю это, милостивый государь!

— Во-первых, если вы купите железо для починки ваших заступов и сох, то по закону заплатите за него кузнецу вдвое против того, что оно стоит.

— А! Да это же почище Шварцвальда!..¹²⁹

— Потом, если вам нужно купить масло, мясо, полотно, каменный уголь, шерсть, сахар, то каждый

продавец на основании того же закона поставит вам их в счет вдвое дороже.

— Но ведь это гадко, ужасно, отвратительно!

— К чему эти жалобы? Вы сами через вашего представителя...

— Да оставьте меня в покое с моим представителем. Я сделал странный выбор, это правда. Но в следующий раз я не попадусь, я выберу в свои представители простого и честного крестьянина.

— О нет, вы опять выберете бравого генерала.

— Как?! Я опять выберу генерала, чтобы раздали мое вино каким-то африканцам и фабрикантам?

— Да, вы опять выберете его, я говорю вам это.

— Ну уж это слишком. Я не выберу его, если не захочу.

— Но вы захотите и непременно выберете.

— Пускай попробует, он увидит, с кем имеет дело.

— Посмотрим. А пока прощайте. Я увожу ваши шесть бочек и распределю их, как решил ваш генерал.

II.11. Утопист¹³⁰

— О, если бы я был министром Его величества!..

— Ну, что же бы вы сделали тогда?..

— Я бы начал с... с..., да с того, что пришел бы в величайшее затруднение. Я сделался бы министром только потому, что за меня было бы большинство; оно могло бы быть на моей стороне только в том случае, если бы я приобрел себе большой круг приверженцев; а их можно приобрести, по крайней мере честным образом, только руководствуясь в управлении господствующими в обществе воззрениями... Поэтому, если бы я хотел следовать своим собственным идеям, противоречащим представлениям большинства, то оно перестало бы стоять за меня; а если бы на моей стороне не было большинства, то я не был бы и министром Его величества.

— Но, предположим, что вы уже министр и большинство уже не стоит на вашем пути, что стали бы вы делать в таком случае?

— Прежде всего я бы стал искать способы установить *справедливость*.

— А потом?

— Я стал бы искать способы *повысить благосостояние*.

— А потом?

— Я попытался бы определить, совместимы ли между собой *справедливость* и *благосостояние* или противоречат друг другу.

— А если бы вы нашли, что они несовместимы?

— Тогда б сказал я королю Филиппу:

Возьмите у меня портфель обратно
Пусть слог здесь устарел, пусть рифма здесь бедна,
Вы не находите, стократ милей она,
Чем то правление, что разуму противно?
Сама живая страсть в ней говорит наивно¹³¹.

— Но предположим, вы обнаружили, что справедливость и благосостояние достигаются одними и теми же средствами.

— Тогда я пошел бы прямо к цели.

— Очень хорошо; но для достижения благосостояния посредством справедливости необходим третий элемент.

— Какой?

— Удобный случай.

— Вы предоставили его мне.

— Когда?

— Сейчас.

— Каким образом?

— Вы предположили, что большинство будет на моей стороне.

— Мне кажется, что это слишком смелое предположение; для этого нужно допустить, что большинство ясно понимает, что является справедливым, что — полезным, а также осознает полную гармонию между ними.

— Но если бы оно сознавало все это, добро установилось бы в мире само собою, без посторонней помощи.

— Вот куда вы клоните: вы желаете убедить меня, что реформа возможна путем одного лишь прогресса всеобщего просвещения.

— И что этот прогресс делает любую необходимую реформу неизбежной.

— Прекрасно. Но этот предварительный прогресс происходит всегда медленно. Положим, что он достигнут. Что бы вы стали делать в таком случае? Мне хотелось бы скорее видеть вас в деле, как вы будете применять свои идеи на практике.

— Во-первых, я уменьшил бы плату за письма до 10 сантимов.

— Мне помнится, вы хотели прежде уменьшить ее до 5 сантимов¹³².

— Да, но у меня есть в виду еще другие преобразования, и потому я должен поступать с осторожностью, чтобы не дойти до дефицита.

— Удивительная осторожность! У вас и так уже дефицит в 30 миллионов.

— Затем я бы уменьшил налог на соль до 10 франков.

— Хорошо, вот вам еще 30 миллионов дефицита. Вы, вероятно, изобрели какой-нибудь новый налог?

— Сохрани меня Бог! Я вовсе не претендую на такого рода изобретательность.

— Однако нужно же... А, понимаю! Как это я раньше не догадался? Вы просто сократите расходы. Я и не подумал об этом.

— Не вы один не думаете об этом. Конечно, я дойду и до сокращения расходов, но в настоящее время я не на это рассчитываю.

— Да как же это! Вы уменьшите доходы, не сокращая расходов, и при этом избежите дефицита?

— Да еще уменьшу и другие налоги.

(Здесь собеседник, приложив указательный палец правой руки ко лбу, качает головой, что, вероятно, означает: он, кажется, выжил из ума.)

— Да уж, гениальный план. Я плачу в казну 100 франков налогов, из них вы слагаете с меня 5 франков на соль, 5 франков на почту, а для того, чтобы казна получила все-таки свои 100 франков, вы освобождаете меня еще от других налогов на 10 франков?..

— Стойте! Вы поняли меня.

— Черт возьми, если только это правда! Я не уверен даже в том, хорошо ли я расслышал ваши последние слова.

— Повторяю вам, что уменьшение одного налога я уравновешу уменьшением другого.

— Так и быть, несколько минут я свободен, послушаю, как вы станете доказывать этот парадокс.

— Вот в чем тайна. Мне известно, что вы платите 20 франков одного налога, из которого в казну не поступает ни гроша, я освобожу вас от половины этого сбора, а вторую половину отправлю сборщику налогов.

— В самом деле! Вы превосходный финансист. Но скажите на милость, что за налог, который я плачу и который не поступает в казну?

— Сколько вы заплатили за ваше платье?

— 100 франков.

— А если бы вы купили себе сукно из Вервье¹³³, во сколько бы вам обошлось оно?

— В 80 франков.

— Почему же вы не выписали сукна из Вервье?

— Потому что это запрещено.

— А зачем это запрещено?

— Затем, чтобы платить мне обходилось в 100 франков вместо 80.

— Значит, это запрещение стоит вам 20 франков.

— Без сомнения.

— А куда же идут они, эти 20 франков?

— Да куда им идти? В карман фабриканта.

— Ну, так дайте мне 10 франков для казны, я уничтожу это запрещение, и вы выиграете еще 10 франков.

— А-а! Начинаю понимать. Вот в чем расчет: казначейство теряет 5 франков на почтовом сборе, 5 — на акцизе с соли и выигрывает 10 франков на сукне. В итоге будет то же самое, что и прежде.

— А вот ваш расчет: вы выигрываете 5 франков на соли, 5 франков на почте и 10 франков на сукне.

— Всего 20 франков. Ваш проект нравится мне. Но что станется с бедным фабрикантом сукон?

— Не бойтесь, я подумал и о нем: я и для него нашел вознаграждение. Всё при помощи того же уменьшения налогов, выгодного для казны. То, что я сделал для вас в отношении сукна, я сделаю для фабриканта в отношении шерсти, каменного угля, машин и пр., так что он будет иметь возможность понизить без убытка цену своей продукции.

— Но уверены ли вы, что эти льготы вознаградят его потерю?

— Он останется еще в выгоде. Вы же кроме 20 франков, полученных на сукне, сделаете еще экономию на хлебе, мясе, топливе и т.д. Это составит

значительную сумму; подобное же сбережение сделает каждый из 35 миллионов ваших сограждан.

Будет на что скупить все сукна Вервье и Эльбефа¹³⁴. Народ будет лучше одеваться — вот и все.

— Надо подумать об этом на досуге, потому что сейчас у меня в голове все перепуталось.

— Но согласитесь, что относительно платья главное в том, чтобы быть одетым. Ваше тело составляет вашу собственность, а не собственность фабриканта. Защитить его от холода — ваша обязанность, а не его! Если закон принимает его сторону против вас, то такой закон несправедлив; а вы разрешили мне рассуждать, исходя из предположения, что все несправедливое вредно.

— Возможно, я слишком увлекся; но продолжайте развивать ваш финансовый план.

— Затем я составлю тариф.

— В двух томах *in folio*¹³⁵?

— Нет, в двух статьях.

— После этого не станут уже говорить, что знаменитая аксиома: «Незнание закона не является оправданием» есть фикция. Но что же это будет за тариф?

— Вот он:

Статья 1. Со всякого ввозящегося товара взимается пошлина в 5% его стоимости.

— Даже с сырья?

— За исключением того случая, если они вовсе ничего не будут стоить.

— Но все они более или менее ценны.

— В таком случае они будут облагаться большей или меньшей пошлиной.

— Каким же образом хотите вы, чтобы наши фабрики конкурировали с иностранными, которые покупают сырье без всякой пошлины?

— При условии, что государственные расходы остались на том же уровне, если мы перекроем этот источник дохода, то необходимо будет искать другой; от свободного ввоза сырья наши фабрики не улучшатся, и, сверх того, еще придется учреждать и содержать целое управление.

— Ваша правда. Я рассуждал так, как будто дело шло об уничтожении, а не о перемещении налога; я подумаю об этом. Но какая же будет вторая статья вашего тарифа?

Статья 2. Со всякого вывозящегося товара взимается пошлина в 5% его стоимости.

— Помилуйте, господин утопист! Вы рискуете быть побитым камнями, и, в случае нужды, я первым брошу в вас камень.

— Мы предположили, что большинство уже просвещено.

— Просвещено! Не станете ли вы утверждать, что вывозная пошлина не тягостна?

— Всякий налог тягостен, но этот менее других.

— Во время Масленицы некоторые странности извинительны. Потрудитесь оправдать, если возможно, этот новый парадокс?

— Сколько вы заплатили за это вино?

— По франку за литр.

— Сколько бы вы заплатили за него, если бы купили его за заставой?

— 50 сантимов.

— Откуда же такая разница?

— Спросите у тех, кто учредил сбор в пользу города: зачем при ввозе вина берут 10 су с каждого литра?

— А кто установил октруа¹³⁶?

— Городская община, чтобы на эти деньги мостить и освещать улицы.

— Значит, это ввозная пошлина. Но если бы октруа собирали соседние общины в свою пользу, что было бы тогда?

— Я все же платил бы 1 франк за вино, стоящее 50 сантимов, а остальные 50 сантимов шли бы на мощение и освещение улиц в Монмартре и Бастиньоне¹³⁷.

— Значит, в любом случае налог падает на потребителя?

— В этом нет никакого сомнения.

— Следовательно, облагая пошлиной вывозимые товары, вы заставляете иностранцев оплачивать часть ваших издержек.

— Позвольте остановить вас, это уже несправедливо.

— Почему? Для производства товара страна должна обладать системой образования, полицией, дорогами — все это стоит денег. Почему же иностранцы, если они являются конечными потребителями, не должны нести все издержки, связанные с производством товара?

— Это противоречит общепринятым понятиям.

— Нисколько. Последний покупатель должен оплачивать все издержки производства, прямые и косвенные.

— Что бы вы ни говорили, а такая мера непременно парализует торговлю и отрежет нас от зарубежных рынков.

— Это заблуждение. Если бы вас принуждали платить эту пошлину помимо всех остальных, тогда вы были бы правы. Но если 100 миллионов, собранные этим путем, освободят вас от такого же количества других налогов, то заграничный рынок, со всеми выгодами, которые он предоставлял вам до того времени, будет для вас столь же доступен, как и прежде, и даже более, если сбор нового налога будет сопряжен с меньшими затруднениями и издержками.

— Я должен подумать над этим. Итак, мы установили с вами акциз на соль, почтовый сбор и таможенные пошлины. Теперь всё?

— Это только начало.

— Сделайте милость, познакомьте меня с другими вашими утопическими идеями!

— Я потерял 60 миллионов на соляном и почтовом сборах. Таможня вознаградила меня за это; но, кроме того, она ценна для меня еще и в другом отношении.

— В каком же?

— Международные отношения установятся на принципах справедливости, и сохранение мира будет практически гарантировано. Я распушу армию.

— Всю армию?

— Исключая, конечно, особые рода войск, в которые будут определяться по добровольному желанию, как и на все другие должности. Таким образом, вы видите, уничтожится воинская повинность.

— Скажите лучше — вербовка в армию¹³⁸.

— Ах да! Я и забыл. Удивительно, как легко в некоторых странах увековечить САМУЮ НЕПОПУЛЯРНУЮ ПОЛИТИКУ [37], изменив только ее название!

— Подобно тому, как соединенные пошлины сделались косвенными налогами¹³⁹.

— И жандармы, которым дано теперь название муниципальных войск.

— Одним словом, вы хотите разоружить страну, надеясь на утопии.

— Я сказал, что я распускаю армию, а не разоружаю страну. Наоборот, я хочу создать в ней непобедимую силу.

— Как же вы выпутаетесь из этого клубка противоречий?

— Я призыву на службу всех граждан.

— Стоит ли труда увольнять нескольких для того, чтобы призвать потом всех?

— Не за тем же сделали вы меня министром, чтобы оставлять порядок вещей, существующий теперь. При вступлении в управление я скажу, как Ришелье¹⁴⁰: «Принципы функционирования государства изменились, и моим первым правилом, на котором будет построено все управление, будет то, что каждый гражданин обязан знать две вещи: как добывать себе средства к существованию и как защищать свою страну».

— На первый взгляд мне кажется, что в этом предположении есть здравый смысл.

— Вследствие этого я издал бы закон, состоящий из двух статей, на котором будет основана защита

государства:

Статья 1. Каждый гражданин крепкого телосложения без исключения по достижении им 21 года обязан прослужить 4 года, чтобы получить военное образование.

— Вот отличная экономия! Вы распускаете 400 тысяч солдат, а набираете 10 миллионов.

— Выслушайте еще вторую статью моего закона.

Статья 2. Исключение допускается в том только случае, если человек по достижении 21-летнего возраста докажет, что в совершенстве знает военную подготовку.

— Я никак не ожидал такой оговорки. Чтобы избежать четырехлетней службы, все молодые люди будут наперебой стараться пройти эту школу. Ваша мысль фантастична.

— Это выражение недостаточно. Разве реализация этой идеи, избавив отцов семейств от многих горестей и не нарушая принципа равенства, не дает стране возможность иметь самым простым и дешевым способом 10-миллионное войско, способное бороться со всеми постоянными армиями земного шара, взятыми вместе?

— На самом деле, если бы я не был человеком осторожным, я, пожалуй, поддержал бы ваши фантастические идеи.

Утопист, разгорячась: «Помилуйте, я сохраняю в бюджете 20 миллионов. Потом уничтожаю городские заставные пошлины, изменяю способ взимания косвенных налогов, я...»

— Минуту, господин утопист!

Утопист, все более и более воодушевляясь: «Я объявлю свободу вероисповеданий, свободу образования¹⁴¹. А вот еще новые проекты: я куплю железные дороги¹⁴², выплачу государственный долг, остановлю спекуляцию...»

— Господин утопист!..

— Избавив правительство от непомерных забот, только обременяющих его, я направлю все силы на преследование обмана и обеспечение всем членам общества скорого и беспристрастного правосудия, я...

— Господин утопист, вы предпринимаете слишком много: народ не последует за вами.

— Вы дали мне большинство.

— Я забираю его у вас.

— Очень хорошо! В этом случае я больше не премьер-министр, и мои планы остаются тем, чем они являются, — утопией.

II.12. Соль, почты, таможня¹⁴³

Некоторое время тому назад надеялись, что шестеренки механизма представительного правления вот-вот произведут на свет невиданное доселе новшество, а именно: *облегчение участи налогоплательщиков*.

Все с волнением ожидали результата. Эксперимент имел прямое отношение к кошелькам людей и этим вызывал острое любопытство. В то время никто не сомневался, что машине сообщен достаточный импульс, потому что, когда колеса крутятся под действием личного интереса и новизны, механизм работает превосходно в любое время дня и года, в каком угодно месте и в любых условиях.

Но никто еще не знает, на что эта машина способна, когда дело касается упрощения и выравнивания затрат на правительство с целью сделать его менее обременительным.

Говорили: «Скоро увидите. Наступает решительная минута. Это произойдет на четвертой сессии, когда общественное одобрение приобретает особое значение. 1842 год дал нам железные дороги, в 1846-м должны быть понижены налоги на соль и размер платы за пересылку писем; что касается реформы тарифа и косвенных налогов, то придется подождать до 1850 года. Словом, четвертая сессия — это праздник для налогоплательщиков»¹⁴⁴.

Каждый был полон надежд, и все, казалось, благоприятствовало опыту. Министр объявил, что с каждым кварталом доходы правительства увеличиваются,

и не найти лучшего применения этим неожиданным дополнительным доходам, как дать крестьянину возможность купить немного больше соли для его горячей воды¹⁴⁵ и получить лишнее письмо от сына, жизнь которого подвергается опасности на поле битвы.

Что же вышло? Две реформы свели друг друга на нет, подобно двум сахаристым веществам, которые, как говорят, не дают одно другому кристаллизоваться, или тем двум собакам, которые грызлись до тех пор, пока остались от них только хвосты. И от реформы нам остались одни только хвосты, т.е. множество проектов законов, аргументов «за» и «против», докладов, статистических исследований и разных дополнительных сведений, в которых, к утешению своему, мы можем видеть гуманную оценку и гомеопатическое исчисление своих страданий.

Что же касается самих преобразований, то они не выкристаллизовались. Мы ничего не нашли в реторте; опыт не удался.

Скоро химики предстанут пред судом присяжных для объяснения этой неудачи.

Один из них скажет: «Я предлагал почтовую реформу, но парламент хотел уменьшить налог на соль, и мне пришлось отозвать свой проект».

Другой: «Я вносил законопроект об уменьшении налога на соль; но кабинет министров предложил почтовую реформу, и моему предложению не был дан ход».

И суд присяжных, найдя такие объяснения превосходными, снова начнет опыт на основании тех же данных и поручит произвести его тем же самым химикам.

Обстоятельство это наводит на мысль: а не разумнее ли будет для общества заняться только одной реформой, подобно тому, как это уже почти полвека принято по ту сторону пролива. Правда, это и долго, и скучно, но зато наверняка дает какой-нибудь результат.

Во Франции одновременно осуществляются десятки реформ, они, как души, толпятся у врат забвения, и ни одна не входит.

Ohime! Che lasso!
Una a la volta, per carita¹⁴⁶.

Так говорил *Жак Боном*, беседуя с *Джоном Буллем* о почтовой реформе. Их разговор стоит привести.

Жак Боном. О! Кто избавит меня от этого круговорота реформ! У меня голова трещит от них. Их, кажется, изобретают каждый день: реформа образования, финансовая реформа, реформа здравоохранения, парламентская реформа, реформа избирательной системы, социальная реформа, реформа торговли и вот теперь почтовая реформа!

Джон Буль. Что касается последней, то осуществить ее легко, а между тем она должна принести много пользы, как показал наш опыт, и я осмелюсь вам посоветовать не медлить с ней.

Жак. А говорят, что в Англии она имела дурные последствия и что ваше казначейство потеряло 10 миллионов...

Джон. Что принесло народу 100 миллионов!

Жак. В самом деле?

Джон. Все признаки народного удовлетворения налицо. Посмотрите, как народ вместе с Пилем и Расселом, на британский лад, выражает весьма весомую признательность г-ну Роланду Хиллу¹⁴⁷. Посмотрите на бедняков, демонстрирующих свое отношение тем, что, отправляя письма, они запечатывают их не иначе, как облатками с девизом «Благодарный народ — почтовой реформе». Предводители Лиги¹⁴⁸ заявили на пленарном заседании парламента, что без этой реформы им понадобилось бы 30 лет на то, чтобы довести до конца свое великое дело — освобождение пици бедняков от таможенных ограничений. Чиновники Департамента торговли выразили сожаление, что номинал английской монеты не допускает более радикального уменьшения платы за пересылку писем. Какие доказательства вам еще нужны?

Жак. Да, но казна?

Джон. А разве интересы казны и народа не связаны между собой самым тесным образом?

Жак. Не совсем. А к тому же, достоверно ли известно, что наша почтовая система нуждается в преобразовании?

Джон. В том-то и заключается вопрос. Посмотрим, что она из себя представляет. Что делается у вас с письмами, поступающими на почту?

Жак. О! Механизм этой системы очень прост: директор в известный час открывает ящик и вынимает оттуда, положим, 100 писем.

Джон. Потом?

Жак. Потом осматривает их одно за другим. Перед ним находятся географическая таблица и весы, с помощью которых он определяет, к какой категории относится каждое письмо в зависимости от расстояния до пункта назначения и веса. Существует 11 тарифных зон и столько же степеней веса.

Джон. Это составляет 121 комбинацию для одного письма.

Жак. Да, но это число нужно удвоить, потому что отдельно выделена доставка в сельскую местность.

Джон. Следовательно, для сортировки 100 писем необходимо сделать 24 200 справок. Что же делает директор после этого?

Жак. Он надписывает вес в углу конверта, а посередине его условным знаком обозначает величину причитающегося почтового сбора.

Джон. А потом?

Жак. Накладывает штемпель, распределяет письма на десять связок, по числу почтовых отделений, в которые отправляются письма, и подсчитывает общую сумму почтового сбора для каждой связки.

Джон. А потом?

Жак. Потом он пишет по письму каждому из десяти директоров соответствующих отделений, чтобы сообщить информацию, необходимую им для составления отчетности.

Джон. А если посылается оплаченное письмо?

Жак. О, в таком случае дело несколько сложнее. Надо получить письмо, взвесить его и справиться, как и прежде, об отдаленности места, куда

оно посылается, принять причитающийся сбор и выдать сдачу, выбрать соответствующий штемпель, поставить на письме его номер по порядку, вес и сумму почтового сбора; занести весь адрес сначала в первый реестр, потом во второй, потом в третий, потом на отдельный листок; завернув письмо в этот листок, хорошенько обвязать шнурком и отправить соответствующему директору в пункте назначения, зарегистрировать каждое из этих обстоятельств в десятке столбцов, из пятидесяти, которыми испещрена приходная книга.

Джон. И все это за 40 сантимов!

Жак. Да, в среднем.

Джон. Я вижу, что отправка действительно довольно проста. Ну, а как же производится прием писем, прибывших в место назначения?¹⁴⁹

Жак. Директор вскрывает пакет.

Джон. Потом?

Жак. Он читает десять уведомлений своих корреспондентов.

Джон. Далее?

Жак. Сличает итог, показанный в каждом уведомлении, с итогом, полученным из сумм, выставленных на письмах каждой из десяти связок.

Джон. Далее?

Жак. Выводит общий итог. Этот последний определяет сумму, которую следует получить от почтальона.

Джон. Далее?

Жак. Далее, с помощью таблицы расстояний и весов он поверяет и, если нужно, исправляет почтовый сбор каждого отдельного письма.

Джон. А затем?

Жак. Он записывает в разных графах различных реестров (в зависимости от бесчисленных обстоятельств) письма, за которые взято более или менее установленной таксы.

Джон. А затем?

Жак. Он списывается с десятью директорами по поводу ошибок в 10 или 20 сантимов.

Джон. Далее?

Жак. Перебирает все полученные письма, чтобы раздать их почтальонам.

Джон. Далее?

Жак. Выводит общий итог, который должен быть внесен каждым почтальоном.

Джон. Далее?

Жак. Почтальон проверяет этот итог, разбирает значение условных обозначений, выплачивает причитающуюся сумму и отправляется разносить письма.

Джон. So on¹⁵⁰.

Жак. Почтальон отправляется по адресу, стучится в дверь, лакей отворяет. По этому адресу, положим, шесть писем. Почтальон и лакей подсчитывают причитающийся почтовый сбор сначала по каждому письму в отдельности, затем складывают их. В итоге оказывается 2 франка 70 сантимов.

Джон. So on.

Жак. Лакей идет к господину, который приступает к проверке условных обозначений. Принимая цифру 3 за 2 и 9 за 4, он сомневается в правильности обозначения веса и расстояния; короче говоря, оказывается,

что нужно позвать почтальона, в ожидании же его господин старается угадать, от кого письма, раздумывая, не будет ли благоразумнее отказаться от них.

Джон. Go on.

Жак. Приходит почтальон и начинает защищать интересы почтового управления. Завязывается спор, письма рассматриваются, взвешиваются; наконец, господин принимает пять писем и отказывается от шестого.

Джон. Go on.

Жак. Остается расплатиться за полученные 5 писем. Слуга идет к булочнику разменять деньги. Наконец, минут через двадцать, почтальон освобождается и бежит далее, где его встречают те же задержки.

Джон. Go on.

Жак. Окончив дело, он возвращается в отделение; они с директором дважды просматривают цифры. Почтальон возвращает неприятые письма и получает за них от директора деньги обратно, а вместе с тем пересказывает возражения получателей относительно веса и расстояния.

Джон. Продолжайте.

Жак. Директор отыскивает реестры, приходные книги, отдельные листки, чтобы внести информацию по неприятым письмам.

Джон. Продолжайте.

Жак. Ей-богу, я ведь не директор. Мы дойдем до десятидневных, двадцатидневных, месячных отчетов; до способа, придуманного не только для того, чтобы установить, но и контролировать это мелочное счетоводство, доходящее в общей сложности до

50 миллионов франков, получающихся от установленной в среднем таксы в 43 сантима и 116 миллионов писем, из которых каждое может принадлежать к одной из 242 категорий.

Джон. Это чересчур сложная простота. Конечно, человек, решивший такую задачу, имел во сто крат более ума, чем ваш Пирон¹⁵¹ или наш Роланд Хилл.

Жак. Вы осмеиваете нашу систему, так объясните по крайней мере вашу.

Джон. В Англии правительство открывает продажу конвертов и почтовых марок там, где признает полезным, и по 1 пенни за штуку.

Жак. А после?

Джон. Вы пишете письмо, складываете его вчетверо, вкладываете в конверт, запечатываете, относите или отправляете на почту.

Жак. А потом?

Джон. Тем дело и кончается. Нет ни веса, ни расстояний, ни недовеса, ни перевеса, ни возвращенных писем, ни списков, ни реестров, ни приходных книг с графами, ни отчетности, ни контроля, ни сдачи, ни размена, ни возражений, ни объяснений, ни сборов, словом, ничего подобного.

Жак. Да, это очень просто, но только не слишком ли уж просто. Ведь это и ребенок поймет. Подобные реформы только подавляют гений великих администраторов. Что касается меня, то я на стороне французской системы. К тому же, ваша *одинаковая плата* заключает в себе один из самых важных недостатков: она несправедлива.

Джон. Почему же?

Жак. Потому что несправедливо заставлять платить столько же за письмо, отсылаемое куда-нибудь по соседству, сколько за то, которое отсылается за 100 лье.

Джон. Во всяком случае, вы согласитесь, что несправедливость ограничивается одним пенни.

Жак. Все равно, это все-таки несправедливость.

Джон. Она не превышает даже полпенни, потому что другая половина его идет на уплату издержек, одинаковых для каждого письма независимо от расстояний.

Жак. Все равно на пенни или на полпенни, но, во всяком, случае ваша система заключает в себе принцип несправедливости.

Джон. Наконец, эта несправедливость, которая в крайних случаях может дойти только до полпенни при каждом отдельном письме, исчезает в отношении всей переписки отдельного гражданина, потому что каждый пишет письма то в дальнее место, то в соседнее.

Жак. Я остаюсь при своем мнении. Несправедливость, если вы хотите, бесконечно мала, неуловима, в гомеопатических дозах, но все же она существует.

Джон. Заставляет ли вас правительство платить за табак на улице Клиши дорожке, нежели на набережной Орси?¹⁵²

Жак. К чему вы клоните?

Джон. К тому, что как в одном, так и в другом случае необходимы были издержки на провоз. Говоря

математически точно, по справедливости следовало бы, чтобы каждая щепотка табаку продавалась на улице Клиши хотя бы на какую-нибудь миллионную долю сантима дороже, нежели на набережной Орси.

Жак. Ваша правда, но нельзя же требовать невозможного.

Джон. Так согласитесь же, что и ваша почтовая система только кажется справедливой. Представьте себе границу, разделяющую две тарифные зоны. Два дома построены один возле другого, но один из них находится в более дорогой зоне, а второй — в более дешевой. Обитатель первого дома должен будет заплатить за полученное им письмо на 10 сантимов дороже, нежели жилец второго дома, т.е. именно на столько, сколько в Англии берется за пересылку письма. Вы видите, что все-таки в вашей системе гораздо больше несправедливости.

Жак. Кажется, здесь вы совершенно правы. Мое возражение не совсем основательно, но все же ваш способ приносит государству меньше дохода.

Я не слышал продолжения разговора. Кажется, однако, что Жак Боном вполне согласился с Джоном Буллем, потому что несколько дней спустя, когда появился доклад г-на Вьютри¹⁵³, он написал этому почтенному законодателю письмо следующего содержания.

Жак Боном г-ну де Вьютри, депутату, докладчику комиссии, учрежденной для рассмотрения проекта закона о почтовом сборе

Милостивый государь!

Хотя мне известно, какое сильное негодование возбуждают против себя люди, защищающие какую-нибудь безусловную теорию, я не считаю себя вправе не защищать *одинакового почтового сбора и низведения его до степени простого вознаграждения за услугу.*

Обращаясь к Вам, я заранее уверен, что перевес останется за Вами: с одной стороны, является пылкая голова, кабинетный реформатор, вздумавший ниспровергнуть целую систему разом, без всякого переходного периода, мечтатель, который, может быть, даже ни разу не заглянул в груды законов, приказов, таблиц, разных статистических и других сведений, приложенных к вашему донесению. Коротче говоря, *теоретик!* С другой стороны — законодатель серьезный, осторожный, умеренный, взвесивший самые разнообразные интересы и оберегающий их, отбросивший все возможные *системы*, или, что то же самое, составивший свою собственную теорию на основании данных, заимствованных им из всех систем. Конечно, нельзя не предвидеть, на чьей стороне будет победа.

Тем не менее, пока вопрос еще не решен окончательно, каждый из нас имеет право высказывать свои убеждения. Я знаю, что мое мнение довольно странно и вызовет, может быть, насмешливую улыбку у читателя. Все, чего я осмеливаюсь ожидать от него, это снисходительно выслушать мои доводы и потом уже беспощадно смеяться, если будут на то причины.

В конце концов, я так же, как и вы, могу сослаться на *опыт*, произведенный великим народом, и на то,

что он думает об этом опыте. Никто не отвергает его искусства в подобных делах, и мнение его имеет некоторый вес.

В Англии нет ни одного человека, который бы не благословлял *почтовой реформы*. В этом убеждает меня подписка, открытая в пользу г-на Роланда Хилла; в этом убеждает меня оригинальный способ, которым народ, как рассказывал Джон Буль, выражает свою благодарность; в этом убеждает меня часто повторяемое признание сторонников Лиги: без penny postage¹⁵⁴ мы никогда не создали бы общественное мнение, которое в настоящее время ниспровергает покровительственную систему. Наконец, привожу в доказательство цитату из сочинения, вышедшего из-под пера официального лица:

«Сбор за пересылку писем должен быть установлен не для обогащения государственной казны, а единственно с целью покрыть издержки на их пересылку».

К этому г-н Макгрегор¹⁵⁵ добавляет:

«Это правда, что, поскольку почтовая плата понижена до уровня самой мелкой монеты и дальнейшее ее понижение уже невозможно, она все еще приносит некоторый чистый доход. Этот доход, который, вероятно, будет постоянно увеличиваться, должен быть обращен на улучшение и распространение наших пакетботов на всех морях».

Все это приводит меня к рассмотрению основной мысли трудов комиссии, состоящей в том, чтобы сбор с писем непременно служил бы источником государственного дохода.

Эта мысль преобладает во всем вашем докладе, и я вынужден признать, что в той мере, в какой она лежала в основе ваших построений, вам повезет, если, пытаясь примирить все системы, вы не объединили все их недостатки.

Прежде всего надо ответить на фундаментальный вопрос: является ли переписка между частными лицами подходящим объектом для налогообложения?

Я не хочу входить в разбор отвлеченных принципов; не стану также доказывать, что в обществе главным двигателем может назваться обмен мыслей и что, следовательно, целью каждого правительства должно быть поощрение, а отнюдь не противодействие развитию и облегчению сообщений?

Рассмотрим положительные факты.

Длина всех дорог, королевских, департаментских и проселочных, достигает 1 миллиона километров; предположив, что каждый километр обошелся в 100 тысяч франков, получим, что на устройство дорог с целью облегчить передвижение грузов и людей государство затратило капитал в 100 миллиардов.

Теперь я спрашиваю: представим, что один из ваших почтенных товарищей предложил проект закона следующего содержания: «Начиная с 1 января 1847 года государство станет взимать со всех путешественников пошлину в таком размере, чтобы не только покрыть издержки устройства дорог, но чтобы сбор этот доставил государству капитал в 4 или 5 раз более затраченного». Не нашли бы вы предложение это противообщественным и чудовищным?

Почему же мысль об извлечении выгоды — что я говорю? — о простом вознаграждении, никогда не приходила на ум, когда дело касалось перемещения вещей, а между тем она кажется столь естественной в вопросе об обращении мыслей?

Смею уверить вас, что это лишь дело привычки. Если бы вопрос об учреждении почт возник сегодня, то наверное казалось бы неестественною мысль образовать их лишь для доставления дохода государству.

Заметьте, что принуждение выражается здесь более явственным образом.

Когда государство строит дорогу, оно никого не принуждает ездить по ней. Нет сомнения, что оно делало бы это, если бы за проезд по дорогам взималась пошлина. При учреждении национальной почтовой службы никто не имеет возможности посылать свои письма, кому бы они ни были адресованы, иначе, как по этой почте.

Итак, в основании организации почт должен быть тот принцип, что плата за пересылку писем взимается только для покрытия обычных для этого расходов и что, следовательно, она должна быть одинакова для всех писем.

Если только допустить эту мысль, то нельзя не удивляться легкости, возможному совершенству и простоте осуществления реформы.

Вся она может быть выражена следующим проектом закона:

«Ст. 1. С 1 января 1847 года будут продаваться повсеместно, где правительство признает это

полезным, конверты и штемпельные бандероли по цене в 5 (или 10) сантимов.

2. Каждое письмо, вложенное в такой конверт и не превышающее весом 15 граммов, всякий пакет с журналом или брошюрой, обклеенный штемпельной бандеролью и не превышающий весом ... граммов, будет приниматься на почту и пересылаться бесплатно по указанному адресу.

3. Отдел учета почтового ведомства упраздняется.

4. *Все уголовные законы, касающиеся почтовых сборов, отменяются».*

Все это очень просто, даже слишком просто, но тем не менее я предвижу бесконечное множество возражений.

Если скажут, что эта система имеет свои отрицательные стороны, то никто не будет спорить; вопрос в том, не имеет ли ваша система еще больших недостатков.

И, по правде сказать, может ли она, в каком бы то ни было отношении (исключая, конечно, доходности), выдержать какое-нибудь сравнение с моей?

Рассмотрите и ту и другую; сравните их, принимая во внимание легкость, удобство, быстроту, простоту, порядок, экономию, справедливость, увеличение объема услуг, эмоциональное удовлетворение, умственное и нравственное развитие, содействие просвещению, и скажите, положив руку на сердце: возможно ли сомневаться в выборе между ними?

Я, конечно, не стану развивать каждый из этих доводов. Я вписываю их вам в заголовке двенадцати

глав и оставляю вам бумагу чистой в уверенности, что никто лучше вас не в состоянии развить их.

Но так как здесь представлено одно только возражение, а именно: *доходность*, то считаю себя обязанным сказать о нем несколько слов.

По данным составленной вами таблицы видно, что при установлении одинаковой платы, даже в 20 сантимов, казначейство ежегодно теряет 22 миллиона франков.

Если бы понизить ее до 10 сантимов, то потеря составляла бы 28 миллионов, а до 5 сантимов — 33 миллиона; эти предположения так грозны, что вы даже не считаете нужным говорить о них.

Но позвольте вам сказать, что цифры, представленные в вашем докладе, довольно произвольны. Во всех ваших таблицах и расчетах вы подразумеваете слова «*все прочее останется без изменений*». Вы предполагаете одни и те же издержки как на простое, так и на сложное управление; одно и то же число писем при существовании среднего сбора в 43 сантима, как и при единой ставке в 20 сантимов. Вы ограничиваетесь следующим выводом: 87 миллионов писем по 42 сантима дали сбора столько-то, следовательно, при установлении таксы в 20 сантимов они дадут столько-то; и притом вы не забываете вводить в этот расчет разницу, если только она противоречит реформе.

Для определения действительной потери, которую понесет казначейство, необходимо сначала узнать, какая экономия будет получена от сокращения издержек

на управление; потом, насколько увеличится поток корреспонденции. Давайте учитывать лишь последнее обстоятельство, предположив, что экономия на издержках будет потрачена на увеличение оплаты труда работников, у которых возрастет объем работ.

Без сомнения, невозможно определить точно, насколько увеличится количество писем; но в подобных случаях всегда допускается разумная аналогия.

Вы сами говорите, что в Англии после уменьшения тарифа на $\frac{7}{8}$ объем корреспонденции возрос на 360%.

У нас понижение почтового сбора до 5 сантимов, вместо взимаемых в настоящее время в среднем 43 сантимов с письма, составило бы также уменьшение в $\frac{7}{8}$. Значит, можно было бы ожидать того же результата, т.е. увеличения переписки до 417 миллионов писем вместо 116 миллионов.

Но будем рассчитывать лишь на 300 миллионов.

После проведения в Англии почтовой реформы каждый англичанин посылает в среднем 13 писем. Будет ли преувеличением, если допустить, что при установлении почтового сбора, составляющего половину от существующего в Англии, мы увеличим переписку до 8 писем на душу населения?

300 млн писем по 5 сант.	15 млн фр.
100 млн журналов и брошюр по 5 сант.	5 млн фр.
С проезжающих в почтовых каретах.	4 млн фр.
От пересылки денег	4 млн фр.

Итого сбора. . . . . 28 млн фр.

В настоящее время издержки на содержание почт (которые могут уменьшиться) . . .	31 млн фр.
Минус издержки на содержание пакетботов	5 млн фр.
Остаток — издержки на пересылку писем, денег и перевозку путешественников	26 млн фр.
<hr/>	
Чистый доход	2 млн фр.
Чистый доход сегодня	19 млн фр.
<hr/>	
<i>Потери, или, вернее, уменьшение дохода.</i>	17 млн фр.

Теперь я спрашиваю, не должно ли государство, *жертвующее положительно до 800 миллионов ежегодно для облегчения безвозмездного перемещения людей, сделать отрицательное пожертвование в 17 миллионов, отказавшись от дохода с движения мыслей?*

Я знаю, что некоторые вещи принимаются людьми как само собой разумеющееся; как легко приучаются к увеличению своих доходов, и как, напротив, малейшее их уменьшение встречается с крайним беспокойством. Кажется, в этом отношении все снабжены тем же самым устройством, которое в нашем организме допускает кровь течь в одном только направлении, но препятствует ей идти обратно. Пусть так. Мы уже стары для того, чтобы изменять привычки. Поэтому не станем надеяться, что можно убедить кого-нибудь,

а тем более казну, оставить их. Но что если я, Жак Боном, укажу простое, легкое, удобное и чрезвычайно практичное средство сделать благо для страны и это ничего не будет стоить?

Почты дают валового дохода	50 млн фр.
Налог на соль	70 млн фр.
Таможенные пошлины	160 млн фр.

Итого с этих трех статей . . . . . 280 млн фр.

Установите единый сбор с писем в 5 сантимов.

Уменьшите налог на соль до 10 франков за центнер, как это предлагала палата.

Предоставьте мне право изменить таможенный тариф, с *запрещением повышать какие бы то ни было пошлины и с дозволением понижать их насколько заблагорассудится.*

И я, Жак Боном, гарантирую, что вы получите не 280, а 300 миллионов дохода. Двести банкиров во Франции будут моими поручителями. В награду себе я требую только того, что упомянутые три налога принесут сверх 300 миллионов.

Нужно ли перечислять все выгоды моего предложения? Вот они.

1. Для народа будет весьма полезна *дешевизна* предметов первой необходимости, т.е. соли.

2. *Отцы* будут в состоянии писать сыновьям, а матери — дочерям. Страсти, чувства, изливания любви и дружбы не будут, как теперь, подавляться в глубине сердца.

3. Передача письма к другу с оказией, помимо почты, не будет считаться, по нашим законам, преступлением.

4. Торговля, с предоставлением ей свободы, получит новое развитие; наш купеческий флот выйдет из унижения.

5. Государственная казна получит больше: во-первых, 20 миллионов, плюс весь сбор с других отраслей промышленности, в которые потекут деньги, сэкономленные гражданами вследствие понижения пошлины на соль, письма и другие предметы.

Если мое предложение не будет принято, то какое я должен буду вывести заключение? Под каким предлогом такое предложение может быть отвергнуто, если указанная мною компания банкиров предоставит достаточное обеспечение? Нельзя же ссылаться на нарушение равновесия в бюджете. Действительно, оно будет непременно нарушено, но нарушено таким образом, что доход превысит расход. Я не строю ни теории, ни системы, не составляю статистических описаний и предположений, не ссылаюсь на вероятности, я просто делаю предложение, как делает компания, которая просит концессию на железную дорогу. Казна объявляет мне, какой доход она получает от почтового сбора, от налога на соль и от таможенных пошлин. Я предлагаю дать ей *больше*, следовательно, возражение не может исходить с ее стороны. Я предлагаю уменьшить налог на соль, почтовый сбор и таможенные пошлины. Следовательно, не может быть возражений и со стороны налогоплательщиков.

Кто же станет противиться принятию моего предложения?.. Монополисты?.. Остается узнать, заглушит ли во Франции их голос голоса правительства и всего народа. Чтобы убедиться в этом, я покорнейше прошу передать мое предложение Кабинету министров.

Жак Боном

P.S. Вот суть моего предложения.

Я, Жак Боном, представитель компании банкиров и капиталистов, готовый предоставить все обеспечения и внести залогов, какие только будут необходимы,

осведомляясь, что таможенные пошлины, почтовый сбор и налог на соль сегодня приносят государству в общей сложности 280 миллионов дохода,

предлагаю дать ему 300 миллионов валового дохода с этих трех статей,

даже в том случае, если бы оно уменьшило налог на соль с 30 франков до 10;

равно и в том случае, если бы оно установило вместо среднего сбора с писем в 42 $\frac{1}{2}$ сантимов, единый сбор, от 5 до 10 сантимов,

но только с тем условием, чтобы мне дозволено было не повышать (что мне будет решительно запрещено), а понижать, насколько я захочу, таможенные пошлины.

Жак Боном

— Но это безрассудство с вашей стороны, — сказал я Жаку Боному, когда он прочитал мне свое письмо, — вы никогда не умели браться за дело с умеренностью. Когда-то вы восставали против

урагана реформ, а теперь сами требуете сразу три. Вы разоритесь.

— Будьте покойны, — отвечал он, — я все рассчитал. Дай Бог, чтобы они только приняли мое предложение! Но они не примут его.

После этого мы расстались, он, занятый своими расчетами, а я — размышлениями, от которых, впрочем, избавляю читателя.

II. 13. Покровительство, или Три депутата городской думы Доказательство в четырех картинах

Картина первая

(Сцена происходит в доме депутата Пьера.

Окно выходит в превосходный парк;
три человека сидят за столом напротив камина,
в котором разведен огонь)

Пьер. Да! Славная вещь: камин после обеда. Нельзя не согласиться, что это очень приятно. Но, увь, сколько честных людей подобно королю *Ивето* —

Свистят себе в кулак,
Да ежятся зимою!¹⁵⁶

Несчастные создания! Провидение внушает мне человеколюбивую мысль. Видите вы эти прекрасные деревья: я велю их срубить и раздам дрова бедным.

Поль и Жак. Как! Даром?

Пьер. Нет, не даром. У меня ненадолго бы достало средств на такие добрые дела, если бы я стал так расточать свое добро. Я ценю свой парк в 1000 ливров¹⁵⁷, но, срубив деревья, я могу извлечь из него гораздо бóльшую выгоду.

Поль. Вы ошибаетесь. Ваши деревья на корню имеют больше ценности, нежели деревья в соседних лесах, потому что от них получается такая польза, которой не могут принести деревья в лесах. Если вы срубите их, то они могут пойти только на одно топливо и будут стоить не дороже других дров ни на динар¹⁵⁸.

Пьер. Э-э! Господин теоретик, вы забываете, что я человек практический. Я думал, что моя оборотистость настолько известна, что может оградить меня от подозрений в глупости. Не полагаете ли вы, что я стану продавать свой лес по ценам сплавных дров¹⁵⁹?

Поль. Конечно, иначе нельзя.

Пьер. О, невинный младенец! А если я сделаю невозможным сплав дров в Париж?

Поль. Ну, тогда другое дело. Но как же вы делаете это?

Пьер. В том-то весь секрет. Вы знаете, что при пропуске в город сплавных дров с каждого воза взимается 10 су. Завтра же я уговорю депутатов городской думы повысить пошлину до 100, 200, 300 ливров; одним словом, до такой суммы, чтобы не могло быть ввезено дров ни на одну печку... И тогда — понимаете?... Если народ не захочет умирать от холода, то он придет на мой дровяной двор. За мои дрова будут драться. Я их буду продавать на вес золота, и это благодеяние даст мне средство сделать и другие.

Поль. Черт возьми! Славная выдумка! Она наводит меня на другую, в том же роде.

Жак. Расскажите нам. Нет ли и в ней филантропии?

Поль. Как вы нашли это нормандское масло?

Жак. Оно превосходно.

Поль. Да, только что оно и мне казалось довольно сносным. Но не находите ли вы, что оно немного горьковато? Я хочу заняться производством более

качественного масла в Париже. Я стану держать 400 или 500 коров и буду раздавать бедному народу молоко, масло и сыр.

Пьер и Жак. Как! В виде милостыни?

Поль. Ну, конечно! Человеколюбие должно быть всегда на первом плане. У него такое прекрасное лицо, что даже его маска уже служит превосходной рекомендацией. Я буду давать масло народу, а народ будет давать мне деньги. Разве это значит продавать?

Жак. По мнению *мещанина во дворянстве*¹⁶⁰, нет; но как вы ни называйте это, а все равно вы разоритесь. Разве Париж может соперничать с Нормандией в содержании дойных коров?

Поль. Я сэкономлю на транспортных расходах.

Жак. Хорошо. Но и с учетом транспортных расходов нормандцы все-таки в состоянии конкурировать с парижанами.

Поль. Кажется, под словом «конкурировать» вы имеете в виду «доставлять предметы по более низкой цене»?

Жак. Таков общепринятый смысл этого слова. Но вы-то, собственно, в любом случае будете побеждены.

Поль. Да, как Дон Кихот. Удары, направленные на меня, достанутся Санчо. *Жак*, друг мой, вы забываете *пошлину на продовольствие!*

Жак. Заставную пошлину! Что общего нашли вы между ней и своим маслом?

Поль. Завтра я потребую *покровительства*; я склоню городское общество запретить ввоз нормандского и бретонского коровьего масла. Тогда

народ должен будет или отказаться от его употребления, или покупать мое, и по цене, назначенной мной.

Жак. Ну, признаюсь, господа, ваша филантропия увлекает и меня. С волками жить, по-волчьи выть! И я не уступлю вам. Но кто скажет, что я недостойн носить звание депутата. Пьер, этот пылающий огонь воспламенил вашу душу, Поль, это коровье масло заставило разыграться ваш ум. Вот и я тоже почувствовал, что съеденный мной кусок ветчины дал сильный толчок моей мыслительной деятельности. Завтра я предложу и заставлю принять закон о недопущении ввоза свиней, битых или живых; потом я устрою по всему Парижу великолепные лавки (евреям религия запрещает иметь дело с нечистыми животными). Я сделаюсь продавцом свиней и поросят. Посмотрим, как народ избегнет необходимости покупать у меня провизию.

Пьер. Но, позвольте, господа, если вы вызовете подорожание коровьего масла и свинины, то вы отнимете у меня те барыши, которые я надеялся получить от продажи дров.

Поль. И мой проект будет не очень выгоден, если вы обложите меня данью за дрова и окорока.

Жак. А какая же будет польза мне от того, что я буду брать с вас дороже за колбасы, если вы будете брать с меня дороже за бутерброды и дрова?

Пьер. Эх, господа! Вот мы и начали ссориться. Лучше заключим между собой договор. Сделаем друг другу уступки. Притом, право, нехорошо руководствоваться побуждением одной лишь выгоды; чем же

виновно человечество, ведь нужно же дать бедному народу возможность иметь топливо?

Поль. Ваша правда. Надо, чтобы народ имел масло, с которым бы мог есть хлеб.

Жак. Без сомнения. И надо, чтобы он мог приправлять свое кушанье свиным салом.

Все вместе. Да здравствуют благотворительность и филантропия! Прощайте, до завтра! Мы возьмем приступом городской совет!

Пьер. Ах, я, было, и забыл! Еще одно: это очень важно. Друзья мои, в наш век эгоизма люди недоверчивы, и самые чистые намерения истолковываются часто в дурную сторону. Поль, лучше вы просите о дровах, а вы, Жак, защищайте необходимость запрящения ввоза масла, я же произнесу речь в пользу разведения свиней в Париже. Надо отклонить недоброжелательные подозрения.

Поль и Жак (выходя). Право, он — ловкий человек.

Картина вторая

(Заседание городского совета)

Поль. Дорогие коллеги! В Париж ежедневно ввозится огромное количество дров, отчего постоянно чувствительным образом уменьшается запас звонкой монеты. Если так будет продолжаться, то за 3 года мы непременно дойдем до совершенного разорения, что станет тогда с бедным народом? (*Браво!*) Запретим ввоз чужеземных дров. Я говорю не в свою пользу, потому что из всего леса, которым я владею, нельзя

было бы сделать и зубочистки; следовательно, в этом деле я не могу быть пристрастным. (*Хорошо, хорошо!*) Но вот у Пьера есть парк, он обеспечит топливом наших сограждан, которые не будут более в зависимости от угольщиков Ионы¹⁶¹. Думали ли вы когда-нибудь о том, что мы можем подвергнуться опасности умереть от холода, если владельцам лесов вдруг взбредет в голову не возить дрова в Париж. Запретим же ввоз дров. Этим мы предупредим истощение имеющегося у нас запаса денег, создадим у нас дровяную промышленность и откроем нашим работникам новый источник труда и сдельной платы. (*Аплодисменты.*)

Жак. Я одобряю такое человеколюбивое предложение нашего почтенного собрата, тем более что, как он сам сказал, предложение это совершенно бескорыстно. Пора положить конец распространению этой наглой теории *свободы торговли*, вызвавшей на нашем рынке необузданную конкуренцию. Теперь все провинции, находящиеся в выгодном положении относительно производства какого-нибудь рода товаров, наводняют нас ими, продают их нам по низким ценам и уничтожают тем самым парижскую промышленность. Государство обязано уравнивать условия производства благоразумными пошлинами; допускать ввоз из провинций только таких товаров, которые там дороже, чем в Париже, и избавить нас таким образом от неравной борьбы. Например, возможно ли производить молоко и масло в Париже, когда Бретань и Нормандия привозят к нам свои молочные продукты? Примите, милостивые государи, во внимание то,

что земля в Бретани дешевле, сена там больше, и что работников можно нанимать там на более выгодных условиях. Не говорит ли здравый смысл, что нужно уравнивать все эти выгоды введением тарифа, покровительственных пошлин? Я требую, чтобы пошлина на молоко и масло была назначена в 1000 процентов, а если нужно, то и в большем размере! Продукты питания подорожают в несколько раз от этой меры, но зато увеличится и заработная плата! У нас появятся скотные дворы, молочные лавки, будут организованы маслобойни и возникнут новые отрасли промышленности. Я не получу ни малейшей выгоды от исполнения предлагаемой мной меры. Я не держу коров и не хочу держать их. Меня побуждает единственное желание — быть полезным рабочему классу. (*Гул одобрения и аплодисменты.*)

Пьер. Я счастлив видеть в этом собрании государственных людей, столь честных, просвещенных и преданных интересам народа. (*Браво, браво!*) Я удивляюсь их самоотверженности и не могу ничем лучше доказать своего уважения к ним, как последовать их благородному примеру. Я одобряю их предложения и делаю новое — запретить ввоз свиней из Пуату. Я не хочу сам торговать свининой; в таком случае совесть заставила бы меня воздержаться от подобного предложения. Но не постыдно ли для нас, милостивые государи, быть данниками этих крестьян из Пуату¹⁶², осмеливающихся приходить даже на наш собственный рынок и захватывать производство, которым мы могли бы заниматься сами, и которые, завалив

наш рынок колбасами и окороками, возможно, не берут у нас ничего в обмен? В любом случае, кто может поручиться, что торговый баланс не в их пользу и что мы не обязаны выплачивать разницу звонкой монетой? Разве не ясно, что, если бы промышленность Пуату водворилась в Париже, она обеспечила бы занятость парижским рабочим?.. И потом, милостивые государи, не весьма ли вероятно, как метко сказал об этом г-н Лестибудуа¹⁶³, что мы покупаем ветчину из Пуату не на наши доходы, но на наши капиталы? Как долго это может продолжаться? Не потерпим же, чтоб алчные и коварные конкуренты продавали здесь свои товары по низким ценам и не позволяли нам производить те же товары самим. Господа депутаты городской думы! Париж облек нас своим доверием, мы должны оправдать его. Народ нуждается в работе, мы должны создать для него занятие, и если он будет платить немного дороже за ветчину, то по крайней мере мы будем знать, что пожертвовали нашими личными выгодами ради выгоды народных масс, как то должен делать каждый честный депутат. (*Гром рукоплесканий.*)

Голос. Я слышу, что здесь часто вспоминают о бедном народе, но под предлогом обеспечения его работой у него хотят отнять и то, что для него дороже самой работы: дрова, масло и мясо.

Пьер, Поль и Жак. Голосуйте! Кто за наше предложение? Прочь, утописты, теоретики, защитники общих принципов! Голосуйте, кто «за»! (*Все три предложения приняты.*)

Картина третья
Двадцать лет спустя
(Жак Боном и его сын)

Сын. Отец, решайся, нужно уезжать из Парижа: здесь невозможно жить. Работы нет, и все дорого.

Отец. Сын мой, ты не знаешь, как тяжело покидать место, где мы родились.

Сын. Хуже умирать от нищеты.

Отец. Иди, сын мой, искать себе более гостеприимную страну. Я не пойду от могил, в которых покоятся твои мать, братья и сестры. Я давно уже желаю найти возле них тот покой, которого мне не суждено было вкусить в этом злосчастном городе.

Сын. Полноте отчаиваться, батюшка; мы найдем работу в чужой земле, в Пуату, в Нормандии, в Бретани. Говорят, что вся парижская промышленность переходит мало-помалу в эти отдаленные места.

Отец. Это весьма естественно. Не имея возможности продавать нам дрова, продукты питания, провинции эти стали производить их только для собственного потребления, а остающееся у них время и свободные капиталы направляют на производство тех предметов, которые в прежнее время получали от нас.

Сын. Точно так же, как в Париже перестают делать хорошую мебель и хорошее платье, чтобы иметь время сажать деревья, разводить свиней и коров. Хотя я был еще очень мал, но помню огромные магазины, великолепные улицы, оживленные набережные Сены, занятые теперь лугами и рощами.

Отец. В провинции возникают многолюдные города, а Париж пустеет. Какая страшная перемена! И чтобы навлечь на нас это ужасное бедствие, достаточно было трех помешанных депутатов, воспользовавшихся общественным невежеством.

Сын. Расскажите мне, как это случилось, батюшка.

Отец. Очень просто. Под предлогом создания в Париже трех новых отраслей промышленности и тем самым рабочих мест эти люди добились запрещения ввоза дров, масла и мяса. Они присвоили себе право поставлять гражданам эти товары. Цены на них сразу повысились до невероятной степени. Никто не мог заработать достаточно денег для их приобретения, и те немногие люди, которые были в состоянии покупать их, должны были тратить на эти предметы все свои доходы и отказаться от приобретения других товаров; все производства разом остановились, сбыт наших товаров в провинции полностью прекратился. Нищета, смертность, эмиграция стали чувствительным образом уменьшать население Парижа.

Сын. Когда же это кончится?

Отец. Когда Париж превратится в лес и луга.

Сын. Я думаю, эти депутаты очень обогатились?

Отец. Сначала они получали огромные барыши, но со временем подверглись общему бедствию.

Сын. Возможно ли это?

Отец. Ты видишь те развалины, там был великолепный дом, окруженный превосходным парком. Если бы Париж продолжал процветать, то имущество

господина Пьера приносило бы ему ежегодно больше дохода, чем теперь он выручит от его продажи.

Сын. Как это возможно? Ведь он избавился от конкуренции.

Отец. Правда, конкуренция продавцов исчезла, но конкуренция покупателей тоже с каждым днем уменьшается и будет постоянно уменьшаться, пока Париж не превратится в чистое поле и пока ценность рожи господина Пьера не сравняется с ценностью такого же участка леса в Бондо¹⁶⁴. Таким образом, монополия, как и вообще всякая несправедливость, несет в самой себе зародыш наказания.

Сын. Это мне не совсем понятно; но упадок Парижа очевиден. Разве нет никакого средства уничтожить несправедливую меру, которую Пьер со своими товарищами заставил принять 20 лет тому назад?

Отец. Я открою тебе свою тайну. Именно для этого я и остаюсь в Париже. Я обращаюсь за помощью к народу. От него зависит восстановление заставной пошлины на прежних основаниях, что позволит освободить город от того губительного принципа, который привился и паразитирует на нем.

Сын. Вы преуспеете в этом с первого же дня.

Отец. О! Напротив, это дело тяжелое и трудное. Пьер, Поль и Жак живут в полном согласии. Они пойдут на всё, лишь бы не допустить ввоза дров, масла и мяса в Париж. И народ стоит за них. Он видит только ту работу, которую ему дают три покровительствуемые отрасли промышленности; он знает, скольким дровосекам и мясникам эти трое господ дают дело,

но не может составить себе точного понятия о той работе, которая явилась бы для него в гораздо большем объеме, под влиянием свободной торговли.

Сын. Если вся проблема только в этом, то вы должны открыть глаза народу.

Отец. Сын мой, в твоём возрасте не сомневаются ни в чём. Если я буду писать, народ не станет читать моих статей, потому что люди вынуждены столько работать для поддержания своего нищенского существования, что у них не остаётся свободного времени. Если я стану говорить, депутаты заткнут мне рот. Значит, народ ещё долго останется в своём гибельном заблуждении; политические партии, которые основывают исполнение своих надежд на его страстях, будут заботиться не столько об искоренении предрассудков в народе, сколько о том, чтобы извлечь из них выгоду. Поэтому мне придётся одновременно бороться с двумя самыми мощными силами нашего времени — с народом и политическими партиями. О! Я предвижу страшную бурю, готовую разразиться над головой любого, кто дерзнёт восстать против несправедливости, столь глубоко укоренившейся в нашей стране.

Сын. На твоей стороне будут справедливость и истина.

Отец. А на их стороне будут сила и клевета. Если бы я был ещё молод, но годы и страдания истощили мои силы.

Сын. Ну, так посвяти остаток их на служение отечеству. Начни дело освобождения и оставь мне в наследство заботу окончить его.

Картина четвертая (Волнение)

Жак Боном. Парижане! Потребуем реформы *заставной пошлины*; потребуем, чтобы она была установлена на прежнем основании. Пусть каждый гражданин получит право свободно покупать дрова, масло и мясо там, где ему заблагорассудится.

Народ. Да здравствует, да здравствует *свобода!*

Пьер. Парижане, не обольщайтесь этим словом. К чему послужит вам свобода покупать, если у вас не будет на это средств? А как вы будете приобретать их, если у вас не станет работы? Может ли Париж продавать свой дровяной лес так же дешево, как Бонди? Говядину — по такой же низкой цене, как Нормандия? Если вы откроете доступ этим товарам, конкурирующим с нашими, то что станется с нашими содержателями скота, дровосеками и продавцами свинины? Они не могут обойтись без покровительства.

Народ. Да здравствует, да здравствует *покровительство!*

Жак. Покровительство! Но разве вам, работникам, оказывают его? Разве вы не конкурируете друг с другом? Пусть же и продавцы дров, в свою очередь, испытывают конкуренцию. Они не имеют права с помощью закона повышать цену на свои дрова, если также посредством закона не хотят повысить заработную плату. Вы потеряли любовь к равенству.

Народ. Да здравствует, да здравствует *равенство!*

Пьер. Не слушайте этого мятежника. Мы повысили цену на дрова, мясо и масло, это правда; но только для того, чтобы иметь возможность хорошо платить рабочим. Нас побуждает к этому чувство человеколюбия.

Народ. Да здравствует, да здравствует *человеколюбие!*

Жак. Произведите, если возможно, посредством налога увеличение заработной платы или сделайте так, чтобы он не был причиной удорожания товаров: это одно и то же. Парижане требуют не человеколюбия, а справедливости.

Народ. Да здравствует, да здравствует *справедливость!*

Пьер. Именно дороговизна товаров и повышает, хотя и косвенным образом, заработную плату.

Народ. Да здравствует, да здравствует *дороговизна!*

Жак. Если масло дорого, то это не потому, что вы много платите работникам; и не потому, что вы сами получаете большие барыши, а единственно от того, что Париж поставлен в условия, неблагоприятные для развития этой промышленности; от того, что вам вздумалось производить в городе то, что должно производиться в деревне, а в деревне — то, что должно производиться в городе. У народа не стало от этого больше работы, он всего лишь занят другим делом. У него не прибавилось дохода, и он не имеет возможности покупать товары так дешево, как прежде.

Народ. Да здравствует, да здравствует *дешевизна!*

Пьер. Этот человек соблазняет вас красивыми речами. Рассмотрим вопрос во всей его простоте. Не правда ли, что если мы допустим ввоз масла, дров, мяса, то наш рынок будет наводнен товарами? Мы погибнем от избытка. Итак, остается лишь одно средство для предохранения нас от этого нового рода вторжения — закрыть все входы и поддерживать цены на предметы, искусственным образом производя в них недостаток.

Редкие возгласы. Да здравствует, да здравствует недостаток!

Жак. Раскроем истину в этом вопросе. Между всеми парижанами можно разделить только то, что есть в Париже. Если в нем меньше дров, масла, мяса, то на долю каждого жителя придется меньше этих предметов. Но в городе их будет меньше в том случае, если мы запретим их ввоз, нежели в том, если мы откроем им свободный доступ. Парижане! Каждый из вас только тогда будет в довольстве, когда будет всеобщее изобилие.

Народ. Да здравствует, да здравствует изобилие!

Пьер. Что бы ни говорил этот краснобай, он никогда не докажет нам, что для вас выгодно подчиняться необузданной конкуренции.

Народ. Долой, долой конкуренцию!

Жак. Сколько бы ни разглагольствовал этот человек, ему никогда не удастся заставить вас признать выгоды ограничения.

Народ. Долой, долой ограничение!

Пьер. А я объявляю, что, если бедные скотники и продавцы свинины будут лишены средств

к пропитанию, если они будут принесены в жертву теориям, я не ручаюсь за сохранение общественного порядка. Работники! Не доверяйте этому человеку. Это агент коварной Нормандии! Он руководствуется наставлениями чужеземцев. Это предатель, его нужно повесить.

(Народ хранит молчание.)

Жак. Парижане! Все, что я сказал сегодня, я говорил 20 лет тому назад, когда Пьер вздумал установить заставные пошлины для своей выгоды и к вашему разорению: значит — я не агент Нормандии. Повесьте меня, если хотите; но от этого угнетение не перестанет быть угнетением. Друзья мои, нужно убить не Жака и не Пьера, а свободу, если она страшит вас, или ограничение, если оно вредит вам.

Народ. Не станем никого вешать и освободим всех.

II.14. Что-то другое¹⁶⁵

— Что такое ограничение?

— Это частичное запрещение.

— Что такое запрещение?

— Это абсолютное ограничение.

— Таким образом, то, что верно по отношению к одному, будет верно и по отношению к другому?

— Да, различие лишь в степени. Между ограничением и запрещением существует то же отношение, какое существует между дугой круга и кругом.

— Следовательно, если запрещение дурно, то ограничение может быть хорошо?

— Точно так же, как дуга не может быть прямой, если круг изогнут.

— Какое общее название существует для ограничения и запрещения?

— Покровительство.

— В чем состоит конечный результат покровительства?

— Требовать от людей *тратить больше труда для достижения тех же результатов.*

— Отчего же люди так привязаны к покровительственной системе?

— Оттого, что при допущении свободной торговли одни и те же результаты достигались бы *меньшим трудом*, и это кажущееся уменьшение работы страшит их.

— Почему вы говорите «*кажущееся*»?

— Потому что каждый сбереженный труд может быть употреблен *на что-то другое*.

— Что именно?

— Этого нельзя определить заранее, да и нет нужды.

— Почему?

— Потому что если количество предметов, необходимых для удовлетворения потребностей современной Франции, могло бы быть добыто в 10 раз меньшим количеством труда, то никто не может определить, для удовлетворения каких именно новых потребностей был бы употреблен сбереженный труд. Один захотел бы лучше одеваться, другой — иметь лучшую пищу, третий — пожелал бы приобрести больше знаний, четвертый — получать больше удовольствий.

— Объясните мне механизм и последствия *покровительства*.

— Это нелегко. Прежде чем приступить к рассмотрению его свойств, весьма сложных, необходимо изучить более простые явления.

— Возьмите самый простой случай, какой хотите.

— Помните, как Робинзон Крузо без пилы взялся сделать доску?

— Да, он срубил дерево и потом, обтесывая его топором с правой и с левой стороны, довел его до толщины доски.

— Он, я думаю, долго трудился над этим?

— Целых две недели.

— Чем же он питался в это время?

— У него были запасы пищи.

— А что сделалось с топором?

— Он совершенно иступился.

— Очень хорошо. Но вы, может быть, не знаете, что в ту минуту, когда Робинзон только что принялся за работу и поднял топор, он увидел доску, выброшенную волной на берег?

— Какое счастье! Он верно тотчас бросился к ней?

— Это было первым его побуждением, но он остановился и так рассуждал сам с собою: «Если я пойду за доской, мне придется тащить ее, и я потеряю много времени на то, чтобы спуститься с крутого берега и опять взобраться на него.

Если же я сделаю доску своим топором, то, во-первых, я обеспечу себя работой на две недели, потом я иступлю свой топор, что даст мне работу по его заточке, наконец, я съем всю свою провизию, а это, в свою очередь, третий источник труда для меня — мне необходимо будет вновь запастись ею. *Труд составляет богатство.* Ясно, что я разорюсь, если возьму выброшенную на берег доску. Мне нужно покровительствовать своему *личному труду*; и еще я могу создать себе дополнительный труд, — если я пойду и брошу эту доску обратно в море!»

— Но ведь такое рассуждение нелепо!

— Положим так. Тем не менее оно принято на вооружение каждым народом, который *покровительствует* себе запрещением ввоза иностранных товаров. Он отталкивает доску, которую предлагают ему в обмен за небольшой труд, думая тем самым дать себе больше работы. Он видит для себя пользу даже в труде таможенного досмотрщика. В нем олицетворяется

труд, предпринятый Робинзоном для того, чтобы бросить назад в море подарок, который оно предлагало ему. Смотрите на народ как на собирательное лицо, и вы не найдете ни малейшей разницы между суждениями его и Робинзона.

— Разве Робинзон не понимал, что он может посвятить сбереженное время на что-то другое?

— Что именно?

— Пока у человека есть нужда и время, он всегда найдет, что делать. Я не могу точно назвать все работы, которые он мог бы предпринять.

— Ведь определяю же я вам ту работу, которой он лишился бы.

— А я утверждаю, что Робинзон, по непонятной непроницательности, смешивал труд с его результатом, цель со средствами, и докажу вам это.

— Не трудитесь. Я представил вам самый простой пример ограничительной или запретительной системы. Если она в этом виде кажется нелепой, то это потому, что здесь в одном и том же лице смешиваются два свойства — производителя и потребителя.

— Перейдем же теперь к примеру более сложному.

— Извольте. Некоторое время спустя Робинзон встретил Пятницу; они сблизились друг с другом и начали работать вместе. Утром в продолжение 6 часов они охотились и приносили домой 4 корзины дичи. Вечерами, они работали по 6 часов на своем огороде и набирали 4 корзины овощей.

Однажды к острову Отчаяния причалила лодка. Из нее вышел красивый чужеземец, которого наши

отшельники пригласили обедать. Отведав их кушанья, он похвалил произведения с их огорода, и прежде чем расстаться с хозяевами, обратился к ним с такой речью: «Великодушные островитяне, я живу в стране, в которой гораздо больше дичи, чем у вас, но где огородничество вовсе не развито. Я согласился бы привозить вам каждый вечер по 4 корзины дичи, если взамен их вы будете давать мне всего по 2 корзины овощей».

При этих словах Робинзон и Пятница отошли в сторону посоветоваться между собой; спор, происшедший между ними по этому случаю, очень интересен, и я передам вам его целиком.

Пятница. Что скажешь ты, друг, об этом предложении?

Робинзон. Если мы примем его, то разоримся.

Пятница. Так ли? Давай посчитаем.

Робинзон. Все уже давно подсчитано, и сомневаться в исходе не приходится. Эта конкуренция просто означает конец нашего охотничьего промысла.

Пятница. Да что нам в ней, когда у нас будет дичь?

Робинзон. Пустое теоретизирование! Эта дичь не будет продуктом нашего труда.

Пятница. Да как же нет, черт возьми, когда для приобретения ее нам нужно будет отдавать свои овощи!

Робинзон. Ну так что же мы выиграем?

Пятница. 4 корзины дичи стоят 6 часов труда. Иноземец дает нам их за 2 корзины овощей, добывание которых отнимает у нас только 3 часа времени.

Значит у нас в распоряжении остается еще три свободных часа!

Робинзон. Скажи лучше, что эти часы будут отняты от нашей производственной деятельности. В том-то именно и будет состоять наша потеря! *Труд* — богатство, и если мы потеряем четвертую часть нашего времени, то мы сделаемся на четверть беднее.

Пятница. Друг мой, ты ужасно ошибаешься. Та же дичь, те же овощи и, сверх того, три свободных часа времени; одно из двух: или это успех, или успеха вовсе не существует на свете.

Робинзон. Общие рассуждения! Что станем мы делать с этими 3 часами?

Пятница. Мы займемся чем-то другим.

Робинзон. А! Вот я и поймал тебя. Ты не можешь сказать ничего конкретного. Чем-то другим, чем-то другим!.. Это легко сказать.

Пятница. Мы станем ловить рыбу, хорошенько обустроим нашу хижину, будем читать Библию.

Робинзон. Утопия! Кто знает, что из этого мы станем делать и вообще будем ли мы делать хоть что-то из этого списка?

Пятница. Если все наши нужды будут удовлетворены, то мы будем отдыхать. Разве отдых ничего не значит для человека?

Робинзон. Но кто отдыхает, тот и голодает.

Пятница. Ты опять не понял меня. Я говорю о таком отдыхе, при котором мы будем добывать себе дичи и овощей нисколько не меньше. Ты забываешь, что посредством нашей торговли с иноземцем мы, трудясь

по 9 часов, будем получать столько же продуктов, сколько получаем их теперь, трудясь по 12 часов.

Робинзон. Видно, что ты воспитывался не в Европе. Ты, верно, никогда не читал *Промышленного вестника!* Там нашел бы ты следующее: «Сбереженное нами время есть для нас чистая потеря. Главная забота человека должна состоять не в том, чтобы иметь пищу, а в том, чтобы иметь работу. Все, что мы потребляем, если это не является прямым продуктом нашего собственного труда, не имеет никакого значения. Если ты желаешь знать, богат ли ты, то измеряй не степень своего удовлетворения, а степень своего напряжения». Вот чему бы научил тебя *Промышленный вестник*. Что касается меня, то я не теоретик, и вижу одно — мы потеряем все, что имеем от охоты.

Пятница. Какое странное извращение понятий! Но...

Робинзон. Пожалуйста без «но». Впрочем, есть и политические причины, побуждающие отвергнуть своекорыстные предложения коварного иноземца.

Пятница. Политические причины?

Робинзон. Да. Во-первых, он делает нам эти предложения только потому, что они выгодны для него.

Пятница. Тем лучше, потому что они выгодны и для нас.

Робинзон. Потом, при этом обмене мы поставим себя в зависимость от него.

Пятница. А он поставит себя в зависимость от нас. Мы нуждаемся в его дичи, он — в наших овощах, и мы будем жить в добром согласии.

Робинзон. Это все абстрактные системы! Хочешь, я тебе приведу неопровержимое возражение.

Пятница. Ну посмотри, говори.

Робинзон. Положим, что иноземец научится огородничеству, а его остров окажется плодороднее нашего. Предвидишь ли ты, какие могут возникнуть отсюда последствия?

Пятница. Да, наши отношения с иностранцем прекратятся. Он перестанет брать у нас овощи, потому что добывать их дома будет ему стоить меньшего труда. Он не будет привозить нам дичь, потому что нам нечего будет дать ему в обмен за нее, и тогда мы возвратимся к тому самому положению, в котором ты желаешь оставаться теперь.

Робинзон. Недальновидный дикарь! Ты не можешь понять того, что, завалив нас дичью и уничтожив тем самым нашу охоту, он затем уничтожит и наше огородничество, наводнив остров овощами.

Пятница. Но он будет давать нам эти продукты, только пока мы будем давать ему *что-то другое*, т.е. до тех пор, пока мы будем считать, что производить *что-то другое* означает экономию труда для нас.

Робинзон. *Что-то другое, что-то другое!* Ты все приходишь к одному и тому же. Ты витаешь в облаках, друг мой, в твоих рассуждениях нет ничего практического.

Спор еще долго продолжался, и каждый из противников по окончании его остался, как это часто бывает, при своем убеждении. Однако Робинзон имел сильное влияние на Пятницу, мнение его одержало

верх, и, когда иностранец явился за ответом, Робинзон сказал ему:

— Иностранец, чтобы принять твое предложение, нам необходимо вполне убедиться в двух вещах.

Во-первых, в том, что твой остров изобилует дичью не более нашего; потому что мы хотим бороться только на *равных условиях*.

Во-вторых, что ты будешь в убытке от этой сделки. Ведь ты, конечно, знаешь, что при каждом обмене одна сторона непременно *выигрывает*, а другая *проигрывает*; поэтому нам и не хотелось бы оставаться в убытке. Что ты на это скажешь?

«Ничего», — отвечал иностранец. И, разразившись смехом, ушел к своей лодке.

— Рассказ был бы недурен, если бы Робинзон не был представлен настолько нелепым.

— Он здесь нелеп не более, чем комитет на улице Готвиль¹⁶⁶.

— О, это совсем иное дело. Здесь вы брали в пример одного человека или, что то же, двух людей, живущих вместе. Состав же нашего общества не таков; разделение труда, вмешательство купцов и денег значительно усложняют картину.

— Это действительно усложняет торговые сделки, но не изменяет их сущности.

— Как! Вы сравниваете современную торговлю с простым обменом?

— Торговля — это не что иное, как обмен в большом масштабе; сущность обмена тождественна с сущностью торговли, точно так же, как малый

труд одинаков, по своему существу, с большим; как сила тяжести, влекущая атом, одинакова по своей природе с силой, приводящей в движение механизм мироздания.

— Итак, по вашему мнению, эти суждения, столь ложные в устах Робинзона, не менее ложны и в устах протекционистов?

— Да; только в последнем случае заблуждение скрывается за сложностью побочных обстоятельств.

— Хорошо! Так приведите же мне пример из действительной жизни.

— Слушайте: во Франции, по требованиям климата и обычаев, сукно — предмет полезный. Но что для нас важнее: *изготавливать* ли сукно или его *иметь*?

— Вот прекрасный вопрос. Чтобы иметь сукно, надо и изготавливать его.

— Не обязательно. Несомненно, чтобы иметь сукно, необходимо, чтобы *кто-нибудь* его изготавливал. Но не обязательно, чтобы человек или страна, его потребляющие, были бы вместе с тем и его производителями. Ведь вы не делали же сами сукна, платье из которого так хорошо на вас сидит; Франция не выращает сама тот кофе, который пьют ее жители.

— Но я купил себе сукно, а Франция — кофе.

— Совершенно верно, но как вы его купили?

— На золото.

— Но ведь ни вы, ни Франция не добываете золота?

— Мы его купили.

— На что?

— На товары, отправленные в Перу.

— Итак, в действительности, вы обменяли ваш труд на сукно, а Франция — на кофе.

— Конечно.

— Следовательно, нет безусловной необходимости производить самому то, что потребляешь.

— Нет, но во всяком случае нужно делать что-нибудь, что можно было бы отдать в обмен.

— Другими словами: Франция имеет два способа добыть себе известное количество сукна. Первый состоит в том, чтобы изготовить его; второй — в том, чтобы сделать *что-нибудь другое* и обменять это последнее иностранцам на сукно. Который из этих способов лучше?

— Право, не знаю.

— Не тот ли, при помощи которого за *определённое количество труда можно получить больше сукна?*

— Кажется так.

— А что лучше для народа: иметь ли возможность свободного выбора одного из этих двух способов или подчиняться необходимости употреблять способ, указанный законом; причем легко может случиться, что закон как раз и запретит способ наиболее выгодный.

— Как мне кажется, для народа лучше пользоваться свободой выбора, тем более, что в подобных делах выбор его всегда бывает удачен.

Закон, запрещающий иностранное сукно, обязывает, следовательно, Францию, если она пожелает иметь сукно, производить его, препятствуя ей заниматься

производством товаров, за которые она могла бы получить нужный для нее товар.

— Да, это так.

— Далее; так как закон принуждает изготавливать сукно и запрещает производить *что-нибудь другое*, именно потому, что это *другое* потребовало бы меньше труда (иначе не нужно было бы и вмешательства закона), то он фактически постановляет, чтобы за данное количество труда Франция имела 1 метр сукна, производя его сама, тогда как за то же количество труда она добыла бы себе 2 метра сукна, производя *что-то другое*.

— Но скажите, ради Бога, что — другое.

— Да не все ли равно? Пользуясь свободой выбора, она займется любым *другим делом*, какое ей только представится.

— Может быть, но меня все преследует мысль, что иностранцы, присылая к нам свое сукно, не будут в обмен брать у нас *что-то другое*, и в таком случае нам придется плохо. Во всяком случае, вот возражение, которое можно допустить и с вашей точки зрения. Вы же согласитесь, что Франция затратит на производство этих других товаров, необходимых для обмена на сукно, меньше труда, нежели в том случае, если бы ей пришлось изготавливать сукно самой.

— Без сомнения.

— Следовательно, некоторое количество ее труда останется в бездействии.

— Да, но от этого жители ее не будут хуже одеты, — обстоятельство, которое все меняет. Робинзон

не обратил на него внимания, наши протекционисты то ли притворяются, то ли действительно не замечают его. Если бы Робинзон взял себе доску, выброшенную на берег, то двухнедельный труд его, необходимый для того, чтобы изготовить доску, также сделался бы бесполезным, но тем не менее у него была бы доска. Различайте же эти два вида уменьшения труда: то, которое влечет за собой *лишения*, и то, которое приносит *удовлетворение*. Они совершенно отличны один от другого, и если вы их смешаете, то будете рассуждать, как Робинзон. В самых сложных случаях, как и в самых простых, софизм состоит в том, что *о пользе труда судят по его продолжительности и напряжению, а не по его результатам*. Это ведет к своеобразной экономической политике: *уменьшать результаты труда с целью увеличить его продолжительность и напряженность*¹⁶⁷.

II.15. Арсенал приверженца свободной торговли¹⁶⁸

Если вам скажут: нет безусловных принципов; запрещение может быть вредно, а ограничение полезно, —
отвечайте: ограничение *запрещает* все то, что оно препятствует ввозить.

Если вам скажут: земледелие кормит всю страну, оно доставляет народу основную пищу, —

отвечайте: жители государства питаются собственно не земледелием, а хлебом. Вот почему закон, принуждающий народ добывать посредством земледельческого труда 2 гектолитра зерна вместо 4 гектолитров, которые можно было бы получить при отсутствии такого закона, при одном и том же количестве промышленного труда, способствует скорее не пропитанию, а истощению народа.

Если вам скажут: ограничение ввоза иностранного зерна способствует развитию земледелия и, вследствие этого, вызывает внутреннюю производительность, —

отвечайте: оно способствует посеву зерна на скалистых горах и в песчаных приморских степях. Если доить корову и доить ее непрерывно, то, конечно, получишь и больше молока; но в конце концов придет время, когда не останется ни одной капли. Эти последние капли будут стоить слишком дорого.

Если вам скажут: пусть зерно будет дорого, но обогатившийся земледелец обогатит впоследствии и фабриканта, —

отвечайте: зерно дорого, когда его мало, и это может способствовать только всеобщему обеднению или, если вам угодно, увеличению числа *голодных*.

Если станут настаивать и будут говорить: когда хлеб дорожает, то заработная плата увеличивается, —

укажите на $\frac{5}{6}$ рабочих, просивших милостыню в апреле 1847 года.

Если вам скажут: нужно обеспечить хорошей вырубкой продавцов зерна, —

отвечайте: пусть так, но в таком случае нужно обеспечить хорошей заработной платой и покупателя.

Если вам скажут: землевладельцы, устанавливающие законы, повысили цену на зерно, не заботясь о заработной плате, потому что они уверены в том, что при подорожании хлеба плата эта увеличивается сама собой, *естественным* путем, —

отвечайте: на этом основании не осуждайте работников, если, устанавливая законы, они установят высокую заработную плату, не заботясь о покровительстве продавцам зерна, зная заранее, что вместе с увеличением заработной платы средства существования сами собой подорожают *естественным* путем.

Если вас спросят: что же нужно делать? —

отвечайте: нужно быть справедливым ко всем.

Если вам скажут: великой стране необходимо разрабатывать у себя железные рудники и производить железо, —

отвечайте: гораздо важнее, чтобы великая страна имела *железо*.

Если вам скажут: великой стране необходимо заниматься производством сукон, —

отвечайте: еще необходимее, чтобы жители этой великой страны имели сукно.

Если вам скажут: труд — это богатство, —

отвечайте: неправда!.. И к этому добавьте: кровопускание не есть здоровье, так как цель его состоит только в восстановлении здоровья.

Если вам скажут: принуждать людей возделывать скалы и извлекать унцию железа из центнера руды значит увеличивать труд, а следовательно, и богатство, —

отвечайте: принуждать людей рыть колодцы, запрещая им пить речную воду, значит увеличивать *бесполезный* труд, а не богатство!

Если вам скажут: солнце греет и светит, не требуя вознаграждения, —

отвечайте: тем лучше для меня: я ничего не плачу за то, что вижу ясно предметы.

Если же вам скажут: промышленность в целом теряет то, что вам пришлось бы платить за освещение, при отсутствии солнечного света, —

отвечайте: нет; потому что, не заплатив ничего солнцу, я куплю на сбереженные мной деньги платье, мебель и свечи.

Точно так же, если вам скажут: эти хитрые англичане работают на фабриках, которые им уже окупались, —

отвечайте: тем лучше для нас, — они не заставят нас платить за них проценты.

Если вам скажут: эти вероломные англичане добывают уголь и железную руду практически из одной шахты, —

отвечайте: тем лучше для нас, они не заставят нас платить за доставку их в одно место.

Если же вам скажут: у швейцарцев есть тучные пастбища, которые стоят дешево, —

отвечайте: это выгодно для нас, потому что они потребуют меньшего количества труда за доставку нам продуктов питания и скота, необходимого для возделывания наших полей.

Если вам скажут: поля в Крыму не имеют ценности и не платят налогов, —

отвечайте: ПРИБЫЛЬ-ТО ПОЛУЧАЕМ МЫ, ИБО ЭТИ ВЫПЛАТЫ НЕ ВКЛЮЧАЮТСЯ В ЦЕНУ ПОКУПАЕМОЙ НАМИ ПШЕНИЦЫ.

Если вам скажут: крепостные крестьяне в Польше работают без всякой оплаты, —

отвечайте: ЭТО ИХ НЕСЧАСТЬЕ, НО НАША ВЫГОДА, ИБО ИХ ТРУД НЕ УЧИТЫВАЕТСЯ В ЦЕНЕ ПШЕНИЦЫ, КОТОРУЮ ПРОДАЕТ НАМ ИХ ХОЗЯИН.

Наконец, если вам скажут: по сравнению с нами другие народы пользуются множеством преимуществ, —

отвечайте: через обмен они поневоле передадут нам часть этих преимуществ.

Если вам скажут: при господстве свободной торговли наш рынок будет завален зерном, мясом, каменным углем и теплым платьем, —

отвечайте: значит, мы будем сыты и тепло одеты.

Если у вас спросят: чем мы заплатим за эти товары? —

отвечайте: не беспокойтесь об этом. Наш рынок будет завален этими товарами только в том случае, если мы будем в состоянии уплатить за них, а иначе этого не будет.

Если вам скажут: я был бы сторонником свободной торговли, если бы иностранцы, привозя к нам свои товары, брали у нас в обмен также товары, но они хотят увозить от нас золото, —

отвечайте: золото, точно так же, как и кофе, не растет на полях провинций ля-Бос¹⁶⁹ и не производится в мастерских Эльбефа¹⁷⁰. Поэтому нам все равно, платить ли иностранцам золотом или кофе.

Если вам скажут: ешьте мясо, —

отвечайте: допустите его импорт.

Если вам скажут, как *La Presse*: когда не на что купить хлеба, то надо покупать мясо, —

отвечайте: это такой же разумный совет, как совет г-на Вотура своему жильцу.

Когда нечем платить за квартиру, нужно иметь собственный дом!¹⁷¹

Если вам скажут, как *La Presse*: правительство должно научить людей, зачем и как есть мясо, —

отвечайте: правительство должно всего лишь разрешить импорт мяса; один из самых цивилизованных народов в мире сам в состоянии узнать, как есть мясо.

Если вам скажут: правительство должно знать и предвидеть все, для того чтобы управлять жизнью людей, а люди должны позволить ему о них позаботиться, —

отвечайте: СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ПРАВИТЕЛЬСТВО ОТДЕЛЬНО ОТ НАРОДА? СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ПРЕДВИДЕНИЕ ОТДЕЛЬНО ОТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА? АРХИМЕД МОГ ХОТЬ КАЖДЫЙ ДЕНЬ ПОВТОРЯТЬ: «ДАЙТЕ МНЕ РЫЧАГ И ТОЧКУ ОПОРЫ И Я ПЕРЕВЕРНУ ЗЕМЛЮ». ОДНАКО ЖЕ НЕ СДЕЛАЛ ЭТОГО, ИБО НЕ ИМЕЛ ТОЧКИ ОПОРЫ И РЫЧАГА. ТОЧКОЙ ОПОРЫ ГОСУДАРСТВА ЯВЛЯЕТСЯ НАРОД, И НЕТ НИЧЕГО БЕССМЫСЛЕННЕЕ, ЧЕМ СВЯЗЫВАТЬ СТОЛЬКО ОЖИДАНИЙ С ГОСУДАРСТВОМ, Т.Е. ПРЕДПОЛАГАТЬ СУЩЕСТВОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ МУДРОСТИ ПРЕДВИДЕНИЯ ПОСЛЕ ПРИЗНАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ БЕСПОМОЩНОСТИ И НЕДАЛЬНОВИДНОСТИ.

Если вам скажут: Боже мой! Я не прошу покровительства, я требую только наложения на зерно и мясо такой ввозной пошлины, которая уравновешивала бы тяжкие налоги на французский народ; простой, небольшой пошлины, которая бы равнялась прибавке к стоимости нашего зерна, производимой налогами, —

отвечайте: извините, но я также плачу налог. Поэтому если покровительство, которого вы требуете для самих себя, повышает для меня ценность вашего зерна именно в той мере, в какой налог падает на вас, то ваша просьба клонится лишь к тому, чтобы установить между ними такого рода отношение: «Налоги, думаете вы сами про себя, тяжелы, потому я, продавец зерна, не стану уплачивать их вовсе, а ты, мой сосед, — покупатель, заплатишь две доли: и свою и мою!» Нет, сосед, на вашей стороне может быть сила, но права такого у вас нет!

Если вам скажут: ведь я плачу налог и потому для меня трудно конкурировать на своем собственном рынке с иностранцами, не платящими налогов, —

отвечайте: 1) это не *ваш* рынок, а *наш*. Я питаюсь хлебом и плачу за него, поэтому надо и меня учитывать;

2) в наше время мало кто из иностранцев освобожден от налогов;

3) если налог, за введение которого вы голосовали, возвращает вам в форме дорог, каналов, безопасности и т.д. больше, чем вы платите, то вы не вправе отказываться в ущерб мне от конкуренции с иностранцами, не платящими налогов, но зато и не пользующимися безопасностью, дорогами и каналами. Отказ ваш можно было бы иначе выразить так: я требую уравнительной пошрины, потому что ношу лучшее платье, имею лучших лошадей, лучшие плуги, нежели РУССКИЙ КРЕСТЬЯНИН [38];

4) если вы находите налог несоразмерным с тем, что получаете за него, не соглашайтесь на его установление; и наконец,

5) если вы уже согласились платить налог и хотите избавиться от него, придумайте такую систему, которая бы представляла возможность переложить его на иностранцев. Тариф перелагает вашу долю налога на меня, а я и сам плачу много.

Если вам скажут: для России свобода торговли необходима для *выгодного обмена ее продукции* (мнение г-на Тьера, высказанное им в апреле 1847 года), —

отвечайте: свобода торговли необходима везде и по той же самой причине.

Если вам скажут: каждая страна имеет свои потребности, и *нужно действовать в соответствии с ними* (г-н Тьер), —

отвечайте: каждая страна всегда действует сообразно со своими потребностями, если никто не мешает ей.

Если вам скажут: у нас нет листового железа, а потому надо допустить ввоз его (г-н Тьер), —

отвечайте: премного благодарны.

Если вам скажут: для купеческого флота необходим фрахт. Наш флот не может конкурировать с иностранным из-за недостатка груза в обратном направлении (г-н Тьер), —

отвечайте: если мы станем делать все у себя, то суда ваши будут и отправляться и возвращаться без груза. Если ввоз иностранных товаров запрещен, то надо стремиться иметь морской флот так же, как иметь повозки там, где запрещено перевозить какие бы то ни было тяжести.

Если вам скажут: даже допустив, что протекционизм несправедлив, мы не можем не прийти, однако, к заключению, что на нем основан весь существующий порядок вещей: инвестированы капиталы, приобретены права; из этого положения нельзя выйти, не повергая страну в бедственное состояние, —

отвечайте: всякая несправедливость кому-нибудь выгодна (исключая, быть может, ограничения, которые со временем становятся убыточными для всех);

оправдывать существование несправедливости расстройством, которое может повлечь уничтожение ее, значит утверждать, что несправедливость должна длиться вечно единственно потому, что она существовала однажды.

II.16. Правая и левая руки¹⁷² Доклад королю

Государь!

Когда видишь, с какой дерзостью эти приверженцы *свободной торговли* распространяют свое учение, утверждая, что право покупать и продавать вытекает из права собственности (наглая теория, истинным адвокатом которой является г-н Билло¹⁷³), поневоле серьезно тревожишься по поводу положения нашей *отечественной промышленности*. В самом деле, что делать французам со своими руками и способностями, когда им будет предоставлено право свободного обмена?

Правительству, которое вы удостоили своим доверием, придется призадуматься над таким тревожным положением и изыскать средства к установлению нового благоразумного *покровительства* взамен того, которому угрожает опасность. Оно предлагает вам *запретить* вашим верным подданным пользоваться *правой рукой*.

Государь, не обижайте нас и не подумайте, будто мы легкомысленно решились на новую меру, которая на первый взгляд может показаться слишком странной. Глубокое изучение *покровительственной системы* раскрыло нам следующий силлогизм, на котором она всецело основывается:

чем больше работаешь, тем делаешься богаче;

чем больше препятствий, тем больше работаешь;

следовательно, чем больше препятствий, тем становишься богаче.

Что же такое на самом деле есть *протекционизм* как не искусное применение этого умозаключения, которого не опровергнут и хитрые доводы самого г-на Билло?

Представим себе страну в виде какого-нибудь сложного существа, состоящего из 30 миллионов ртов, а стало быть, из 60 миллионов рук. Положим, что оно производит стенные часы, рассчитывая обменять их потом в Бельгии на 10 центнеров железа.

А мы говорим ему: «Производи железо само».

«Я не могу, — отвечает оно нам, — это отнимет у меня слишком много времени. Я не приготовлю и 5 центнеров за то время, как изготовлю часы».

«Ах ты, наивный мечтатель-утопист! — возразим мы. — Потому-то мы и запрещаем тебе делать часы и приказываем приняться за железо. Разве ты не видишь, что мы обеспечиваем твою занятость?»

Государь, от вашей проницательности не ускользнет, конечно, что такое требование было бы равносильно тому, как если бы мы сказали: *работай левой рукой, а не правой*.

Создавать препятствия, чтобы дать возможность расширить свой труд, ведь таков принцип отживающей теперь системы запретов? Но таков же и принцип нарождающегося теперь нового *запрещения*. Государь, вводить такую регламентацию не значит вводить что-нибудь новое, а значит просто быть последовательным.

Предлагаемая нами мера помещает систему запрещения на прочный фундамент. Правда, очень трудно,

гораздо труднее, чем думают, делать одной левой рукой все, что привыкли делать правой. Вы убедитесь в этом, государь, если соблаговолите проверить нашу систему на каком-нибудь знакомом для вас деле, ну хотя бы на тасовании карт. Итак, мы можем считать себя счастливыми, потому что открыли для труда новое безграничное поприще.

Когда рабочие всякого рода будут вынуждены работать одной левой рукой, то представьте себе, государь, какое огромное число их потребуется для того, чтобы удовлетворить совокупности всех существующих потребностей, предположив, что они не изменятся (так всегда поступаем мы, когда сравниваем две противоположные системы производства). Такой поразительный спрос на ручной труд непременно вызовет значительное повышение заработной платы, и тогда нищенство в стране как по волшебству исчезнет.

Государь, отеческое сердце ваше возрадуется при мысли, что благотворное влияние нового закона распространится и на ту прекрасную половину великой семьи человеческой, участь которой составляет предмет вашей усиленной заботы. В самом деле, какова теперь судьба женщин во Франции? Мужчины, как более смелые и грубые, понемногу вытесняют женщин из всех работ.

В прежнее время они еще получали кое-какие средства в конторах для продажи лотерейных билетов, но безжалостный гуманизм закрыл эти конторы. А под каким предлогом? Чтобы сберечь, как было сказано в декрете о запрещении лотерей, гроши бедняков. Но

разве бедняки получали когда-нибудь за такие гроши столь невинное и сладостное удовольствие, какое испытывали они в ожидании результата розыгрыша? Когда бедняк, лишенный всех радостей жизни, откладывал каждые две недели свой дневной заработок, чтобы поставить его на *quaterne sec*¹⁷⁴, сколько прекрасных часов счастья доставлял он своему семейству! Надежда никогда не покидала домашнего очага. Убогое жилище наполнялось мечтами: жена мечтала затмить своих соседок блеском своего туалета, сын видел себя тамбурмажором¹⁷⁵, а дочь предвкушала, как пойдет она к алтарю под руку со своим суженым.

А ведь стоит чего-нибудь и забыться в сладком сне!¹⁷⁶

О! Лотерея составляла поэзию бедняка, а мы вырвали ее из его рук!

Лотерея закрыта, но чем же заменить ее для наших бедняков? Табаком и почтой?

Табак, слава Богу, процветает благодаря тому, что наша элегантная молодежь живо переняла утонченные привычки августейших особ.

А почта!.. Мы не будем о ней ничего говорить — она станет предметом особого доклада.

Итак, что же еще, за исключением табака, остается для ваших подданных? Ничего, кроме вышивания, вязания и шитья — печальных средств, которые все более вытесняются варварской наукой, называемой механикой.

Но лишь только появится ваш указ, лишь только правые руки будут отрублены или связаны, все сразу

изменится. В 20, в 30 раз большего числа вышивальщиц, прачек, гладильщиц, портних и рубашечниц будет недостаточно для удовлетворения всех потребностей (да будет стыдно тому, кто плохо об этом подумает!¹⁷⁷) королевства, предполагая, что потребление, согласно нашему способу рассуждения, не изменится.

Правда, холодные теоретики будут оспаривать это предположение, потому что платья и сорочки станут дороже. Но этот аргумент ничего не доказывает ни против *работы одной левой рукой*, ни против *покровительства*, потому что самая эта дороговизна есть результат и признак того излишнего напряжения сил и труда, на котором в том и другом случае мы предполагаем основать благоденствие рабочего класса.

Да, мы рисуем себе трогательную картину будущего процветания швейной промышленности. Сколько движения! Сколько деятельности! Сколько жизни! На каждое платье понадобится 100 пальцев вместо 10. Вы не увидите тогда ни одной праздной девушки, и при свойственной вам, государь, пронизательности нам нечего объяснять, к каким нравственным последствиям поведет эта великая революция. Не только увеличится число занятых делом девушек, но и каждая из них выручит больше, потому что их будет все-таки меньше, чем будет требоваться, и если опять появится конкуренция, то уже не между девушками, шьющими платья, а между прекрасными дамами, которые их носят.

Итак, вы видите, государь, что наше предложение не только соответствует экономическим

традициям правительства, но и само по себе нравственно и демократично.

Чтобы оценить его последствия, предположим, что преобразование уже совершилось, и перенесемся мыслью в будущее; представим себе, что оно действует уже 20 лет. Праздность изгнана из страны, довольство и согласие, радости жизни и нравственность вместе с трудом проникли во все семьи, нет больше нищеты, нет проституции. Только потому, что одна левая рука неудобна для работы, появилось много нового труда, а с ним и достаточное вознаграждение. Все устроилось как нельзя лучше, и мастерские переполнились рабочими. Не правда ли, государь, что если бы тогда утописты вдруг потребовали свободы для правой руки, то вызвали бы тревогу по всей стране? Не правда ли, что такая реформа перевернула бы все вверх дном? Значит, наша система хороша, коли ее нельзя было бы уничтожить без страданий народа.

А между тем, какое-то тяжелое предчувствие говорит нам, что когда-нибудь образуется (такова превратность судьбы человеческой) товарищество для освобождения правых рук.

Нам сдается, что мы уже слышим в зале Монтескье¹⁷⁸ следующую речь либр-декстеристов¹⁷⁹.

«Народ, ты думаешь, что ты сделался богаче вследствие того, что тебя лишили возможности пользоваться одной рукой; ты видишь только дополнительную занятость, которую это тебе дает. Но посмотри же, как подорожали все товары и как уменьшилось их потребление. Мера эта не увеличила источника

заработной платы — капитала. Воды, вытекающие из этого большого резервуара, приняли другое направление, объем их не увеличился, и окончательный результат всего этого для народа есть уменьшение благосостояния настолько, насколько миллионы правых рук могут произвести больше, чем одинаковое число левых рук. Соединим же свои силы и ценою некоторых неизбежных временных потерь приобретем себе право работать обеими руками».

К счастью, государь, сейчас образуется *ассоциация для защиты работы левой рукой*, и *синистристам*¹⁸⁰ нетрудно будет опровергнуть все эти общие рассуждения, идеальные предположения и абстракции и утопические фантазии. Им нужно будет откопать лишь *Промышленный вестник* за 1846 год. Они найдут там готовые доводы против *свободы торговли*, которыми легко можно опровергнуть теорию *свободы правой руки*, и для этого достаточно будет заменить только одно слово.

«Парижская лига для введения *свободы торговли* была уверена в содействии рабочих. Но водить рабочих за нос оказалось уже невозможным. Они знают политическую экономию лучше наших патентованных профессоров... *Свобода торговли*, отвечали они, отняла бы у нас нашу работу, а работа составляет нашу действительную, великую и основную собственность: *если есть работа и если ее много, то цена товаров никогда не может сделаться недоступной*. Но без работы, если бы хлеб стоил даже и меньше 1 су за фунт, работник должен умирать от голода. Ваше же

учение, вместо увеличения существующего в настоящее время количества работы во Франции, стремится уменьшить его, т.е. повергнуть нас в бедность» (номер от 13 октября 1848 года).

«Когда на рынке много товаров, то цена их действительно понижается. Но с уменьшением ценности товаров уменьшается и заработная плата, и тогда вместо того, чтобы быть в состоянии покупать более необходимые нам предметы, мы доходим до невозможности купить что бы то ни было. Значит, положение рабочего гораздо бедственнее в том случае, когда товары продаются дешево» (Готье де Рюмильи в *Moniteur industriel*, 17 ноября 1846 года).

Недурно было бы, если бы *синистристы* присоединили к своей прекрасной теории несколько угроз, вроде тех, что приводятся ниже.

«Как! Хотите заменить работу левой руки работой правой и произвести таким образом насильственное уменьшение, если не совершенное уничтожение, заработной платы, единственного источника существования почти всего народа!

И сделать это в то время, когда неурожаи и без того уже требуют таких жертв со стороны рабочего, заставляют его бояться за свое будущее, делают его более склонным следовать дурным советам и быть готовым изменить своему благоразумному поведению, которым он отличался до сих пор!»

Мы надеемся, государь, что благодаря столь разумным доводам левая рука всегда выйдет победительницей в случае, если бы и разгорелась борьба.

Может быть, образуется ассоциация, которая докажет, что работа и правой, и левой рукой одинаково нехороша, и отыщется какую-нибудь среднюю, могущую привести всех к соглашению.

Изобразив *декстеристов, увлеченных мнимо либеральным принципом, верность которого еще не доказана опытом, и синистристов, не желающих выйти из приобретенного уже положения*, ассоциация на это скажет: «Говорят, что нет средства примирить обе партии, не видят того, что работникам в одно и то же время приходится защищаться против тех, кто не желает ничего изменять в настоящем положении, потому что оно им выгодно, и против тех, кто мечтает о ниспровержении всего существующего экономического порядка, не определив ни объема, ни значения предполагаемого ими преобразования!» (*National*, 16 октября).

Мы, однако, не хотим скрывать от Вашего величества, что в нашем проекте есть слабая сторона. Нам могут сказать: через 20 лет все левые руки приобретут такую же ловкость, какой отличается теперь правая рука, и тогда уже нельзя будет рассчитывать на *неловкость*, как на средство к увеличению народного труда.

На это мы ответим, что, по утверждению ученых врачей, левая часть человеческого тела отличается естественной слабостью, совершенно обеспечивающей будущее труда.

После всего изложенного, согласитесь, государь, стоит подписать повеление о введении предлагаемой

нами меры — и принцип *всякое богатство происходит от напряженности* труда сделается преобладающим. Нам будет затем легко его распространить и применить в самых разнообразных областях. Мы постановим, например, что в случае нужды не позволяется работать иначе, чем ногою. Это не невозможнее добывания железа из Сены. Были же люди, которые писали спиной. Вы видите, государь, что у нас не будет недостатка в средствах увеличения народного труда. В крайнем случае, мы можем прибегнуть ко всевозможным ампутациям.

II.17. Доминирование посредством промышленного превосходства¹⁸¹

«В войне господство достигается превосходством оружия, но в мирное время возможно ли достигнуть господства над конкурентом путем промышленного превосходства?»

Этот вопрос представляет особый интерес в такое время, когда, по-видимому, нисколько не сомневаются в том, что на поприще промышленности, так же, как и на поле битвы, *сильный подавляет слабого*.

Люди, принявшие такое положение за истину, должны были, конечно, открыть какую-нибудь аналогию между трудом, видоизменяющим предметы, и насилием, гнетущим людей; ибо если эти два рода действий были противоположны по своей природе, то каким же образом могли бы они быть тождественны в своих последствиях?

Если справедливо, что в промышленности, как и в войне, господство есть необходимое последствие превосходства, то зачем же нам заботиться о прогрессе, о политической экономии, если мы живем в мире, в котором установлен самим Провидением порядок, в силу которого одно и то же последствие — УГНЕТЕНИЕ — следует из прямо противоположных принципов?

Что касается нынешней политики Англии, которой руководит принцип свободы торговли, то многие выдвигают следующее возражение, которое, следует признаться, смущает даже самых непредубеденных

из нас: не преследует ли Англия той же цели, но только другими средствами? Не стремится ли она к повсеместному господству? Уверенная в превосходстве своих капиталов и труда, не думает ли она воспользоваться свободной конкуренцией для уничтожения промышленности в Европе, чтобы добиться верховного владычества и получить исключительное право кормить и одевать разоренные народы?

Мне нетрудно было бы доказать, что опасения эти необоснованны, что мнимый упадок нашей промышленности слишком преувеличивается, что каждая из важнейших отраслей ее не только может выдерживать борьбу с подобной ей отраслью английской промышленности, но что она должна еще развиться под влиянием иностранной конкуренции и что последняя ведет к общему увеличению потребления, так что становится способным поглотить как внешние, так и внутренние продукты.

Но сегодня я предприму лобовую атаку на это возражение, позволив ему воспользоваться силой и преимуществом «своего поля». Я не буду говорить о частном случае, об англичанах и французах, а постараюсь разъяснить вопрос в общем виде: что если какой-нибудь стране посредством превосходства в какой-нибудь отрасли промышленности удастся уничтожить иностранную конкуренцию в этой отрасли, то тем самым не делает ли она один шаг к доминированию над другой страной, а другой — к зависимости от нее; другими словами, не выигрывают ли оба народа от этой операции, и не больше ли выигрывает

в данных случаях народ, побежденный в коммерческом соперничестве?

Если на каждый товар смотреть лишь как на *возможность трудиться*, то опасения приверженцев покровительства, конечно, совершенно обоснованны. Так, если бы мы стали рассматривать железо только в связи с добывающими его заводчиками, то в этом случае можно было бы опасаться, что конкуренция страны, где железо представляется безвозмездным даром природы, отнимает работу у заводчиков той страны, в которой мало железной руды и топлива.

Но не будет ли такое воззрение односторонним? Имеет ли железо отношение только к заводчикам-производителям? Разве оно не имеет никакого отношения к потребителям? Разве окончательное и единственное назначение его заключается только в том, чтобы быть произведенным? И если оно полезно не вследствие труда, необходимого для его производства, но по своим свойствам и многочисленным услугам, которые оно оказывает своей прочностью, ковкостью, то не следует ли из этого, что иностранцы не могут снизить на него цену, даже до невозможности продолжать производство железа у нас, не сделав нам больше добра в первом отношении, чем причинив зла — в последнем?

Заметьте, что есть множество предметов, производство которых, вследствие конкуренции иностранцев, пользующихся естественными выгодами своей страны, у нас невозможно, и в отношении к которым мы находимся *действительно* в положении,

приведенном нами в виде примера о железе. Мы не производим у себя ни чая, ни кофе, ни золота, ни серебра. Но можно ли отсюда заключить, что наша промышленность, взятая в целом, уменьшилась вследствие этого? Нет, чтобы создать равную ценность для приобретения этих предметов путем обмена мы тратим *меньше* труда, чем потребовалось бы для того, чтобы произвести их самим. Тем самым у нас остается больше труда, для того чтобы посвятить его удовлетворению других потребностей. Настолько же мы становимся богаче и сильнее. Все, что может сделать иностранная конкуренция, даже в тех случаях, когда определенная отрасль производства становится для нас безусловно невозможной, — это только сэкономить труд и увеличить наши производственные возможности. Неужели в этом явлении можно видеть путь к *господству* иностранцев над нами?

Если бы во Франции найдена была золотая руда, то из этого еще не следует, чтобы нам выгодно было разрабатывать ее. Наверное, никто бы не стал заниматься этим, если бы добывание каждой унции золота потребовало от нас больше труда, чем нужно для выработки сукна, на которое можно обменять унцию мексиканского золота. В этом случае для нас было бы выгоднее смотреть на наши ткацкие станки, как на золотые прииски. Доводы эти одинаково справедливы по отношению как к золоту, так и к железу.

Заблуждение происходит от того, что мы не замечаем одного обстоятельства, а именно: что превосходство иностранной промышленности препятствует

развиваться народному труду всегда только в какой-нибудь определенной форме и, делая эту форму излишней, предоставляет в наше распоряжение продукт того самого вида труда. Если бы люди жили в водолазных колоколах и должны были добывать себе воздух насосом, то это послужило бы им огромным источником труда. Уничтожить этот труд, *оставив людей в том же положении*, значило бы нанести им страшный вред. Но если труд прекращается потому, что в нем уже нет надобности, потому что люди попадут в другую среду, где воздух приходит в соприкосновение с *легкими* без усилия, в таком случае нечего жалеть о потере этого труда, если только не искать в работе другой пользы, кроме самого труда.

Именно такого свойства труд уничтожается постепенно машинами, свободой торговли, успехами всякого рода. Это труд не полезный, а излишний, без цели и без результата. Напротив, покровительство вызывает его к жизни, оно переселяет нас под воду, чтобы предоставить нам возможность накачивать воздух; оно заставляет нас искать золото в недоступном, хотя и отечественном, руднике, нежели в нашем отечественном ткацком станке. Все действие покровительства можно выразить словами: *потеря сил*.

Понятно, что я говорю об общих последствиях, а не о временных неудобствах, которые причиняются переходом от дурной системы к хорошей. Всякий прогресс необходимо сопряжен с минутным расстройством. Это может послужить поводом к принятию мер, облегчающих, по возможности, переход, но не к тому, чтобы

запрещать систематически всякий прогресс, а тем более, чтобы совершенно не допускать его.

Промышленную конкуренцию изображают в виде конфликта. Но это неверно, точнее это верно, если рассматривать каждую отрасль промышленности только в ее воздействии на другую, подобную ей, отрасль, мысленно изолируя их от человечества. Но следует еще кое-что учитывать: их влияние на потребление и всеобщее благосостояние.

Вот почему нельзя уподоблять производство войне.

На войне сильный подавляет более слабого. В производстве *сильный наделяет силой более слабого*. Это совершенно подрывает любые аналогии с войной.

Пусть англичане сильны и искусны, пусть они обладают во многом окупившимися капиталовложениями, пусть располагают двумя могущественнейшими двигателями производства — железом и топливом. Все это означает, что продукты их труда дешевы. А кто же выигрывает от дешевизны товаров? Тот, кто их покупает.

Не во власти англичан абсолютно уничтожить какую-нибудь часть нашего труда. Они могут сделать ее только излишней для получения существующего уже результата, дать нам воздух и уничтожить необходимость добывания его насосом, и увеличить таким образом производственные возможности, которыми мы можем располагать; но что всего замечательнее: установление мнимого господства становится для них тем невозможнее, чем неоспоримее становится их превосходство.

Итак, рядом строгих, но утешительных доказательств мы пришли к заключению, что, несмотря на учения протекционистов и социалистов, *труд и насилие*, столь противоположные по своей природе, не менее противоположны и по своему действию.

Для этого нам стоило только показать различие между трудом *уничтоженным* и трудом *сбереженным*.

Когда у нас меньше железа, *потому что* мы меньше трудимся, или когда его у нас больше, *несмотря на то*, что мы меньше трудимся, это две вещи совершенно противоположные. Приверженцы протекционизма смешивают их, а мы не смешиваем. Вот и всё.

Если англичане начинают предприятие, требующее много труда, капитала, ума, природных ресурсов, то они делают это не напоказ, а для того, чтобы обеспечить себе большее количество удовольствий в обмен на свою продукцию. Они, конечно, хотят получить по крайней мере столько, сколько отдают, и *производят у себя те предметы, которыми платят за покупаемые у других народов*. Поэтому если они наводняют нас своими произведениями, то это делается из убеждения, что и мы наводним их своей. В этом случае лучшим средством остаться в выгоде будет возможность свободного выбора между следующими двумя способами: прямым производством и непрямым производством. Весь британский макиавеллизм не заставит нас сделать невыгодного для себя выбора.

Перестанем же по-детски сравнивать промышленную конкуренцию с войной; это ложное сравнение,

правдоподобие которого основывается на изолировании двух отраслей с целью определить последствия их конкуренции. Но всякая аналогия рухнет, как только мы вводим в эти расчеты то действие, которое конкуренция оказывает на изменение всеобщего благосостояния.

В сражении убитый уничтожается полностью, и армия становится слабей. В промышленности же фабрика закрывается лишь в том случае, если вся отечественная промышленность замещает производимое ею, причем *с избытком*. Представим себе такое положение вещей, при котором взамен каждого убитого воскресают двое полных сил и энергии воинов. Если есть планета, на которой существует такой порядок вещей, то, вероятно, война объявляется там при условиях, столь отличных от тех, которые мы видим у нас, что даже и не заслуживает подобного названия.

Такой же отличительный характер имеет и то, что столь неуместно называют *промышленной войной*.

Пусть бельгийцы и англичане снижают, если могут, цену на свое железо, пусть они снижают ее как можно больше и постоянно, пока не будут отправлять ее нам за так. Этим они могут заставить нас погасить огонь в наших плавильных печах, убить одного нашего солдата, но я предлагаю им испытать свои силы на том, чтобы воспрепятствовать возникновению и развитию у нас (вслед затем и *необходимо* вследствие этой дешевизны) тысячи новых отраслей промышленности, более выгодных для нас, нежели убитая.

Из всего сказанного мы заключаем, что доминирование посредством промышленного превосходства невозможно, и само это понятие внутренне противоречиво, потому что любое превосходство какого-либо народа трансформируется в дешевизну производимой продукции и в конечном итоге вливает силу во все остальные народы. Изгоним из политической экономии все выражения, заимствованные из военного словаря: *бороться на равных условиях, победить, подавить, задушить, потерпеть поражение, вторжение, дань*. Что значат все эти выражения? Попробуйте из них хоть что-то выжать. Ничего не выйдет. Или, вернее, выйдут нелепые заблуждения и губительные предрассудки. Подобные слова мешают международному сотрудничеству, сдерживают заключение мирного, всеобщего и неразрывного союза народов и тормозят прогресс человечества!¹⁸²

Конец второй части

Жизнь Фредерика Бастиа

«Легко могло быть, — говорит А. де Фовиль, начиная биографию Бастиа, — что он сошел бы в могилу почти никому неведомый: он родился 11 мессидора IX года, т.е. 30 июня 1801 г., его первая книга появилась на свет только в 1845 г., а через пять лет после этого, 24 декабря 1850 г., его уже не стало». Тем не менее «Полное собрание» его сочинений, изданное Гильоменом, состоит из VII томов. Правда, при такой спешной работе не все одинаково зрело и продуманно, некоторые сочинения устарели, зато другие не потеряли ни своего колорита, ни вкуса, ни даже интереса современности.

Клод Фредерик Бастиа родился в Байонне и был единственным сыном именитого купца, который вел торговлю с Испанией; в девять лет он остался сиротой. Из ближайших родственников отца были в живых его родной дядя, бывший потом его опекуном, и тетка Жюстина Бастиа, которая своими ласками и материнской любовью сумела вселить в племянника сыновнюю нежность к себе. Пробыв один год в школе Сен-Севера, мальчик был сначала отправлен вначале 1815 г. учиться в Сорель, где и остался до 1819 г. Старинные отчеты по раздаче школьных наград, заботливо сохраненные доминиканцами, свидетельствуют, что будущий автор «Софизмов» и «Экономических гармоний» рано проявил влечение к литературе. Кроме английской премии, полученной Бастиа в 1817 г., ему были присуждены еще

две награды — за эклогу и басню в 1818 г. и за стихи в 1819 г. совместно с его другом Виктором Кальметом. Стихи обоих юношей не дошли до нас; но с этой совместной работой двух товарищей связано трогательное воспоминание: награда состояла из золотой медали, которую поделить между ними было нельзя. «Возьми ее себе, — сказал Бастиа своему другу, — у тебя есть отец и мать, и поэтому награда принадлежит тебе по праву». Эта деликатность чувства не оставляла Бастиа в течение всей его жизни.

Но вот пришло время покинуть школу и из мира идеалов окунуться в практическую жизнь — вдохновенный поэт делается служащим в торговой конторе. Дядя Бастиа поместил его при своем деле в Байоне; тут пришлось отложить в сторону и эклогу, и басню, *дэбет* и *кредит* — таков был девиз торгового дома. Но Фредерик Бастиа был, кажется, не особенно податлив прелести счетоводства по двойной записи. Он любил веселиться, как и все молодые люди; но среди разных удовольствий и развлечений его не покидала жажда знаний; ему хотелось научиться всему — знать религию, философию, историю, географию, ботанику, химию, механику, алгебру, музыку и, сверх того, четыре-пять иностранных языков: английский, итальянский, испанский и местное наречие басков. Ж.-Б. Сэй своим «Трактатом по политической экономии», пользовавшимся в то время заслуженным авторитетом, пробудил сильный интерес к политической экономии.

Смерть деда в 1825 г. имела решительное значение в судьбе молодого Бастиа, который оставил торговую

контору и уехал в свое наследственное поместье в Мюгроне, в темном местечке С.-Севера, и там занялся сельским хозяйством. Но ему не посчастливилось на этом поприще: несмотря на свои выдающиеся способности, он никогда не смог сделаться дельцом, практиком — ему недоставало простого умения вести хозяйственные счета. В результате он забросил свое родовое поместье, о чем очень жалел потом**.

Может быть, он был бы менее легкомысленен в своих делах, если бы имел семью, о которой пришлось бы заботиться. Но в этом отношении судьба повернулась к нему спиной. Многие и не подозревали, что он был женат, тогда как он имел жену и даже тещу; но он так быстро забыл об этом несчастном случае в своей жизни, что биографам его было простительно пройти его молчанием.

В Мюгроне он нашел то, чем дорожил более всего — друга по уму и сердцу. Феликс Кудруа был для Бастиа не только человеком, которому он поверял свое горе и радости жизни, но и постоянным сотрудником, так сказать, умственным товарищем, на протяжении долгих лет, что они жили один возле другого. У них были одни вкусы, часто одни и те же мысли, различны были способы рассуждения и чувства,

* В 1846 г. он писал Кобдену: «Если бы вместо того, чтобы бегать по уши в грязи от одного барина к другому, и повидавшись с одним и другим, не получить от них ничего, кроме уклончивых и неопределенных ответов, как бы хорошо было собрать этих господ у себя за столом, в богатой гостиной — сколько разрешилось бы тогда затруднений!»

и это различие как нельзя более оживляло и, так сказать, оплодотворяло их совместную работу. Сочинения Адама Смита, Франклина, Сэя, Дестюта де Траси и другие служили главным предметом размышления, долгих бесед и споров двух неразлучных друзей. Когда же бывало они договаривались до чего-то определенного по интересовавшим их вопросам, то собирали вокруг себя в качестве своих сторонников или противников кого-нибудь из своих деревенских соседей, так что в Мюгроне сам собой образовался кружок людей, умевших вести веселые и серьезные беседы по научным и общественным вопросам.

Бастиа с юношеской горячностью приветствовал июльскую революцию, и первым сочинением его был манифест (1830 г.), обращенный «к избирателям департамента Ландов». Хотя этот манифест оказался гласом вопиющего в пустыне, однако благодаря изложенным в нем воззрениям он был избран в мировые судьи Мюгронского округа. Бастиа не был юристом и не следовал общепринятым приемам присяжных судей. По словам Фр. Пасси, он пользовался таким оригинальным способом вершить суд и расправу: «Стругая кусок дерева и отбивая такт разрезным ножом, а иногда рисуя на бумаге различных старичков, он предоставлял каждой стороне объясняться, как она находила нужным. В конце концов, выслушав обе стороны и подумав немного, он поднимал голову и произносил свое краткое решение, не заботясь ни о каких юридических данных, на которых оно могло быть основано. Никто не спрашивал, на основании

какой статьи он вынес свой приговор: он судил по здравому смыслу и по справедливости, и этого было достаточно».

Занятия в этой скромной должности местного судьи должны были утвердить в Бастиа убеждение, до какой степени личный интерес вообще способен к заблуждениям. Для него, как человека в высшей степени бескорыстного, такое убеждение было особенно полезно потому, что открывало ему глаза на то, что обыкновенно люди, когда дело коснется их кошелька, теряют верное понятие о справедливом и несправедливом и часто доводят свои претензии до чудовищных размеров. Автору «Софизмов» приходилось не раз вспоминать о том, как он, сидя в кресле мюгронского судьи, учился на ландских обывателях, обращавшихся к его разбирательству.

Бастиа мог совсем погрязнуть в этом узком существовании, если бы в 1834 г. счастливый случай не вывел его на свет божий. В этом году он был назначен генеральным советником своего департамента и начал действовать смелее. Он мечтал уже о том, как бы в Бордо или в Байонне основать кафедру политической экономии. Когда же Дюшатель, министр торговли того времени, позволил поставить вопрос о пользе таможенных ограничений, которые империя оставила в наследство реставрации, а реставрация бережно передала июльской монархии, Бастиа взялся за перо и не без внутренней силы ринулся в борьбу. В опубликованных тогда «Размышлениях о ходатайствах Бордо, Гавра и Лиона относительно таможен» (апрель

1834 г.) высказаны им в первый раз главные основания его теории о ценности, развитые потом в «Экономических гармониях». Целые семь лет молчания прошли после этого первого выхода Бастиа в борьбу. Напечатанные после этого статьи «Казна и виноградники» (январь 1841 г.), «Мемуар о виноделии» (январь 1843 г.), «Распределение поземельного налога в Ландах» (1844) были написаны просто в защиту местных интересов и не имели никакого общего значения.

Между тем приближался час, когда Бастиа должен был выйти на подвиг проповедника свободной торговли. Свет озарил его с севера. В кружке Мюгрона были тогда приверженцы и противники и даже ненавистники Англии. Ссора с одним из этих последних побудила Бастиа подписаться на английский журнал *The Globe and Traveller*, и вот совершенно случайно открылась перед ним деятельность манчестерской Лиги против хлебных законов от начала ее и до конца. В то время во Франции даже не подозревали о ее существовании. Победа Лиги была поразительна: старинные хлебные законы, представлявшие собой краеугольный камень британского протекционизма и считавшиеся долгое время его несокрушимыми основами, рассыпались в прах под смелыми ударами Кобдена, Брайта, Томпсона, Мура, Фокса и др. «Вот что может, — думал Бастиа, — совершить вера, когда умело возьмешься за дело. Она двигает горы и даже опрокидывает их. Итак, мужайтесь!» Спустя несколько недель после того редакция «Журнала

экономистов», известного в течение почти 50 лет своими солидными и честными услугами науке, а в то время, в 1844 г., только что начинавшего свою карьеру, получила из глубины Ландов рукопись под заглавием «О влиянии французского и английского тарифов на будущее обоих народов». Эта рукопись, может быть, и до сих пор покоилась бы в папке, в которую была положена ее автором, если бы главному редактору этого журнала Дюссару и его издателю Гильоме-ну не пришла мысль извлечь ее оттуда. Статья появилась в печати в октябре 1844 г. и произвела сильное впечатление. За ней вскоре появилась и первая книга Бастиа «Кобден и Лига», опубликованная в 1845 г. Бастиа сам повез свою рукопись в Париж к тому же Гильоме-ну. «Там, — рассказывает Молинари про это появление Бастиа в столице Франции, — он не имел времени даже на то, чтобы заказать платье у портного или купить какую-нибудь шляпу, да он и не думал об этом. Своими длинными волосами и маленькой шляпкой на голове, в широчайшем сюртуке и с огромным зонтиком в руках, он был похож скорее на заходустного крестьянина, приехавшего осматривать достопримечательности города». Своим оригинальным чисто деревенским видом он обращал на себя внимание на парижских бульварах, не привыкших к таким своеобразным фигурам. Скромному деревенскому жителю было сначала не по себе пребывание в таком шумном, громадном Вавилоне. «В Мюгроне, — говаривал он, — уже в 9 часов утра мы знали все, что делается с нашими друзьями», а здесь! В письмах домой

Бастиа жаловался иногда на тоску по родине — ему доставало тетушки Жюстины, верного друга Кудруа, доставало и старинного дома, в котором он жил и который манил его к себе. Но эти чувства не мешали Бастиа делать свое дело в Париже. Он принадлежал к числу тех людей, замечает его биограф, «в которых священный огонь, раз вспыхнув, уже не гаснет». «Шпага вынута из ножен, — писал он в то время Кобдену, — и не будет опять вложена в них; монополия и я — кто из нас раньше отправится на кладбище!» Слишком дерзкая уверенность, которая не могла осуществиться, но которая должна была найти свое оправдание в горячности веры Бастиа в торжество справедливости. В Париже Бастиа быстро превратился из мирного деревенского обывателя в жесткого борца за свои идеи, не идущего ни на какие сделки. Равнодушие французского общества к тому, что совершалось в то время на Севере, откуда должен был воссиять свет правды и облагодетельствовать человечество, оскорбляло его патриотические чувства, которые с необычайной горячностью вылились у него в предисловии к книге «Кобден и Лига». «Мужайтесь! Вперед!» Вот лозунг, далее которого он ничего не хотел знать. Для исполнения своей мечты он, подобно Кобдену, не ведает покоя и отдыха: вербует купцов, журналистов, теребит депутатов, осаждаёт министров. И вот дело как будто пошло на лад: первая ассоциация за свободу обмена учреждена в начале 1846 г., а через несколько месяцев такая же ассоциация — в самом Париже. В гостиной Мотескье происходили шумные собрания,

в которых принимали участие все выдающиеся экономисты Франции; на них должен был присутствовать сам Кобден. Но душой этого общества был главный секретарь его — сам Бастиа. Деятельность его была изумительна: он вел обширную переписку, рассылал политические статьи в разные газеты, не прерывая, однако, своих постоянных работ для «Журнала экономистов», а потом заправлял специальным органом этого общества — газетой «Свободный обмен». Словом, в короткое время Бастиа сделался центром целого круга ученых, публицистов, журналистов. Но в результате всей этой неустанной борьбы получились следующие исполненные горечи строки из предисловия к «Кобдену и Лиге»: «Но вот прошло 20 лет (после трудов Ж.-Б. Сэя) и политическая экономия не только не приобрела ни пяди земли, но можно сказать почти с уверенностью, что она даже потеряла то, чем владела: можно даже утвердительно сказать, что у нее не осталось ровно ничего, если не считать того ничтожного пространства, на котором возвышается знание академии моральных наук... Интерес общества предан расхищению, и, наконец, не существует более экономической школы — она перешла, так сказать, в область истории...»

Особенно тяжел для Бастиа был 1848 г., когда вследствие Февральской революции во Франции случился потрясающий кризис — страну бросало из одной крайности в другую; возбуждавшая всеобщие жалобы стесненность выборов в парламент сразу превратилась в общую подачу голосов; власть из

рук буржуазии перешла к народу, который мог воскликнуть уже от своего лица: «Государство — это я»; вместо бесчисленных, разорявших народ монополий и исключительных привилегий — целый поток социальных проектов и реформ, которые должны были благодетельствовать страну и положить конец внутренней глубокой распре между большинством эксплуатируемого народа и меньшинством эксплуатирующих классов. Тут уже не могло быть и речи о той мирной борьбе — «без волнений, не проливая капли крови, только силой общественного мнения», которую с таким блестящим умением выдержала в Англии манчестерская Лига. О той борьбе справедливости и здравого смысла против царившего в то время хищения, о которой простодушный Бастиа мечтал для своего отечества.

Последние три года были самыми плодотворными в жизни Бастиа: несмотря на сильные страдания, которые терпеливо переносил он вследствие поражения органов дыхания, он продолжал неустанно работать, и к этому времени относятся самые выдающиеся из его сочинений, направленные, с одной стороны, против господствовавших в жизни Франции системы «законного хищения», а с другой — против социалистических и коммунистических теорий и проектов общественного преобразования. «Экономические софизмы», «Экономические гармонии», «Что видно и чего не видно» были написаны именно в эти последние годы жизни Бастиа, не считая многих отдельных статей, брошюр и писем («О даровом кредите»,

переписка с Прудоном), занимают бóльшую часть «Полного собрания» его сочинений. Немалым утешением для Бастиа было избрание его от Ландов в члены учредительного собрания в 1848 г. В 1849 г. он был избран в законодательное собрание. Но деятельность на этом поприще не ознаменовалась никаким выдающимся успехом — скромность Бастиа, лишенного вдобавок ораторского искусства, терялась в слишком шумных собраниях, хотя он поднимал там свой голос в пользу рабочего класса и против расточительности правительства, ложившейся слишком тяжелым бременем на благосостояние народа.

Это были последние вспышки полуразрушенного организма. Болезнь Бастиа подтачивала его последние силы — под конец ему приходилось сознаться в своей бессилии продолжать борьбу и признать себя побежденным. Состояние его здоровья не позволило ему оставаться в Париже — его отправили умирать в Италию. По дороге в Рим он проездом остановился в Пизе и здесь прочел о себе в газетах такое извещение: «славный Бастиа, знаменитый писатель...» Это извещение слишком рано возвестило о наступавшей развязке с жизнью и к горькому сознанию самого Бастиа дало ему понять, как мало оставалось ему надежды на исцеление. В Риме положение его было безнадежно. Бастиа никогда не был набожным, но всегда был глубоко религиозным человеком, и верил, что законы Божественного Промысла, положенные в основу мироздания, несокрушимы и что никакая рука человеческая не в силах поколебать их. Он хотел умереть,

и умереть не только христианином, но и верным католиком на руках своего двоюродного брата — аббата Монклара и друга и сотрудника Пальоте. Это случилось 24 декабря 1950 г. Последним словом, слетевшим с его уст, было «истина»... Через 11 лет после кончины Бастиа, 23 апреля 1878 г., в Мюгроне поставлен ему памятник в форме бюста и аллегорической фигуры, записывающей на камне заглавия важнейших сочинений французского экономиста. Этот скромный памятник был сооружен трудами Леона Сэя, внука Ж.-Б. Сэя, которого Бастиа был ближайшим последователем и продолжателем в пропаганде науки.

Комментарии

Прим. ред. — комментарии редактора французского Полного собрания сочинений Бастиа, изданного в XIX в.

Прим русск. перев. — комментарии переводчика русского издания 1863 г.

Прим. амер. перев. — комментарии переводчика в американском издании 1996 г. (The Foundation for Economic Education, Inc.).

Прим. изд. — комментарии издательства «Социум».

¹ Иеремия Бентам (Jeremy Bentham) (1748—1832) — английский философ, социолог, юрист. Родоначальник философии утилитаризма. Возможно его книга *Book of Fallacies* подсказала Бастиа название этой работы. (с. 1) — *Прим. амер. перев.*

² Первая часть экономических софизмов была издана отдельной книжкой в 1845 году. Многие главы были до этого опубликованы в том же году в *Journal des économistes*, в апрельском, июльском и октябрьском номерах. (с. 3) — *Прим. ред.*

³ Этот взгляд был развит автором в памфлете *Что видно и чего не видно*. (с. 4) — *Прим. ред.*

⁴ В данном случае говоря об идеологах автор имеет в виду последователей Этьена Бонно де Кондильяка (Étienne Bonnot de Condillac) (1715—1789) — французского философа, занимавшегося главным образом психологией, но также писавшем о политике и экономике. Наполеон использовал слово «идеолог» в презрительном смысле подразумевая под этим непрактичных мыслителей-мечтателей, Бастиа использует это слово в этом же значении. (с. 5) — *Прим. амер. перев.*

⁵ Огюст виконт де Романе (Auguste Vicomte de Romanet) — автор *Rapport fait au Comité central pour la défense du travail national* (1843), публицист и протекционист. (с. 5) — *Прим. амер. перев.*

-
- ⁶ Орган Комитета по защите отечественной промышленности, протекционистской организации, созданной Мимерелем де Рубо. См. прим. 12. (с. 6 сл.) — *Прим. амер. перев.*
- ⁷ Пьер Лоран Бартельми граф де Сен-Крик (Pierre Laurent Barthélemy, Comte de Saint-Cricq) — член палаты депутатов, министр торговли с 4 января 1848 года по 8 августа 1849 года, позднее пэр Франции. (с. 7) — *Прим. амер. перев.*
- ⁸ Бюжо де ля Пиконри (T. R. Bugaud de la Piconnerie) (1784—1849) — военачальник. Был членом Палаты депутатов, интересовался сельским хозяйством, стоял на протекционистской позиции. (с. 7) — *Прим. амер. перев.*
- ⁹ Антуан Морис Аполинер граф д'Аргу (Antoine Maurice Arrolinaire, Comte d'Argout) (1782—1858) — управляющий Банка Франции, специалист по налогообложению. (с. 7) — *Прим. амер. перев.*
- ¹⁰ Департамент — самая крупная единица административного деления Франции площадью около 3 тыс. кв. миль. (с. 8) — *Прим. амер. перев.*
- ¹¹ Законодательный орган Франции состоит из Палаты пэров и Палаты депутатов. (с. 8) — *Прим. амер. перев.*
- ¹² Мишель де Монтень (Michel de Montaigne) (1533—1592) — французский философ-гуманист эпохи Ренессанса. (с. 14) — *Прим. амер. перев.*
- ¹³ Ассоциация, объединявшая производителей, возглавлявшаяся текстильным фабрикантом Мимерелем де Рубо (P. A. N. Mimerel de Roubaix) (1786—1871). (с. 14) — *Прим. амер. перев.*
- ¹⁴ Автор развил это положение в последующем сочинении. См. *Экономические гармонии*, гл. XI. (с. 16) — *Прим. ред.*
- ¹⁵ Автор изложил пространнее этот предмет в *Экономических гармониях*, гл. XI, потом в другой форме в статье *Изобилие*, написанной для *Словаря политической экономии*. (с. 18) — *Прим. ред.*
- ¹⁶ О том же предмете говорится ниже в гл. II.14, и в *Экономических гармониях*, гл. III и XI. (с. 23) — *Прим. ред.*
-

- ¹⁷ Сизиф — в греческой мифологии царь Коринфа; перехитрив богов дважды сумел избежать смерти и был приговорен за это ими вечно вкатывать в подземном мире в гору камень, который, достигнув вершины, скатывался обратно. «Сизифов труд» — тяжелая бесплодная работа. (с. 24) — *Прим. изд.*
- ¹⁸ Барон Шарль Дюпен (Baron P. C. F. Dupin) (1784—1873) — инженер, математик, статистик и экономист, член Палаты пэров и министр военно-морского флота. (с. 28) — *Прим. амер. перев.*
- ¹⁹ Сентиар равен $\frac{1}{10\,000}$ гектара, или $\frac{1}{100}$ ара, или 1 квадратному метру. Коммуна — наименьшая единица административного деления Франции. Средняя площадь коммуны менее 10 квадратных миль. Либо Аргу, либо Бастиа, либо французский издатель ошибся, поскольку сентиар должен здесь читаться как ар ($\frac{1}{100}$ гектара): при наличии во Франции 35 000 коммун посевы сахарной свеклы на одну коммуну составят 0,45 гектара, или 45 аров. (с. 31) — *Прим. амер. перев.*
- ²⁰ О том же см. ниже, гл. II.16 и *Экономические гармонии*, гл. VI. (с. 34) — *Прим. ред.*
- ²¹ Две исторические области Франции: Гиень — в юго-восточной части, Бретань — в северо-восточной. (с. 37) — *Прим. амер. перев.*
- ²² Город с населением около 20 000 человек в Бретани, имеет большое историческое и архитектурное значение. Однако, возможно, из-за своей отдаленности от Парижа, часто является объектом шуток, как пример глубокой провинции. (с. 39) — *Прим. амер. перев.*
- ²³ 1 франк равен 100 сантимам. (с. 43) — *Прим. амер. перев.*
- ²⁴ Главная река Португалии, в устье которой расположен Лиссабон. (с. 44) — *Прим. амер. перев.*
- ²⁵ Иоганн Гуттенберг (Johann Gutenberg) (между 1394 и 1399 (или в 1406)—1468) — немецкий изобретатель книгопечатания. (с. 48) — *Прим. изд.*
- ²⁶ Сен-симонизм — учение и программа Клода Анри де Ревруа графа де Сен-Симона (Claude Henri de Rouvroy, Comte de

Saint-Simon) (1760—1825), основателя французского социализма, призывавшего к созданию промышленного государства, управляемого на основе «научных» принципов. Его работы были крайне популярны не только при его жизни, но и долгое время после его смерти. (с. 50) — *Прим. амер. перев.*

²⁷ 1 гектолитр равен 100 литрам, в данном случае используется как единица объема сыпучих тел. (с. 54) — *Прим. изд.*

²⁸ Фурьеризм — учение и программа Шарля Фурье (F. C. M. Fourier) (1772—1837) французского социалиста, предлагавшего организовать общество на основе больших групп людей численность около 1600 чел., которые он называл «фалангами», живущими ими в одном здании, или «фаланстере». Его идеи получили широкое влияние как во Франции, так и за рубежом. В штате Массачусеттс существовало поселение Брук Фарм, представлявшее собой экспериментальное общество, основанное на принципах фурьеризма. (с. 58) — *Прим. амер. перев.*

²⁹ Теория, очерченная в этой главе, была изложена автором полнее четыре года спустя в *Экономических гармониях*. Вознаграждение, присваиваемое исключительно человеческому труду; безвозмездность содействия природы; постепенное подчинение человеку сил природы, к выгоде всего человечества, общим достоянием которого они становятся; увеличение общего благосостояния и стремление к относительному уравниванию условий производства: вот существенные положения важнейшего из сочинений Бастиа. (с. 58) — *Прим. ред.*

³⁰ Блез Паскаль (Blaise Pascal) (1623—1662) — великий французский аскет, геометр, религиозный философ и писатель. (с. 61) — *Прим. амер. перев.*

³¹ См. *Экономические гармонии*, гл. XVIII. (с. 62) — *Прим. ред.*

³² Анзейская Компания, занимавшаяся крупномасштабной добычей каменного угля на северо-востоке Франции, была знаменитым предприятием с почти столетней историей. (с. 65) — *Прим. амер. перев.*

- ³³ Во Франции католическая церковь была государственной церковью, финансировавшейся за счет налогов, взимаемых со всего населения. (с. 66) — *Прим. ред.*
- ³⁴ Смотри памфлет *Мир и свобода*. (с. 67) — *Прим. ред.*
- ³⁵ «И давайте не путать, слишком глубоко вникая в предмет, / Их дела с нашими». Из басни Жана де Лафонтена (Jean de la Fontaine) (1621—1695) *Ласка, забравшаяся в кладовую (La Belle entrée dans un grenier)*. (с. 68) — *Прим. амер. перев.*
- ³⁶ Готье де Рюмильи (L.M.C.H. Gauthier de Rumilly) (1792—1884) — депутат и специалист по пошлинам, железным дорогам и торговле. (с. 68) — *Прим. амер. перев.*
- ³⁷ Лестибудуа (G. T. Lestibouois) (1797—1876) — депутат и врач. (с. 68) — *Прим. амер. перев.*
- ³⁸ Парижскими изделиями назывались предметы роскоши, главным образом женская одежда и парфюмерия, — основная статья вывоза Парижа. (с. 71) — *Прим. изд.*
- ³⁹ В марте 1850 года автор был вынужден снова опровергать тот же софизм, который был высказан в национальном собрании. В основу своей аргументации он положил те же самые факты, исключив лишь из приведенного расчета издержки транспортировки. (с. 74) — *Прим. ред.*
- ⁴⁰ Под «вероломным Альбионом» подразумевается Англия. Бастиа обыгрывает традиционные насмешки французов над английскими туманами, имея в виду, что они не дают солнцу мешать в Англии искусственному освещению, как оно делает это во Франции. В 1840-е годы франко-английские отношения иногда бывали весьма напряженными. (с. 76) — *Прим. амер. перев.*
- ⁴¹ Пошлина на предметы ввоза, изменяющаяся в зависимости от того, на каком судне и из какой страны они привезены. (с. 82) — *Прим. русск. перев.*
- ⁴² Департамент на юго-востоке Франции, известный такими винами, как медок и сотерны. (с. 82) — *Прим. амер. перев.*
- ⁴³ Цитата из басни Лафонтена *Le Coche et la touche*: «По пес-

чаной, гористой и неудобной дороге, / Обжигаемые со всех сторон солнцем, / Шесть сильных коней тянули повозку». (с. 90) — *Прим. амер. перев.*

⁴⁴ Эти названия содержат корни латинских слов, означающих «глухой» и «ребяческий». (с. 91) — *Прим. амер. перев.*

⁴⁵ Кристоф Жозеф Александр Матгё де Домбаль (Christophe Joseph Alexandre Mathieu de Dombasle) (1777—1843) — агроном, изобретатель сельскохозяйственных машин и автор многочисленных работ по налогообложению, развивавший протекционистские идеи. (с. 94) — *Прим. амер. перев.*

⁴⁶ Александр Моро де Жонес (Alexandre Moreau de Jonnés) (1778—1870) — французский экономист, статистик и писатель, директор Статистического бюро министерства торговли в 1834—1852 годах. (с. 95) — *Прим. амер. перев.*

⁴⁷ Эта мысль часто встречается в сочинениях автора. Она имела в его глазах огромное значение и за четыре дня до смерти заставила его написать следующие строки: Скажите г-ну Ф., чтобы при разборе экономических явлений он всегда держал сторону потребителя, потому что выгода последнего совпадает с выгодой человечества. (с. 97) — *Прим. ред.*

⁴⁸ Огюст виконт де Сен-Шаманс (Auguste Vicomte de Saint-Chamans) (1777—1861) — депутат и государственный советник, протекционист и сторонник теории торгового баланса. Цитата из *Du Système impôt fondé sur les principes d'économie politique*. (с. 97) — *Прим. амер. перев.*

⁴⁹ См. ниже гл. II.5 и *Экономические гармонии*, гл. 4. (с. 98) — *Прим. амер. перев.*

⁵⁰ Имеются в виду ценные бумаги, пользовавшиеся большим спросом в то время: Comptoir Gannepon, банка, в ценные бумаги которого на пике популярности было инвестировано почти 400 миллионов франков, Северной железной дороги и меховой компании, основанной сэром Александром Маккензи, впоследствии объединившейся с Компанией Гудзонского залива. (с. 99) — *Прим. амер. перев.*

- ⁵¹ Прованс — историческая провинция Франции у Средиземного моря, Медок — сельскохозяйственный район к юго-востоку от реки Жиронда, Гирерские острова расположены в Средиземном море. (с. 103) — *Прим. амер. перев.*
- ⁵² См.: *Экономические гармонии*, гл. XIV. (с. 106) — *Прим. ред.*
- ⁵³ Жан-Батист Сэй (Jean-Baptiste Say) (1767—1832) — французский экономист и защитник свободной торговли. Его идеи оказали огромное влияние на Бастиа. (с. 107) — *Прим. амер. перев.*
- ⁵⁴ Ферье (F. L. A. Ferrier) (1777—1861) — чиновник, руководивший разработкой французского тарифа, автор книг по тарифам и финансам. (с. 108) — *Прим. амер. перев.*
- ⁵⁵ Жан-Батист Кольбер (Jean-Baptiste Colbert) (1619—1683) — французский государственный деятель, главный экономический и финансовый советник короля Людовика XIV, при котором он был генерал-контролером (министром) финансов Франции. Проводил меркантилистскую экономическую политику, способствовал развитию крупных мануфактур. (с. 109) — *Прим. амер. перев.*
- ⁵⁶ Единица административного деления во Франции, между коммуной и департаментом. (с. 112) — *Прим. амер. перев.*
- ⁵⁷ См. гл. I.15. (с. 115) — *Прим. ред.*
- ⁵⁸ Суржик — хлеб, испеченный из смеси пшеничной и ржаной муки. Бискайский от Бискайского залива, омывающего берег Страны Басков — испанской провинции, граничащей вдоль Пиренеев с Францией. Наварра — испанская провинция, также граничащая вдоль Пиренеев с Францией. (с. 117) — *Прим. амер. перев.*
- ⁵⁹ См. гл. II.18, II.20 и письмо к Тьеру, под заглавием *Протекционизм и коммунизм*. (с. 120) — *Прим. ред.*
- ⁶⁰ Двухпалатный законодательный орган Испании. (с. 124) — *Прим. амер. перев.*
- ⁶¹ Река, берущее начало в Испании, и протекающая через Пор-

- тугалию до Атлантического океана. (с. 124) — *Прим. амер. перев.*
- ⁶² Идальго — рыцарь в средневековой Испании. Здесь используется в значении «дворянин». (с. 124) — *Прим. изд.*
- ⁶³ Тулуза — французский город, расположенный значительно выше по течению реки Гаронны от Бордо; Паленсия — испанский город, расположенный на берегах притока Дуэро; Опорто — португальский город, расположенный в устье реки Дуэро. (с. 125) — *Прим. амер. перев.*
- ⁶⁴ Александр Этьен Симио (Alexandre Étienne Simiot) — автор *Care du chemin de fer de Paris à Bordeaux* (Bordeaux: Durand, 1846) и впоследствии представитель департамента Жиронда в Учредительном собрании. (с. 126) — *Прим. амер. перев.*
- ⁶⁵ См. письмо к Ламартину и *Экономические гармонии*, гл. I. (с. 131) — *Прим. ред.*
- ⁶⁶ Луи Адольф Тьер (Louis Adolphe Thiers) (1797—1877) — французский государственный деятель и историк, противник свободной торговли и во времена Бастиа сторонник проведения Францией агрессивной антианглийской политики. Генри Джон Темпл виконт Палмерстон (Henry John Temple, Viscount Palmerston) (1784—1865) — британский государственный деятель, министр иностранных дел в то время, когда писались *Софизмы*, противник Франции. (с. 134) — *Прим. амер. перев.*
- ⁶⁷ См. памфлет Бастиа *Справедливость и братство*, введение к книге *Кобден и Лига* и отдел ее: *Вторая компания Лиги*. (с. 136) — *Прим. изд.*
- ⁶⁸ См. ниже, гл. II.14, и *Экономические гармонии*, гл. VI. (с. 144) — *Прим. ред.*
- ⁶⁹ См. статью под заглавием *Reflesion sur les Petitions de Bordeaux, de Le Havre, etc.* (1834). (с. 158) — *Прим. ред.*
- ⁷⁰ Поль-Луи де Мере (Paul-Louis Courier de Méré) (1772—1825) — французский армейский офицер, ученый и публицист. Цитата взята из его политической сатиры *Pamphlet des Pamphlets*. (с. 159) — *Прим. амер. перев.*

- ⁷¹ Никола де Маленбранш (Nicolas de Malebranche) (1638—1715) — теолог и философ, автор *La Recherche de la vérité*. (с. 159) — *Прим. амер. перев.*
- ⁷² Мухаммед Али (1769—1849) — паша Египта, реформировал Египет в некоторой степени на европейский лад. (с. 161) — *Прим. амер. перев.*
- ⁷³ Лунные горы в восточной части Центральной Африки — исток Нила, однако отложения, остающиеся в Египте после разлива Нила приносятся из Эфиопии через Голубой Нил. (с. 161) — *Прим. амер. перев.*
- ⁷⁴ Луи Доминик Картуш (Louis Dominique Cartouche) (1693—1721) — знаменитый парижский бандит, имя которого стало синонимом «грабителя с большой дороги». (с. 161) — *Прим. амер. перев.*
- ⁷⁵ Серафен граф де Виллель (J. P. G. M. A. Seraphin, Comte de Villele) (1773—1854) — французский государственный деятель, крайний консерватор, во времена Бастиа член Палаты пэров. (с. 162) — *Прим. амер. перев.*
- ⁷⁶ По французски «j'en passe, et des meilleurs», строка из знаменитой пьесы Виктора Гюго (1801—1885) *Эрнани*. Ее произносит испанский гранд Гомез де Сильва, когда показывает портреты своих предков. (с. 164) — *Прим. амер. перев.*
- ⁷⁷ Пьер Симон маркиз де Лаплас (Pierre Simon, Marquis de Laplace) (1749—1827) — французский астроном и математик, решившим великую задачу кажущейся неустойчивости солнечной системы. (с. 165) — *Прим. амер. перев.*
- ⁷⁸ В конце гл. I.4 мы заметили, что в ней заключается весьма явственный зародыш учения, развитого в *Экономических гармониях*. В настоящей главе выражается желание и намерение автора написать это сочинение при первом благоприятном случае. (с. 165) — *Прим. ред.*
- ⁷⁹ См. комедию Мольера *Мещанин во дворянстве*, действие 2-е, явление 4-е. (с. 166) — *Прим. изд.*
- ⁸⁰ Адам Смит (Adam Smith) (1723—1790) — шотландский эконо-

- номист и философ, один из крупнейших представителей классической политической экономии. (с. 167) — *Прим. амер. перев.*
- ⁸¹ Луи Жак Тенар (L. J. Thénard) (1777—1857) — химик; Андриен Мари Лежандр (A. M. Legendre) (1752—1834) — математик; Этьен Безу (Étienne Bezout) (1730—1783) — математик. (с. 167) — *Прим. амер. перев.*
- ⁸² Слова и звуки, больше ничего (*лат.*). (с. 168) — *Прим. изд.*
- ⁸³ «Весь секрет фехтования заключается в том, чтобы, во-первых, наносить противнику удары, а во-вторых, чтобы самому таких не получать» (Мольер. *Мещанин во дворянстве*, действие 2-е, явл. 2-е). (с. 170) — *Прим. изд.*
- ⁸⁴ Зевообразовательный механизм для ткацкого станка — приспособление для выработки крупноузорчатых тканей. Жозеф Мари Жаккар (J. M. Jacquard) (1752—1834) — изобретатель и предприниматель. (с. 170) — *Прим. изд.*
- ⁸⁵ К этой мысли, завершающей первую часть *Экономических софизмов*, автор вернулся в начале второй части. Проблема влияния грабежа на судьбу человека глубоко его волновала. Коснувшись ее несколько раз в *Экономических софизмах* и *Избранных очерках по политической экономии* (см., в частности, памфлеты *Собственность и грабеж*, *Грабеж и закон*), Бастиа посвятил много места обсуждению этого вопроса в *Экономических гармониях* в гл. XVIII *Возмущающие факторы*. Последним свидетельством важности, придаваемой автором этой проблеме, могут служить его слова, сказанные накануне смерти: «Важная задача политической экономии — написать историю грабежа. Это длинная история, включающая в себя, с самого начала, завоевания, переселения народов, вторжения и все бедственные эксцессы насилия в ущерб справедливости. Все это оставило свои последствия, которые продолжают нас мучить и затрудняют решение сегодняшних проблем. Мы не решим их до тех пор, пока не осознаем, каким путем и в какой степени несправедливость, сидящая в нас самих, закрепилась в наших традициях и законах». (с. 172) — *Прим. ред.*

- ⁸⁶ Это цитата из первой части *Рассуждения о неравенстве французского философа Ж.-Ж. Руссо (J. J. Rousseau) (1712—1778)*. Эта мысль оказала такое сильное впечатление на Бастиа, что в своей работе *Экономические гармонии*, он ссылается на нее пять раз. (с. 181) — *Прим. ред.*
- ⁸⁷ Крестовые походы. (с. 183) — *Прим. русск. перев.*
- ⁸⁸ Речь идет о двух колониях Франции, вест-индских островах Мартиника и Гваделупа, где рабство существовало в 1848 году или позже. (с. 185) — *Прим. амер. перев.*
- ⁸⁹ Более эффективные (и гуманные) методы производства в Индии привели к резкому падению производства индиго посредством рабского труда в Вест-Индии. (с. 185) — *Прим. амер. перев.*
- ⁹⁰ См. памфлеты *Государство и Закон*, а также *Экономические гармонии*, гл. XVII. (с. 199) — *Прим. изд.*
- ⁹¹ Разграничение подлинных монополий и того, что называется естественными монополиями, сопровождающее анализ теории ценности Адама Смита, ср.: *Экономические гармонии*, гл. V, сн. 2. (с. 200) — *Прим. ред.*
- ⁹² Вскоре автор заметил активизацию этого источника конфликтов в обществе и объявил ему войну. См.: памфлет *Государство*. (с. 201) — *Прим. ред.*
- ⁹³ Альфонс X Мудрый (1221—1284) — король Кастилии в 1252—1284 гг., слабый король, но человек энциклопедической образованности. Ему приписывают фразу: «Если бы я присутствовал в момент Творения, я бы подсказал, как лучше устроить Вселенную». (с. 204) — *Прим. амер. перев.*
- ⁹⁴ В комедии Мольера *Тартюф, или обманщик*, Тартюф — это коварный ханжа и лицемер, а Оргон — наивная жертва обмана. (с. 209) — *Прим. амер. перев.*
- ⁹⁵ Африканская проблема заключалась в ряде дорогостоящих военных экспедиций, предпринятых Францией для завоевания Африки. (с. 210) — *Прим. амер. перев.*
- ⁹⁶ Франсуа Пьер Гийом Гизо (François Pierre Guillaume Guizot)

- (1787—1874) — французский государственный деятель и историк, главный противник Тьера в борьбе за власть в 1840-х годах. Он призывал французов заняться зарабатыванием денег, противостоял реформам и был дружественно настроен по отношению к Британии. (с. 210) — *Прим. амер. перев.*
- ⁹⁷ Лоран Кюнен-Гриден (Laurent Cunin-Gridaine) (1778—1859) — текстильный фабрикант, депутат, министр торговли и крайний приверженец протекционизма. (с. 214) — *Прим. амер. перев.*
- ⁹⁸ Департамент на юго-западе Франции. (с. 223) — *Прим. амер. перев.*
- ⁹⁹ Впервые опубликовано *Le Libre Échange*, 25 июля 1847 года. (с. 225) — *Прим. ред.*
- ¹⁰⁰ Шарль Жак Мари Таннги граф де Дюшатель (Charles Jacques Marie Tanneguy, Comte de Duchâtel) (1803—1867) — автор *Considérations d'économie politique sur la bienfaisance*. Участвовал в издании *Le Globe*, политического и литературного обозрения, являлся министром во время Июльской монархии и был одним из инициаторов реформы тарифа 1934 года. (с. 227 сн.) — *Прим. амер. перев.*
- ¹⁰¹ Бастиа некоторое время жил на улице Круазет, а комитет Одье (см. ниже, прим. 102) располагался на улице Готвилль. (с. 227) — *Прим. амер. перев.*
- ¹⁰² Комитет по защите отечественной промышленности — протекционистская организация, лидером которой был Антуан Одье (1766—1853), президент Торговой палаты Парижа, депутат, впоследствии пэр Франции. (с. 231) — *Прим. амер. перев.*
- ¹⁰³ В статье, опубликованной в *Le Libre Échange* от 1 августа 1847 года, автор развил эту тему, и мы посчитали необходимым привести ее здесь. (с. 233) — *Прим. ред.*
- ¹⁰⁴ Эта глава впервые опубликована в газете *Courier français* (18 сентября 1846 года), предоставившей автору возможность ответить на критику, появившуюся в *L'Atelier*. Это

- произошло спустя всего два месяца после появления газеты *Le Libre Échange*. (с. 239) — *Прим. ред.*
- ¹⁰⁵ Ричард Кобден (Richard Cobden) (1804—1865) — английский фабрикант, член Парламента и активный сторонник свободной торговли. Бастиа был лично знаком с Кобденом и восхищался им. Лорд Джордж Бентинк (Lord George Bentinck) (1802—1848) — известен в Парламенте исключительно тем, что возглавлял оппозицию свободной торговле. (с. 239) — *Прим. амер. перев.*
- ¹⁰⁶ В то время Франция делилась на сельскохозяйственный юг, выступавший в пользу свободной торговли, и промышленный протекционистский север. (с. 240) — *Прим. амер. перев.*
- ¹⁰⁷ Тильбюри — легкий открытый двухколесный экипаж. (с. 241) — *Прим. изд.*
- ¹⁰⁸ В 1836 году монастыри в Испании были закрыты, а их собственность конфискована правительством. (с. 244) — *Прим. амер. перев.*
- ¹⁰⁹ Место заседаний Палаты депутатов законодательного собрания Франции. (с. 249) — *Прим. амер. перев.*
- ¹¹⁰ Из 30-миллионного населения Франции того времени избирательным правом обладали около 200 тысяч человек, главным образом имевших высокие доходы. (с. 249) — *Прим. амер. перев.*
- ¹¹¹ Деции — знатный плебейский род в Древнем Риме. Деций Публий Мус, в 340 году до н. э. избранный вместе с Манлием Торкватом в консулы, двинулся с ним в Кампанию против восставших латинцев. Перед битвой при Капуе вследствие сновидения, предвещавшего победу тому войску, чей вождь обречет себя на смерть, каждый консул дал обет пожертвовать своей жизнью, если его фланг начнет отступать. Когда затем во время сражения отряд Деция стал подаваться назад, Деций бросился в ряды неприятеля, где нашел смерть, римляне победили. Его сын, также Деций Публий Мус был консулом в 312, 308, 298 и 295 годах до н. э. В 295 году выступил

- против самнитян и их союзников. В битве при Сентине, когда римские всадники стали отступать, Деций, следуя примеру отца, посвятил себя подземным богам и своей героической смертью обеспечил римлянам победу. (с. 252) — *Прим. изд.*
- ¹¹² Мелкая медная монета в Китае и Индии. (с. 257) — *Прим. амер. перев.*
- ¹¹³ Восточная серебряная монета. (с. 252) — *Прим. амер. перев.*
- ¹¹⁴ В 1846 году английский парламент сделал решающий шаг к введению свободной торговли, отменив пошлины на импорт зерна. (с. 259) — *Прим. амер. перев.*
- ¹¹⁵ Взято из *Journal des économistes*, январь 1848 года. (с. 262) — *Прим. ред.*
- ¹¹⁶ Мидас, царь Фригии в 738—696 годах до нашей эры. Согласно греческому мифу, невежественный и самоуверенный Мидас присудил первенство в музыкальном состязании Аполлона с Паном последнему; в наказание за это Аполлон наделил Мидаса ослиными ушами. (с. 262) — *Прим. изд.*
- ¹¹⁷ Сцена из пьесы Ж. Б. Мольера *Мизантроп*, в которой Альцест, мизантроп, пытается сказать Оронту, глупому дворянину, что сонет Оронта бездарен. Проблема в том, что честный и прямой Альцест жестко ограничен рамками строгих правил поведения и речи. Однако, будучи сторонником откровенности, в конце концов он не выдерживает и разражается последней строкой. (с. 262) — *Прим. амер. перев.*
- ¹¹⁸ В пьесе Ж. Б. Мольера *Скупой Гарпагон*, скупой, задает этот вопрос своей дочери Элизе относительно брака: «Что тебя так испугало: слово или самый брак?» (с. 263) — *Прим. амер. перев.*
- ¹¹⁹ Смит А. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. Кн. I. Гл. X. Ч. 2. (с. 264) — *Прим. амер. перев.*
- ¹²⁰ См. выше, гл. I.5. (с. 267) — *Прим. ред.*
- ¹²¹ 1 пиастр равнялся 20 реалам. (с. 268) — *Прим. амер. перев.*
- ¹²² Верный своему обещанию сменить стиль, Бастиа здесь пародирует пародию Ж. Б. Мольера на формулу присуждения

- степени доктора медицины в комедии *Мнимый больной*. Мольер пишет на ломанной латыни: Доно тибѣ право клинициста, / Санкциам и разрешениам / на всякого рода лечениам; / Медиканди, / Пурганди, / Кровопусканди, / Вскриванди, / Резанди, / Секанди, / И убиванди, / Безнаказанно всяким манером / По всему миру. (с. 269) — *Прим. изд.*
- ¹²³ Букв.: позволяйте идти (*франц.*). Употр. в знач.: предоставление событиям или обстоятельствам развиваться самим по себе; невмешательство. В экономической политике обозначает доктрину, требующую минимального вмешательства правительства в экономическую жизнь, возникшую на рубеже XVII—XVIII вв. как протест против регулирования промышленности со стороны правительства. (с. 272) — *Прим. изд.*
- ¹²⁴ Слова из популярной песни неизвестного автора. Речь идет о стоящей в центре Парижа Вандомской колонне, изготовленной из меди пушек, захваченных Наполеоном в сражении под Аустерлицем в 1805 году. (с. 274) — *Прим. амер. перев.*
- ¹²⁵ Медок (Médoc) — красное бордосское вино. (с. 276) — *Прим. изд.*
- ¹²⁶ Бисетр (Vicétre) — богадельня и дом умалишенных в нескольких километрах от Парижа по дороге в Фонтенбло. (с. 277) — *Прим. русск. перев.*
- ¹²⁷ Атласские горы (Атлас) — на северо-западе Африки на территории Марокко, Алжира и Туниса. (с. 277) — *Прим. изд.*
- ¹²⁹ Народ группы берберов, населяющий Алжир и Тунис. (с. 277) — *Прим. изд.*
- ¹²⁹ Шварцвальд — покрытый лесами горный массив на юго-западе Германии. С неосторожных и доверчивых путешественников там часто требовали дань. (с. 280) — *Прим. амер. перев.*
- ¹³⁰ Впервые опубликовано в *Le Libre Échange*, 17 января 1847 года. (с. 130) — *Прим. ред.*
- ¹³¹ См. Мольер Ж.-Б. *Мизантроп*, действие 1, явление 2. У Мольера «Париж» вместо «портфель» (с. 283) — *Прим. изд.*
- ¹³² См. гл. II.12. (с. 284) — *Прим. ред.*

- ¹³³ Город с развитой текстильной промышленностью в Бельгии. (с. 285) — *Прим. амер. перев.*
- ¹³⁴ Город с развитой текстильной промышленностью во Франции, недалеко от Парижа. (с. 287) — *Прим. амер. перев.*
- ¹³⁵ В формате сложенного вдвое листа, в большом формате (*лат.*). (с. 287) — *Прим. изд.*
- ¹³⁶ Октруа, или заставные пошлины, — местный налог на некоторые товары (продовольствие, напитки, топливо, фураж, строительные материалы и т.д.), взимались на границе города или района. (с. 289) — *Прим. амер. перев.*
- ¹³⁷ Две пригородные коммуны, ставшие частью Парижа в 1860 году. (с. 289) — *Прим. амер. перев.*
- ¹³⁸ Здесь противопоставляется обязательная служба в армии и служба по контракту в профессиональной армии. (Ср.: когда в СССР говорили «забрали в армию», военные и идеологи поправляли: «не забрали, а призвали».) (с. 291) — *Прим. изд.*
- ¹³⁹ Французское слово *contribution* означает не только налог, но и добровольное неправительственное действие. — *Прим. амер. перев.*
- Соединенными пошлинами назывались во время Консульства и Империи различные косвенные сборы с вина, сидра, табака, ликера, пороха и соли; во время революции все эти пошлины были уничтожены, а потом снова восстановлены и соединены под управлением одного органа, которому поручено было наблюдать за их сбором и исправным поступлением в казну. После реставрации, правительство в 1814 году объявило об уничтожении соединенных пошлин; но оно скоро увидело невозможность обойтись без них и восстановило их в прежнем виде, дав им лишь другое название: косвенные налоги. (с. 291) — *Прим. русск. перев.*
- ¹⁴⁰ Арман Жан дю Плесси кардинал де Ришелье (Armand Jean du Plessis, Cardinal de Richelieu) (1585—1642) — с 1628 года глава королевского совета, фактический правитель Франции. (с. 291) — *Прим. амер. перев.*

- ¹⁴¹ Лозунг «Свобода образования» для Бастиа означал ослабление или ликвидацию жесткого контроля над школами со стороны католической церкви и некоторых правительственных чиновников. (с. 292) — *Прим. амер. перев.*
- ¹⁴² Первые железные дороги во Франции были построены частично частным британским капиталом, частично в сотрудничестве французского правительства и частного французского капитала. (с. 292) — *Прим. амер. перев.*
- ¹⁴³ Впервые опубликовано в *Journal des économistes*, 5 мая 1846 года. (с. 294) — *Прим. ред.*
- ¹⁴⁴ 1842, 1846, 1950 — годы выборов. Четвертая сессия — это просто пленарное заседание законодательного собрания накануне выборов. (с. 294) — *Прим. амер. перев.*
- ¹⁴⁵ В то время горячую воду пили в лечебных целях. (с. 295) — *Прим. амер. перев.*
- ¹⁴⁶ «Все поднялись, просто беда! / ... / И не все разом вы, господа!» Цитата из *Largo al factotum* («Место! Раздайся шире, народ!»), арии из первого акта оперы *Севильский цирюльник*. (с. 296) — *Прим. амер. перев.*
- ¹⁴⁷ Сэр Роберт Пиль (Sir Robert Peel) (1788—1850) — английский государственный деятель, член консервативной партии, премьер-министр в 1840-х годах; лорд Джон Рассел (Lord John Russell) (1792—1878) — английский государственный деятель, член партии вигов, премьер-министр после Пила; сэр Роланд Хилл (Sir Robert Hill) (1795—1879) — британский педагог и администратор, сыгравший главную роль во введении penny post в Англии в 1840 году. В тексте речь идет о 13 360 фунтах стерлингов, собранных для Роналда Хилла по народной подписке в 1846 году. (с. 297) — *Прим. амер. перев.*
- ¹⁴⁸ Лига против хлебных законов была создана в Англии для пропаганды желательности отмены импортных пошлин на зерно и оказания давления на парламент с целью принятия закона, отменяющего хлебные пошлины. Вскоре Лига превра-

- тилась в широкое движение сторонников свободной торговли. (с. 297) — *Прим. изд.*
- ¹⁴⁹ Бастия возвращается к случаю неоплаченного письма. (с. 299) — *Прим. амер. перев.*
- ¹⁵⁰ Продолжайте (*англ.*). (с. 300) — *Прим. изд.*
- ¹⁵¹ Алексис Пирон (Alexis Piron) (1689—1773) — второстепенный поэт и драматург, прославившийся благодаря своему блестящему и разрушительному остроумию, часто наносившему поражение грозному Вольтеру. (с. 302) — *Прим. амер. перев.*
- ¹⁵² Во Франции продажа табака была государственной монополией. (с. 303) — *Прим. амер. перев.*
- ¹⁵³ Адольф Вьютри (Adolphe Vuitry) (1813—1885) — французский экономист и законодатель. (с. 304) — *Прим. амер. перев.*
- ¹⁵⁴ Почтовая оплата в одно пенни; дешевые почтовые услуги (*англ.*). (с. 306) — *Прим. изд.*
- ¹⁵⁵ Джон Макгрегор (John MacGregor) (1797—1857) — статистик, историк, дипломат и сторонник свободной торговли. В 1840 году он стал одним из секретарей Британского совета по торговле. В 1841—1850 годах публиковал объемные доклады о пошлинах в различных странах. (с. 306) — *Прим. амер. перев.*
- ¹⁵⁶ Слова из самой популярной песни Пьера-Жана Беранже (Pierre-Jean de Béranger) (1780—1857). (с. 317) — *Прим. амер. перев.*
- ¹⁵⁷ Старая французская денежная единица, первоначально эквивалентная фунту серебра, но постепенно обесценившаяся и замененная франком. (с. 317) — *Прим. амер. перев.*
- ¹⁵⁸ Мелкая монета эквивалентная примерно $\frac{3}{5}$ су, ведущая происхождение от римских динариев; находилась в обращении до Французской революции. (с. 317) — *Прим. амер. перев.*
- ¹⁵⁹ Деревья для дров в Париж сплавляли вниз по Сене. (с. 318) — *Прим. амер. перев.*
- ¹⁶⁰ В комедии Ж. Б. Мольера *Мещанин во дворянстве* льстец уверяет г-на Журдена, что его отец не «продавал» ткани,

- а просто «раздавал друзьям за деньги», т.е. был дворянином, а не буржуа. (с. 319) — *Прим. амер. перев.*
- ¹⁶¹ Область к юго-западу от Парижа. (с. 322) — *Прим. амер. перев.*
- ¹⁶² Департамент к юго-востоку от Парижа. (с. 323) — *Прим. амер. перев.*
- ¹⁶³ См. выше, гл. I.6. (с. 324) — *Прим. ред.*
- ¹⁶⁴ Лес к северу от Парижа, печально известный как прибежище воров. (с. 327) — *Прим. амер. перев.*
- ¹⁶⁵ Впервые опубликовано в *Le Libre Échange* 21 марта 1847 года. (с. 333) — *Прим. ред.*
- ¹⁶⁶ Имеется в виду комитет Одье, см. выше, прим. 102. (с. 334) — *Прим. амер. перев.*
- ¹⁶⁷ См. гл. I.5 и I.3 и *Экономические гармонии*, гл. VI. (с. 345) — *Прим. ред.*
- ¹⁶⁸ Впервые опубликовано в *Le Libre Échange*, 26 апреля 1847 года. (с. 346) — *Прим. ред.*
- ¹⁶⁹ Сельскохозяйственная область в центре Франции, славящаяся высокими урожаями зерновых. (с. 350) — *Прим. амер. перев.*
- ¹⁷⁰ Промышленный город по соседству с Руаном. (с. 350) — *Прим. амер. перев.*
- ¹⁷¹ Из пьесы *Monsieur Vautour* французского драматурга Марка Антуана Мадлен Десанжье (Marc Antoine Madeleine Désaugier) (1772—1827). Это имя стало нарицательным для обозначения бессердечного ростовщика, кредитора и домовладельца. (с. 350) — *Прим. амер. перев.*
- ¹⁷² Впервые опубликовано в *Le Libre Échange* 13 декабря 1846 года. (с. 355) — *Прим. амер. перев.*
- ¹⁷³ Огюст Адольф Мари Билло (Auguste Adolphe Marie Billaud) (1805—1863) — экономист и член палаты депутатов. (с. 355) — *Прим. амер. перев.*
- ¹⁷⁴ Билет с шансами 75 000 к 1. (с. 358) — *Прим. амер. перев.*
- ¹⁷⁵ Тамбурмажор — старший полковой барабанщик. (с. 358) — *Прим. изд.*

-
- ¹⁷⁶ Цитата из стихотворения Колена д'Арлевиля (Colin d'Harleville) (1785—1806), второразрядного драматурга и автора легких стихов. (с. 358) — *Прим. амер. перев.*
- ¹⁷⁷ Девиз английского Ордена Подвязки. (с. 359) — *Прим. изд.*
- ¹⁷⁸ В зале Монтеस्कье 28 августа 1846 года состоялось первое собрание французских сторонников свободной торговли. (с. 360) — *Прим. амер. перев.*
- ¹⁷⁹ Защитники свободы правых рук, подобно тому, как приверженцев свободы торговли называют либр-эшанжистами. (с. 360) — *Прим. русск. перев.*
- ¹⁸⁰ Защитники работы одной левой рукой. (с. 361) — *Прим. русск. перев.*
- ¹⁸¹ Впервые опубликовано в *Le Libre Échange* 14 февраля 1847 года. (с. 365) — *Прим. ред.*
- ¹⁸² Если бы автор прожил дольше, он, возможно, опубликовал бы третью часть *Экономических софизмов*. Основное содержание книги уже было опубликовано в газете *Le Libre Échange*. (с. 372) — *Прим. ред.*

Цензурная правка 1863 года

Изъятия и замены текста, сделанные в 1863 году по цензурным соображениям, восстановлены на следующих страницах: 100, 167, 176, 178, 183, 184, 189—192, 193—200, 205—211, 213, 216, 218, 291, 349, 350, 352.

[1] «обирают» — 100.	[20] «ему предлагают» — 196.
[2] «в некоторых странах» — 167.	[21] «Общественные услуги» — 197.
[3] «бывает в некоторых случаях» — 177.	[22] «неумения управлять своими делами» — 198.
[4] «общественных услугах» — 192.	[23] «общество» — 198.
[5] «общественным услугам» — 191.	[24] «общественных» — 198.
[6] «общественных услугах» — 191.	[25] «общество» — 198.
[7] «общество» — 191.	[26] «посягательства на чужую собственность» — 199.
[8] «относительно общественных услуг» — 194.	[27] «философское учение» — 207.
[9] «общество» — 194.	[28] «экономическая» — 207.
[10] «услуг различного рода» — 194.	[29] «проявление зла» — 208.
[11] «общественные услуги» — 194.	[30] «разрушает зло в его основаниях» — 208.
[12] «круг общественных услуг» — 194.	[31] «нравственного учения» — 209.
[13] «общества» — 194.	[32] «нравственное учение» — 210.
[14] «такого рода силы» — 195.	[33] «этот род нравственного учения» — 211.
[15] «и в других странах» — 195.	[34] «нравственного учения» — 213.
[16] «общество само стало надзирать за злоупотреблением» — 195.	[35] «общества» — 213.
[17] «общественных» — 195.	[36] «разыскания» — 218.
[18] «это и сбудется» — 195.	[37] «известные учреждения» — 291.
[19] «люди, заведующие общественными услугами» — 196.	[38] «земледельцы других государств» — 352.

Русские переводы сочинений Бастиа

- Государство* // Бастиа Ф. Что видно и чего не видно. Челябинск: Социум, 2006. С. 88—105.
- Грабеж и закон* // Бастиа Ф. Грабеж по закону. Челябинск: Социум, 2006. С. 192—213.
- Даровой кредит* (полемика с П.-Ж. Прудоном) // Бастиа Ф. Экономические гармонии. Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 447—496.
- Закон* // Бастиа Ф. Грабеж по закону. Челябинск: Социум, 2006. С. 1—84.
- Капитал и рента* // Бастиа Ф. Экономические гармонии. Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 423—446.
- Кобден и Лига: Движение а свободу торговли в Англии.* Челябинск: Социум, 2003.
- Проклятые деньги* // Бастиа Ф. Экономические гармонии. Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 785—802.
- Собственность и грабеж* // Бастиа Ф. Грабеж по закону. Челябинск: Социум, 2006. С. 118—191.
- Собственность и закон* // Бастиа Ф. Грабеж по закону. Челябинск: Социум, 2006. С. 85—117.
- Что видно и чего не видно.* Челябинск: Социум, 2006. С. 1—87.
- Экономические гармонии* // Бастиа Ф. Экономические гармонии. Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 47—420.

Готовятся к печати
в издательстве «Социум»

Война кафедр политический экономии
Изобилие
Мир и свобода, или республиканский бюджет
Парламентские несовместимости
Протекционизм и коммунизм

Размышления о поправке г-на Мортимера-Терно

Речь о наказании за промышленные коалиции

Речь о налоге на напитки

Свобода, равенство

Справедливость и братство

Степень бакалавра и социализм

Торговый баланс

В Москве все книги издательства «Социум»
всегда можно купить в магазине «Гнозис»:

10⁰⁰–19⁰⁰ Пн–Пт
м. Парк Культуры
Зубовский пр., д. 2, стр. 1
Тел. (499) 246-05-48

Серия:
«Библиотека ГВЛ»

ФРЕДЕРИК БАСТИА
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СОФИЗМЫ

Корректор: *А. Андреева*
Верстка: *С. Фонченко*
Художественное
оформление: *А. Пушкарный*

Подписано в печать 21.12.2009. Формат 70×100^{1/32}.
Бумага офсетная. Гарнитура «Academia». Усл. печ. л. 16,9.
Уч.-изд. л. 13,2.

ООО Издательство «Социум»
e-mail: info@sotsium.ru ; (495) 330-51-98

Серия «Библиотека ГВЛ»

Бастиа Ф. Грабёж по закону

Челябинск: Социум, 2006. 264 с. (Библиотека ГВЛ: Право)

Бастиа Ф. Что видно и чего не видно

Челябинск: Социум, 2006. 144 с. (Библиотека ГВЛ: Экономика)

Бентам И. Тактика законодательных собраний

Челябинск: Социум, 2006. 206 с. (Библиотека ГВЛ: Политика)

Джевонс У. С. Деньги и механизм обмена

Челябинск: Социум, 2006. 180 с. (Библиотека ГВЛ: Деньги)

Кэллахан Дж. Экономика для обычных людей

Челябинск: Социум, 2006. 423 с. (Библиотека ГВЛ: Экономика)

Мизес Л. фон. Бюрократия

Челябинск: Социум, 2006. 196 с. (Библиотека ГВЛ: Политика)

Мизес Л. фон. Либерализм

Челябинск: Социум, 2007. 336 с. (Библиотека ГВЛ: Политика)

Милль Дж. С. Рассуждения о представительном правлении

Челябинск: Социум, 376 с. (Библиотека ГВЛ: Политика)

Ричард Кобден

Челябинск: Социум, 2006. 240 с. (Библиотека ГВЛ: Биографии)

Ротбард М. Государство и деньги

Челябинск: Социум, 2008. 200 с. (Библиотека ГВЛ: Деньги)

Спенсер Г. Личность и государство

Челябинск: Социум, 2007. 207 с. (Библиотека ГВЛ: Политика)

Гумбольдт В. фон. О пределах государственной деятельности

Челябинск: Социум, 2009. 303 с. (Библиотека ГВЛ: Политика)

Хайек Ф. Цены и производство

Челябинск: Социум, 2008. 202 с. (Библиотека ГВЛ: Экономика)

Энджел Н. Великое заблуждение: Очерк о мнимых выгодах военной мощи наций

Челябинск: Социум, 2009. 409с. (Библиотека ГВЛ: Политика)

Лебон Г. Психология народов и масс

Челябинск: Социум, 2009. 398с. (Библиотека ГВЛ: Политика)